А.Г. Караяни
В.Л. Цветков

Юридическая психология

от эксперимента к практике

А.Г. Караяни, В.Л. Цветков

Юридическая психология

от эксперимента к практике

Рекомендовано Учебно-методическим центром «Профессиональный учебник» в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности (030501) «Юриспруденция»

Рекомендовано Научно-исследовательским институтом образования и науки в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности (030501) «Юриспруденция»

Закон и право • Москва • 2015

УДК [159.9:34](075.8)
ББК 88.4я73-1
К21

Р е ц е н з е н т ы:
доктор психологических наук, профессор *С.Н. Федотов*
доктор психологических наук, профессор *А.Я. Анцупов*

Главный редактор издательства *Н.Д. Эриашвили*,
кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Караяни, Александр Григорьевич.
К21 Юридическая психология: от эксперимента к практике: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.Г. Караяни, В.Л. Цветков. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. — 111 с.
I. Цветков, Вячеслав Лазаревич.

ISBN 978-5-238-02284-0

Агентство CIP РГБ

На примерах классических и авторитетных экспериментальных исследований рассматривается, как и в каких звеньях следственной и судебной практики возникают психологические условия для искажения и дезорганизации правоохранительного процесса.

Для курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД России, студентов и аспирантов высших учебных заведений юридического профиля, преподавателей курсов юридической психологии.

ББК 88.4я73-1

ISBN 978-5-238-02284-0

Введение

В начале 2010 г. в одной из телевизионных программ российского телевидения прошел интересный сюжет о преступлении, совершенном молодой женщиной. В мусорном баке одного из дворов был найден мертвый новорожденный ребенок. Следствие выяснило, что в соседнем доме проживает ранее судимая, склонная к употреблению спиртных напитков и разгульному образу жизни гражданка Г., стоявшая на учете в поликлинике по поводу предстоящих родов. По опросам свидетелей, она заявляла о нежелании иметь ребенка и готовности от него избавиться. Кто-то из свидетелей показал, что Г. искала возможность сделать криминальный аборт. Нашлись люди, которые видели женщину, похожую на нее, у мусорного бака в ночь преступления. Во время проведения следствия Г. исчезла с места своего постоянного жительства и скрывалась в неизвестном месте. В ее квартире нашли целлофановый пакет, идентичный тому, в который был завернут труп ребенка.

В местной прессе появились статьи, осуждающие преступление Г. и по существу призывающие к «охоте» на нее. Некоторые участники многочисленных интервью говорили о готовности лично «разобраться» с детоубийцей. В конце концов ее задержали, и под давлением неопровержимых доказательств она созналась в содеянном и была осуждена.

Казалось бы, это классический сюжет из следственной и судебной практики. Его можно было бы включить в учебники по юридической психологии, если бы ни одно «но». Через 1,5 месяца Г. благополучно родила в тюрьме вполне здорового ребенка.

Оказалось, что Г. действительно имела снятую судимость. Но после отбывания срока вела вполне законопослушный образ жизни. Однако даже празднование Нового года или дня ее рождения соседи квалифицировали как разгул. Она действительно заявляла о том, что боится родить ребенка без мужа и достойной работы, но никогда не говорила о том, что хочет избавиться от него. Более того, беременность проходила сложно и Г. состояла на учете в поликлинике по поводу сохранения ребенка. В ночь, когда было совершено преступление, она уезжала к матери в небольшой провинциальный городок, где был хорошо известный ей роддом. Она действительно

проходила мимо мусорного бака и выбросила мусор в пакете, который бесплатно выдавался всем желающим в соседнем магазине.

Прочитав в газете о своем «преступлении» в прессе и ощутив опасность, исходящую от людей, она сама пришла в милицию, пытаясь доказать свою невиновность, но ее «убедили» в виновности и целесообразности изоляции от людского гнева. Суд «не заметил» 8-месячной беременности Г. После того как были открыты обстоятельства дела, никто из участников процесса чувства вины не испытал.

Таким образом, порой именно абсолютная «очевидность» совершенного преступления является причиной следственных и судебных ошибок, больших человеческих трагедий. По существу, решения о виновности или невиновности человека в таких случаях выносятся не на основании объективных доказательств, а *на основании психологических аспектов ситуации*.

Другой, более громкий случай из этого же ряда произошел в США. Звезда футбола, актер и журналист О. Дж. Симпсон был обвинен в жестоком убийстве своей бывшей жены и ее приятеля. Улики, по мнению обвинения, в полной мере доказывали его вину. Действительно, судебно-медицинская экспертиза установила, что кровь, обнаруженная на месте преступления, принадлежит подозреваемому. Кровь его жертв была обнаружена на перчатках, в автомобиле и находящемся в спальне носке Симпсона. Время и направления его поездок в ночь убийства позволяли совершить преступление. Утром следующего после убийства дня Симпсон скрылся. В отношениях между Симпсоном и его бывшей женой имели место ссоры и угрозы насилием.

Однако адвокаты Симпсона доказывали, что сотрудник полиции, нашедший окровавленную перчатку в поместье Симпсона, мог руководствоваться расовыми предрассудками. Присяжные, состоявшие на две трети из женщин, не могут быть непредвзятыми по отношению к мужчине, якобы зверски убившем свою жену. Кампания в СМИ, предшествовавшая судебному разбирательству, не могла не повлиять на решение присяжных (около 77% опрошенных белых и всего 45% черных американцев считали выдвинутые доказательства достаточными)[1]. В результате подследственный был оправдан.

Статистика неумолимо свидетельствует о наличии большого процента судебных ошибок. С 1977 г. в США отменили смертный приговор 124 осужденным по вновь открывшимся доказательствам, подтверждающим их невиновность в преступлениях, за которые их осудили и казнили. При этом общее количество о казненных в этой стране за 30-летний период достигло 1057 человек. Таким образом, количество ошибочно приговоренных к смерти составляет более 10% всех смертных приговоров.

---

[1] *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 1999. С. 399.

С 1989 по 2009 г. на основе анализов ДНК было оправдано более 170 человек в 31 штате США, ранее признанные виновными в совершении тяжких преступлений. По всем делам были показания либо пострадавших, либо свидетелей, либо присяжным казались неопровержимыми доводы стороны обвинения.

Анализ материалов СМИ показывает, что немало ошибок, стоящих людям жизни, совершили и наши отечественные суды. Вспомним, за первое убийство, совершенное маньяком Чикатило, 5 июля 1983 г. был расстрелян невиновный в нем Александр Кравченко.

Ф. Зимбардо и М. Ляйппе[1] проанализировали те звенья в цепи разворачивающихся после совершения преступления следственно-разыскных и судебных событий, которые могут существенно корректироваться психологическими обстоятельствами. Перечислим их применительно к российским особенностям следственно-оперативной и судебной деятельности в виде постановочных вопросов:

- могут ли сотрудники правоохранительных органов, задавая вопросы определенным образом, повлиять на то, что вспомнят (или будут думать, что вспомнили) свидетели?
- способны ли сформулированные на основе свидетельских показаний версии преступления повлиять на дальнейший поиск новых улик, их интерпретацию?
- имеются ли возможности оказания непреднамеренного давление на свидетеля, участвующего в опознании преступника?
- возможно ли с помощью психологических манипуляций принудить подозреваемого признать вину, даже если он не совершал преступления?
- влияют ли лингвистические характеристики участников судебного разбирательства на принятие решения присяжными заседателями?

Размышление над перечисленными вопросами побуждает более пристально отнестись к психологическим факторам правоохранительной деятельности.

Студенты юридических вузов, безусловно, изучают принципы и психологические факторы эффективного следствия и судопроизводства. Однако иногда эти факторы воспринимаются ими как сопутствующие, второстепенные аспекты следственного и судебного делопроизводства. На самом деле нередко именно психологические компоненты следствия и суда определяют исход дела. Знание психологических факторов, закономерностей, барьеров делает одних работников правоохранительных органов чуткими, наблюдательными, проницательными, смекалистыми, профессиональными. Других — формальными исполнителями формальных процедур следствия и судопроизводства.

---

[1] *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Социальное влияние. СПб.: Питер, 2000. С. 315—316.

Правоохранительная и правоприменительная деятельность часто реализуются в форме острого противоборства психологий (остроты ощущений, точности восприятия, прочности памяти, гибкости мышления, яркости представлений, силы мотивации, воли, коммуникабельности и т.д.) с субъектами, нарушающими закон. В каждой из психологических составляющих правоохранительного процесса могут возникать неточности, ошибки, сбои, сознательные искажения. Специалисту в этой области необходимо не только знать о самой возможности возникновения этих погрешностей, но и предугадывать их, обнаруживать в своей деятельности, выявлять в поведении подозреваемых, подсудимых, свидетелей, судей, присяжных заседателей.

Чуткости, проницательности и смекалке нельзя научить на учебных занятиях. Эти качества можно «вырастить» у себя в процессе «проживания» профессионально важных ситуаций, в ходе решения задач практической правоохранительной деятельности.

Задача данного учебного пособия состоит в том, чтобы на примерах классических и авторитетных экспериментальных исследований показать специалистам правоохранительных органов, как и в каких звеньях следственной и судебной практики возникают психологические условия для искажения и дезорганизации правоохранительного процесса, где кроются «подводные камни» и опасности ошибок. Читатели могут шаг за шагом проследить психологические «траектории» подобных ошибок. Они также могут заочно поучаствовать в перечисленных экспериментах, испытать свои способности и профессиональные качества.

Учебное пособие рассчитано на курсантов вузов МВД России и студентов высших учебных заведений юридического профиля, преподавателей, ведущих курсы юридической психологии. Оно представляет вполне конкретный интерес для аспирантов, разрабатывающих диссертации по юридической психологии и юридическим наукам в плане знакомства со схемами, планами и методическим обеспечением экспериментальных исследований.

Психологические причины преступного поведения 1

Проблема поиска причин противоправного поведения людей является весьма актуальной и популярной темой исследований в криминологии, социологии, педагогике, юридической и социальной психологии и в ряде других научных дисциплин. Но только путем интеграции знаний различных наук мы сможем заложить «маленькие кирпичики веры» в то, что когда-либо обретем полноценное понимание наших поступков и поведения.

Источники, стимулирующие отклонение от норм морали и права, не действуют изолированно друг от друга. Они находятся в определенном взаимопереплетении и единстве.

> Отличительная особенность современного психологического знания — это системный подход к рассмотрению причин и факторов отклоняющегося поведения, разработка данной проблемы в контексте интеграции различных наук: юриспруденции, социологии, психиатрии, педагогики и т.д., что, в свою очередь, позволяет комплексно подходить к организации деятельности по предупреждению преступлений.

К ним мы, прежде всего, относим сложно переплетенные детерминанты экономического, социального, культурного, социально-психологического и демографического характера, среди которых: жилищные, трудовые, бытовые и иные социальные проблемы; сокращение расходов на социальные программы; изменения в нравственном состоянии общества; средства массовой информации, состояние таких важнейших институтов, как семья и брак; социальное сиротство; неформальные объединения молодежи; вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений вместе со взрослыми; миграция населения и т.д.

Специфика психологического подхода состоит в том, что предметом психологического анализа является не столько обобщение, классификация, обнаружение общих тенденций в правоохранительных процессах, сколько выявление психологических предпосылок, условий, причин, а также прогнозирование направлений и характера активности всех их участников.

Психолог действует согласно известной формуле Цицерона: «Окончательное благо и наивысшая обязанность для мудреца — сопротивляться видимости». Он ничего не принимает на веру. Лишь построив психологическую модель того или иного социального явления, познав экспериментально закономерности ее функционирования, он вырабатывает рекомендации по оптимизации этого функционирования.

Психологами разных стран и научных направлений проведены сотни экспериментов, в которых воссоздавались реальные условия жизнедеятельности людей, сознательно и бессознательно нарушающих закон. Их результаты позволяют выделить основные психологические предпосылки и причины правонарушений, такие как: влияние социальных стереотипов на противоправное поведение; конформизм как психологический механизм совершения противоправных поступков; ситуативная безответственность как предпосылка противоправного поведения; психическое внушение, заражение и подражание в формировании преступного поведения; социальное научение как фактор противоправного формирования поведения; выученная беспомощность как фактор преступности.

1.1. Влияние социальных стереотипов на противоправное поведение

Под ***социальным стереотипом*** обычно понимают упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей. Нередко при определении социального стереотипа подчеркивают его целостность, ярко выраженную оценочную и ценностную окраску, нагруженность его так называемым ошибочным компонентом и т.п.

Прежде чем приступить к ознакомлению с материалами данного параграфа, испытайте свои профессиональные мировоззренческие позиции и установки. Попытайтесь ответить на следующие вопросы (см. с. 9).

Для ответа на них обратимся к конкретным исследованиям. В опытах А.А. Бодалева предлагали группе взрослых испытуемых описать человека по фотографии. Перед показом одного и того же фотопортрета одной группе дали понять, что это портрет героя, а другой — преступника.

В зависимости от предлагаемого статуса человека изменились описания, данные испытуемыми по фотографии. Например, преступник характеризовался как «зверюга» со стандартным «бандитским подбородком», опустившийся и очень озлобленный со злым взглядом. Герой — человек с волевым, мужественным лицом, с правильными чертами, с огромной душевной силой и стойкостью.

ВОПРОСЫ

1. Могут ли психически здоровые и законопослушные люди, не склонные к агрессии и насилию, не имеющие опыта участия в асоциальном поведении, без влияния жизненно важных обстоятельств в течение короткого времени превратиться в настоящих садистов?

2. Могут ли люди, повседневно порицающие жестокость, практически мгновенно превратиться в людей, испытывающих наслаждение от насилия?

3. Может ли человек, всю жизнь нарушавший закон и отсидевший большую ее часть в тюрьме, стать самым яростным сторонником закона?

Аналогичный эксперимент был поставлен В.Л. Цветковым на практических занятиях с курсантами одного из вузов МВД России. Так, при характеристике «преступника» одна из девушек в «сердцах», обращаясь к присутствующим, сказала: «Посмотрите внимательно, у него же даже уши преступные!»

В связи с этим также нельзя не вспомнить исследование П. Уилсона, показывавшего студентам разных классов колледжа одного и того же мужчину, которого он назвал «мистер Инглэнд». В одном классе Уилсон представлял «мистера Инглэнда» как студента, во втором — как лаборанта, в третьем — как преподавателя, в четвертом — как профессора. После того как гость уходил, студентов просили максимально точно определить его рост и рост самого экспериментатора. Оказалось, что рост «мистера Инглэнда» неуклонно увеличивался по мере увеличения его социального статуса, в то время как рост самого Уилсона не менялся. Интересно, что разрыв в росте «мистера Инглэнда» от показа в первом до последнего классах составлял 14—15 сантиметров [1].

В юридической психологии известно немало экспериментов, проведенных в имитированных судах, когда испытуемые, выступая

---

[1] *Wilson P.* Perceptual distortion of height as a function of ascribed academic status // J. Soc. Psychol. 1968. Vol. 74. P. 97—102.

в роли судей, получают для рассмотрения описание «преступлений» и должны вынести приговор «преступнику».

Эксперимент — исследовательская стратегия, в которой осуществляется целенаправленное наблюдение за каким-либо процессом в условиях регламентированного изменения отдельных характеристик условий его протекания. При этом происходит проверка гипотезы. Принято выделять два вида эксперимента — *естественный*, участники которого не знают о своей роли испытуемых, и *лабораторный*, который обычно проводится в специально оборудованных помещениях и на испытуемых, которые сознательно участвуют в эксперименте, хотя могут и не знать об истинном назначении эксперимента.

В одном из таких экспериментов, проведенном Лэнди и Аронсоном, испытуемые рассматривали случай непреднамеренного убийства, когда пьяный водитель поехал на красный свет и сбил пешехода. В этом исследовании вместе с описанием происшествия давалась и краткая характеристика обвиняемого, которая была разная для разных испытуемых. В одном случае сообщалось, что этот водитель очень положительный, приятный человек, хороший страховой агент. Другие «судьи» полагали, что обвиняемый — дворник, разведенный, с криминальной биографией. В третьем случае просто говорилось, что он работает неподалеку. Оказалось, что в первом и третьем случаях совершившему трагический наезд водителю (страховому агенту или работавшему недалеко) присуждалось меньшее наказание, чем во втором — дворнику. Иными словами, как и ожидалось исследователями, приговор выносился в зависимости от привлекательности статуса «подсудимого»: чем выше статус, тем мягче приговор. По всей видимости, приписывание качеств «разного достоинства» в результате ошибки привело в данном случае к разной оценке степени виновности человека.

В другом исследовании проверялось влияние физической привлекательности «обвиняемого» на приговор «судей». В эксперименте испытуемым (судьям) вместе с описанием совершенного проступка предъявлялись фотографии «преступников», которые были заранее оценены как привлекательные или непривлекательные. Как и можно было ожидать, физически привлекательные преступники получали более мягкое наказание, чем непривлекательные. Понятно, что здесь мы имеем дело с последствиями «ошибки внешних данных».

Зарубежные психологи К.Р. Бартол (1980) и Ф. Мэнахэм (1987) изучали проблему особенностей социально-психологического восприятия преступников населением и сотрудниками правоохранительных органов. Было, в частности, установлено, что внешне при-

влекательные преступники по сравнению с непривлекательными получают менее строгие наказания (особенно в судах присяжных) и одновременно при отбытии наказания в местах лишения свободы со стороны персонала к ним применяются менее строгие дисциплинарные меры, чем в отношении лиц, осужденных за аналогичные преступления, но имеющих непривлекательную наружность.

И наконец, еще в одном исследовании проявилось влияние предполагаемого сходства во взглядах между «судьей» и «преступником» на вынесение оценки виновности преступника. В эксперименте Гриффита и Джексона вместе с описанием преступления испытуемым сообщали высказывания (в целом консервативные) «преступника» о Боге, о родине, о половых проблемах. Оказалось, что те испытуемые, которые придерживались таких же консервативных взглядов (мнения «судей» были измерены предварительно), были значительно более снисходительны при вынесении приговора, чем те, которые имели другие взгляды.

Таким образом, все три «ошибки» социальной перцепции, обсужденные ранее, — налицо. В результате определенным образом направленного (направление задается оценкой «критериев» превосходства, внешних данных и отношения) приписывания качеств дается та или иная оценка виновности человека и выносится приговор. Вроде бы это все закономерно, но хочется спросить: «Как же так?» Неужели от того, насколько красивая у меня прическа или кофточка, должна зависеть моя судьба? Ведь все должно быть по-справедливости, перед законом все равны. По крайней мере, все это странно и неприятно сознавать, что в общем «не относящееся к делу» сходство во взглядах судьи и преступника может существенно изменить приговор. Вот если бы я участвовал в этом эксперименте, хочется думать каждому, я бы обращал внимание не на эти характеристики, а на другое — скорее всего, попытался бы выяснить, не «какой» человек передо мной, а «почему» он так поступил и «зачем». Ведь важно не что он думает о каких-то в данный момент отвлеченных предметах, а был ли его поступок намеренным или нет, хотел он этого или не хотел, знал ли он вообще о возможных последствиях своего поступка и т.п.

Рассмотрим знаменитое исследование, проведенное в августе 1971 г. американским психологом Филиппом Зимбардо, всколыхнувшее не только мир науки, но и широкую общественность. Под названием «Стэнфордского тюремного эксперимента» оно вошло в мировую культуру как шедевр психологической технологии, позволивший глубже понять природу человека[1].

---

[1] *Арносон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р.* Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб.; М.: Нева: Олма-ПРЕСС, 2002. С. 300.

Зимбардо задался вопросом, что же все-таки является главным побудителем поведения — наследственность, приобретенный человеком опыт или исполняемые им социальные роли? Экспериментатор выдвинул гипотезу, что важнейшим из перечисленных факторов является последний. То есть исполнение тех или иных социальных ролей обусловливает конкретные формы социального поведения. Как известно, человек, включенный в процесс социального взаимодействия, занимает тот или иной *социальный статус* (позицию). Он может быть сыном, супругом, родителем, директором, членом партии, полицейским, военнослужащим, руководителем попечительского совета, водителем автомобиля, пешеходом и т.д. Находясь на той или иной социальной позиции, человек строит свое поведение в соответствии с ожиданиями (экспектациями) социума.

Такое поведение, осуществляемое в соответствии с ожиданиями социума, называется *социальной ролью*. Безусловно, люди, отличаясь по своим личностным свойствам, привносят в исполнение социальных ролей что-то своеобразное. Но в целом ролевое поведение определяется экспектациями окружающих, т.е. представлениями о должном поведении человека, занявшего ту или иную социальную позицию. В противном случае человек может лишиться той или иной роли.

> ***Экспектации*** (от англ. expectation — ожидание) — система ожиданий, требований относительно норм исполнения индивидом социальных ролей — представляют собой разновидность социальных санкций, упорядочивающих систему отношений и взаимодействий в группе. В отличие от официальных предписаний, должностных инструкций и других регулятивов поведение в группе экспектации носит неформализованный и не всегда осознаваемый характер. Две основные стороны экспектаций — право ожидать от окружающих поведения, соответствующего их ролевой позиции, и обязанность вести себя соответственно ожиданиям других людей. Различают экспектации предписывающие, определяющие должный характер исполнения индивидом роли, а также предсказывающие, определяющие вероятностный характер исполнения этой роли с учетом индивидуальных особенностей субъекта и конкретной ситуации.

Так как же гласные или негласные ролевые обязательства влияют на поведение человека, которое можно отнести к категории противоправных? Проверка характера этого влияния стала целью последующей экспериментальной работы.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, Зимбардо создал в подвале Стэнфордского университета экспериментальную тюрьму. Тюрьма была устроена по всем правилам. В ней были камеры, карцер, комната для свиданий, помещения для охранников и администрации. Во всех помещениях были установлены камеры наблюдения, информация с которых тщательно записывалась.

Участвовать в эксперименте пригласили мужчин-добровольцев, студентов и сотрудников университета. Главным требованием, предъявляемым к участникам эксперимента (*экспериментальная выборка*), было отсутствие опыта противоправного и агрессивного поведения по отношению к окружающим.

К эксперименту не допускались и те лица, в ближайшем окружении которых были совершены преступления. Таким образом, из числа экспериментальных факторов были исключены факторы плохой наследственности и криминального опыта. С помощью процедуры многоступенчатого тестирования (серия психологических тестов, анализ автобиографий и собеседования) из семи десятков претендентов на участие в эксперименте было отобрано 24 нормальных, психологически уравновешенных и интеллектуально развитых молодых людей. Они имели лишь стереотипное представление об охранниках и заключенных и правилах их взаимодействия, сформировавшееся под влиянием литературы, кино, СМИ. За участие в эксперименте каждый получал 15 долл. в день (сегодня это около 80 долл.).

Благодаря перечисленным процедурам экспериментатор исключил возможность влияния на ход эксперимента *побочных факторов* (например, плохой наследственности, предшествующего опыта деструктивного поведения и т.д.). Используя *метод случайного выбора* («орел-решка»), Зимбардо разделил экспериментальную выборку на две группы. Затем с помощью этого же метода одну группу он назвал «заключенные», а вторую — «охранники».

Охранникам была выдана униформа цвета хаки, темные очки, исключающие возможности зрительного контакта с заключенными, резиновые дубинки и свистки. Все эти аксессуары несли психологическую нагрузку. Они были призваны подчеркнуть властность и дистанцировать охранников от заключенных. Применение физической силы правилами эксперимента запрещалось. В их обязанность вменялось «требовать исполнения всех правил». Охранники должны были работать по сменам и возвращаться домой в выходные, хотя впоследствии многие участвовали в неоплаченных сверхурочных дежурствах.

Условия тюремного заключения моделировались следующим образом. Накануне эксперимента охранники вместе с полицией приехали в дома будущих «заключенных» и «арестовали» их — одели

в унижающую человеческое достоинство, подобранную не по размеру, бесформенную одежду (халаты и резиновые шлепанцы), надели наручники, объяснили, что они обвиняются в вооруженном ограблении, и отвезли в участок. Там на них завели дело, сфотографировали, сняли отпечатки пальцев, зачитали права. Вместо имен каждому присвоили тюремный номер. После этого их с завязанными глазами перевезли в «Стэнфордскую тюрьму».

«Заключенных» заставили носить женский чулок на голове, запретили носить белье и одели в коротенькие халатики. На правой щиколотке заключенных постоянно была цепь с замком. Слабая боль и постоянное неудобство от этой цепи должны были служить постоянным напоминанием «заключенному», что он находится в тюрьме. Каждый из «заключенных» систематически обыскивался, подвергался процедуре раздевания, якобы чтобы опрыскиваться антибактериальным спреем от вшей. Все это было проделано в целях создания эффекта деиндивидуализиции (обезличивания) людей, их унижения, психологического подавления и угнетения. Это было сделано, чтобы участники эксперимента почувствовали себя заключенными, а не просто участниками эксперимента.

Эти люди, помещенные в условия экспериментальной тюрьмы и выполняющие различные социальные роли («охранников» и «заключенных») составили *объект исследования*, а характер влияния представлений участников эксперимента о выполняемых ими ролях на их поведение составил *предмет исследования*.

Таким образом, в проводимом эксперименте Зимбардо изучал, как *независимая переменная* (представление о социальной роли охранника или заключенного) влияет на *зависимую переменную* (поведение в ситуации «тюремного заключения»).

Ход эксперимента. В ходе эксперимента задача участников состояла в том, чтобы вести себя в соответствии с экспериментальными ролями.

Эксперимент был рассчитан на две недели, однако через шесть дней экспериментаторы вынуждены были его прекратить, так как участники опасно вжились в экспериментальные роли. Они уже не могли отличить игру от реальности.

Несмотря на наличие во всех помещениях видеокамер, «охранники» начали унижать «заключенных», придумывая все более жестокие и оскорбительные порядки. Они лишали «заключенных» контактов с близкими, одевали им на голову бумажные пакеты, раздевали донага, ставили на колени, сажали в карцер. Нарушителям порядка не разрешали принимать душ. Некоторых из них заставляли чистить унитазы голыми руками. «Заключенных» стравливали их друг с другом, заставляли думать, что в их рядах есть «информаторы», т.е. они вели себя как настоящие «зеки». Одни безропотно исполняли требования «охранников», другие вяло сопротивлялись, третьи бунтовали. Уже к концу второго дня эксперимента поведение «заключенных» стало беспокойным и вызывающим. Некоторые начали демонстративно нарушать распорядок. Вспыхнул бунт, который был жестко подавлен «охранниками».

За несколько дней пребывания в ложной тюрьме испытуемые приобрели реальные свойства настоящих заключенных — подавленность, травмированность, пассивность. Четверых из них пришлось досрочно освободить от участия в эксперименте из-за истерических проявлений или тяжелой депрессии. Однако у большинства из них не возникло даже мысли о том, чтобы прекратить участие в эксперименте. Казалось, они уверовали в то, что осуждены. «Тюремный» стиль поведения реализовали 100% участников эксперимента.

Позже Зимбардо писал: «Драматические изменения наблюдались почти во всех аспектах их поведения, образе мыслей и чувствах. Менее чем за неделю опыт заключения зачеркнул все то, чему они научились за целую жизнь; человеческие ценности оказались «замороженными», самосознанию каждого из них был брошен вызов, а на поверхность вышла самая гадкая, самая низменная, патологическая сторона человеческой природы. Нас обуревал ужас, когда мы видели, что некоторые парни («охранники») относились к другим парням («заключенным») как к бессловесным животным, получая удовольствие от проявления жестокости; в то же время другие парни («заключенные») становились подобострастными, дегуманизированными роботами, которых занимала лишь мысль о побеге, проблема личного выживания да растущая ненависть к «охранникам»»[1].

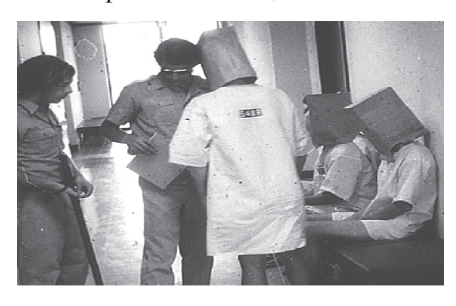
Интерпретация результатов эксперимента. В ходе эксперимента было доказано, что в определенных ситуациях социальная роль, исполняемая весьма порядочным человеком, заставляет его игнориро-

---

[1] В этом и во всех последующих экспериментах психологами в постэкспериментальный период с испытуемыми проводились психоконсультационные и психореабилитационные мероприятия, направленные на снятие негативных переживаний и сохранение позитивной самооценки.

вать собственные представления о морали и сформировавшиеся ценности. Это явление Зимбардо назвал *эффектом Люцифера* (падшего ангела).

Таким образом, цель исследования был достигнута, экспериментальная гипотеза доказана. Результаты эксперимента наглядно указывают на зависимость социального поведения отдельных людей и социальных групп от содержания ролевых стереотипов, имеющихся в общественном сознании. Следовательно, «хорошие» люди, попав в «плохую» социальную ситуацию, способны вести себя «плохо». Для того чтобы успешно бороться с преступностью, недостаточно повышать строгость наказаний за нарушение закона, важно предвосхищать создание ситуаций, провоцирующих преступное поведение. Не поборов преступности в общественном сознании, нельзя побороть ее в общественной жизни.

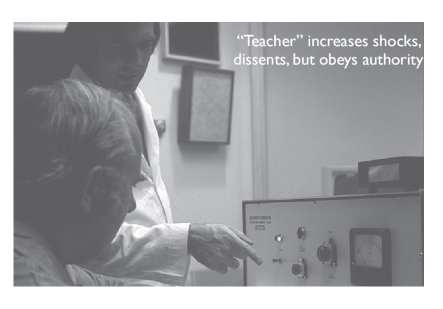

Если мы хотим изменить отношения между взяткодателями и взяткополучателями, заключенными и охранниками в тюрьмах, неуставные взаимоотношения в армии, нужно начать с изменения этих отношений в сознании членов общества. В противном случае новые бюрократы от власти, новые охранники и заключенные, новые «деды» в армии будут постоянно «приносить» в тюрьмы извращенные представления о характере взаимоотношений между рассматриваемыми социальными ролями.

Верность и надежность полученного в эксперименте результата нашли неожиданное подтверждение. Дело в том, что в эксперименте была прописана еще одна социальная роль — роль эксперта, которому было дано право «освобождать» из «тюрьмы» «заключенных», ведущих себя примерно. Для исполнения этой роли был приглашен человек, отсидевший в тюрьме многие годы за различные преступления. Этот человек не понаслышке знал, чего стоит свобода. Многие годы вместе с сокамерниками он мечтал поскорее выйти на волю. Сотни раз он возмущался той несправедливостью, с которой администрация настоящей тюрьмы рассматривала прошения заключенных. Возможно, он даже ненавидел администрацию тюрьмы за бессердечность. Теперь именно ему было дано право решать вопрос о том, выпускать человека на свободу или оставлять в тюрьме. Что победит в этой ситуации: сформировавшиеся ранее убеждения или ролевая ситуация? Победила роль. Ни одного «заключенного» «эксперт» не выпустил на свободу, аргументируя это тем, что никто из них «не дозрел».

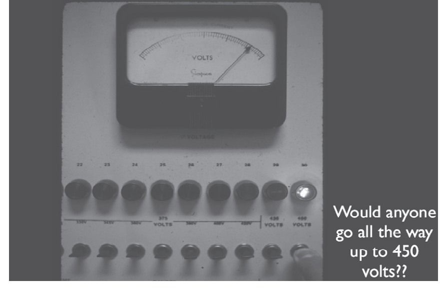
Последний экспериментальный факт указывает и на один из важнейших путей перевоспитания и ресоциализации лиц, нарушавших закон, — их необходимо наделять такими социальными ролями, которые предусматривают противодействие противоправному поведению. Великий социальный эксперимент длиной почти в человеческую жизнь, подтверждающий верность этого пути, поставил выдающийся российский педагог А.С. Макаренко.

В эксперименте Ф. Зимбардо исследовалось влияние на поведение людей формальных (зафиксированных в социальной структуре и функционально прописанных) ролей, содержащих высокий потенциал деструктивности.

А может ли порождать противоправное поведение взаимодействие между высококонструктивными ролями, если оно осуществляется в контексте жесткой упорядоченности? На этот вопрос решил ответить американский психолог Стэнли Милграм. В 1965 г. в лаборатории Йельского университета он провел свой знаменитый эксперимент, который перевернул представление многих ученых и обывателей о природе человека.

Эксперимент проходил по схеме, предусматривающей использование «*подсадной утки*» (человек, который, в тайне от испытуемых по заданию экспериментатора выполняет в процессе исследования определенную роль участника эксперимента). В том случае, когда в эксперименте действует более одной подсадной утки, речь идет о ***подставной группе.*** В газете было опубликовано объявление о наборе желающих для участия в эксперименте по изучению процесса обучения и памяти. Так как участие в эксперименте стимулировалось, быстро нашлись желающие сорвать легкие деньги.

Ход эксперимента можно описать так. При прибытии в экспериментальную лабораторию испытуемый встречает экспериментатора и еще одного, ранее прибывшего, «испытуемого». На самом деле второй участник находится в сговоре с экспериментатором, и, входя в подставную группу, он, как артист, выполняет заранее заданную роль.

Экспериментатор объясняет цель эксперимента — изучить процессы мышления и запоминания человеком информации с исполь-

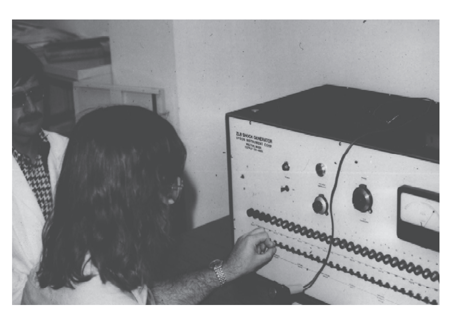
зованием метода наказания. Он говорит о том, что по условиям эксперимента один участник должен выполнять роль обучающего («учителя»), а другой — обучаемого («ученика»). Распределение ролей осуществляется якобы методом случайного выбора. Экспериментатор подбрасывает монету, и роль «ученика» удачно «выпадает» артисту, а роль «учителя» — истинному испытуемому.

По инструкции «учитель» должен зачитывать «ученику» пары слов, а последнему нужно запоминать их. В случае ошибки «учитель» обязан наказывать «ученика» ударом электрического тока. Причем после каждой очередной ошибки напряжение возрастает на 15 вольт.

«Ученика» уводят в соседнюю комнату. «Учителю» показывают, как подопечного сажают на стул и к его запястьям присоединяют электроды. Провода от электродов идут к специальному пульту в комнате, где будет находиться «учитель» и экспериментатор. «Учитель», чтобы получить представление о процессе, получает несильный «ознакомительный» удар током в 45 вольт. Он понимает, что участвует в серьезном и даже опасном деле.

Экспериментатор и «учитель» возвращаются в лабораторное помещение, и «учитель» занимает свое место перед «генератором тока» с 30 переключателями. Устройство позволяет варьировать «напряжением» от 15 до 450 вольт. При включении каждого последующего переключателя вспыхивает лампочка и звучит зуммер, что свидетельствует о том, что напряжение возросло на 15 вольт. На шкале прибора видны надписи: «Слабый удар», «Очень сильный удар», «Опасно: сильнейший удар!» На самом деле все приборы лишь бутафория. Никакого тока нет, а значит, и нет опасности.

Уже в начале эксперимента «ученик» делает первую ошибку. «Учитель», сначала неуверенно поглядывая на экспериментатора, включает первый переключатель с маркировкой 15 вольт. В комнате

«ученика» раздается удивленное «Ой!». Постепенно количество ошибок возрастает. Возрастает и напряжение тока.

Вот как описан ход эксперимента в книге С. Милграма «Подчинение авторитету»[1]: «75 вольт: «Уй!» 90 вольт: «Уй!» 105 вольт (громче): «Уй!» 120 вольт: «Уй! Это и правда больно!» 135 вольт: «Уй!» 150 вольт: «Экспериментатор! Это все. Выпустите меня отсюда. Я вам говорю, у меня с сердцем плохо. Меня беспокоит, что у меня с сердцем. Я отказываюсь продолжать. Выпустите меня». 165 вольт

[1] *Майерс Д.* Указ. соч. С. 279.

(кричит): «Уй! Выпустите меня!» 180 вольт (кричит): «Уй! Я не хочу терпеть боль. Выпустите меня!» 195 вольт: «Уй! Выпустите меня отсюда. У меня болит сердце. Выпустите меня отсюда». Вы не имеете права держать меня здесь! Выпустите меня отсюда. Выпустите меня. Выпустите меня. Выпустите меня отсюда». 210 вольт: «Уй! Экспериментатор! Выпустите меня отсюда. С меня хватит. Я больше не хочу участвовать в этом эксперименте». 225 вольт: «Уй!» 240 вольт: «Уй!» 255 вольт: «Выпустите меня отсюда!» 270 вольт (агонизирующий крик): «Выпустите меня отсюда. Выпустите меня отсюда. Выпустите меня. Выпустите меня отсюда. Вы слышите меня? Да выпустите же меня отсюда!» 285 вольт — агонизирующий крик. 300 вольт (агонизирующий крик): «Я абсолютно отказываюсь отвечать дальше. Выпустите меня отсюда. Вы не имеете права держать меня здесь. Выпустите меня отсюда. Выпустите меня. Выпустите меня отсюда!» 315 вольт (очень громкий агонизирующий крик): «Я вам говорю, я отказываюсь отвечать. Я больше не участвую в этом эксперименте». 330 вольт (громкий и продолжительный агонизирующий крик): «Выпустите меня отсюда! Выпустите меня отсюда! У меня болит сердце! Выпустите меня отсюда, я вам говорю (истерически)! Выпустите меня отсюда! Выпустите меня отсюда! Вы не имеете права держать меня здесь. Выпустите меня! Выпустите меня! Выпустите меня отсюда! Выпустите меня! Выпустите меня! Выпустите меня!» В какой-то момент «учитель» выражает экспериментатору свой протест, заявляя, что у «ученика» болит сердце и что он не собирается убивать его. Однако экспериментатор говорит, что отсутствие ответа будет приравнено к неверному ответу, и, чтобы заставить его продолжать, использует всего четыре фразы: «Пожалуйста, продолжайте», «Условия эксперимента требуют, чтобы вы продолжали», «Чрезвычайно важно, чтобы вы продолжали», «У вас нет другого выбора, вы должны продолжать».

После удара силой 330 вольт «ученик» замолкает, наступает тишина, которая длится до конца эксперимента. Это означало, что, возможно, «ученик» погиб от удара током предельной мощности. Несмотря на это, из 40 испытуемых (мужчины — представители разных профессий в возрасте от 20 до 50 лет) 25 (65%) дошли до ударов силой 450 вольт.

В своем эксперименте Милграм показал, что люди воспринимают власть и ее представителей как наделенных правом давать любые приказания, а остальных людей — как обязанных подчиняться власти. Он также выявил условия, порождающие покорность людей. В дальнейшем Милграм провел более десятка подобных экспериментов, в которых приняло участие более 1000 человек. В них он, изменяя социальные условия, обнаружил различные реакции испытуемых — от полного отказа подчиниться до полного подчинения (в 93 случаях из 100). Установлено, что в большей мере подчинению

способствуют следующие четыре фактора: эмоциональная удаленность жертвы, присутствие «носителя власти» и его легитимность, институциональность власти и раскрепощающее влияние тех, кто не подчинился.

Чтобы снять возможное влияние культурального фактора, аналогичные эксперименты были проведены в Австралии, Германии, Иордании, Испании. Они подтвердили, что выявленная закономерность некритичного подчинения власти универсальна.

Результаты эксперимента Милграма чудовищны. Они свидетельствуют о том, что люди в своем большинстве склонны вопреки своей совести подчиняться даже очевидно преступным приказам. Интерпретируя полученные результаты, Милграм отметил: «Если бы в Соединенных Штатах была создана система лагерей смерти по образцу нацистской Германии, подходящий персонал для этих лагерей легко можно было бы набрать в любом американском городке».

Что самое интересное, эксперимент показал, что для того, чтобы человек вышел из состояния гипнотического подчинения авторитету, нужно совсем немногое. Когда в ходе эксперимента в помощь экспериментатору брали трех ассистентов и двое из них (подставная группа) отказывались выполнять бесчеловечные приказы, то и третий (настоящий испытуемый) находил мужество присоединиться к ним.

В эксперименте была обнаружена и беззаботность отношения как обывателей, так и ученых мужей в отношении проблемы тотального подчинения. Перед началом эксперимента Милграм опросил три группы экспертов: группу авторитетных психиатров, студентов и представителей среднего класса о возможных масштабах подчинения. Эксперты заявили, что они подчинялись бы максимум до 135 вольт. Никто не собирался терпеть до 300 вольт. Отвечая на вопрос о том, как далеко могут зайти люди, выполняя роль «учителя», эксперты полагали, что не более 20% испытуемых смогут игнорировать боль и страдания «учеников» и преодолеют барьер в 150 вольт. Таким испытуемым, которые смогут довести силу ударов до 450 вольт, они отвели менее 1%. Они ошиблись на 64%.

Выводы о тотальной склонности людей подчиняться авторитетам получены в многочисленных исследованиях до и после йельского эксперимента. Пожалуй, еще более драматично эта склонность обнаружена в эксперименте Хофлинг с коллегами в 1966 г.

Цель эксперимента состояла в том, чтобы выявить, насколько люди способны починяться анонимному авторитету.

Судя по ходу и методике проведения эксперимента, ими была выдвинута *гипотеза*, что даже находящийся на удалении анонимный авторитет способен управлять поведением людей и принудить их к действиям, граничащим с преступлением.

Ход эксперимента. Эксперимент состоял в том, что незнакомый доктор звонил на пост медсестры и требовал ввести больному явно завышенную дозу небезопасного препарата. По указанию неизвестного доктора медсестра должна была войти в помещение ограниченного доступа, открыть шкаф с лекарствами, доступ в который ей не был разрешен, взять лекарство, которое она не имела права брать, набрать в шприц дозу препарата, которая, судя по надписи на этикетке, представляла опасность для жизни, и ввести ее пациенту. 21 из 22 медсестер, получивших такое указание, выполнили его[1].

Интерпретация результатов. Результаты эксперимента позволяют констатировать, что сила авторитета сохраняется даже при анонимности и удаленности ее носителя.

Эту тенденцию безропотно подчиняться власти авторитета можно обозначить термином «*эффект кролика*». Дело в том, что люди, испытавшие влияние власти в подобных ситуациях, позже говорят о том, что находились в состоянии, близком к гипнотическому, испытывали прострацию и шаг за шагом утрачивали волю.

«Эффект Люцифера» и «эффект кролика» лежат в основе многих преступлений, в том числе и террористического характера.

Во всех рассмотренных выше экспериментах роли участников были институализированы (выполняли социально признанные роли). А как влияет на поведение людей исполнение неформальных ролей, которые иногда стихийно возникают в хитросплетениях внутригрупповых отношений?

Этим вопросом задался А.Г. Караяни, который в 1990—1993 гг. провел серию естественных и лабораторных экспериментов с военнослужащими[2].

Исследуя влияние уровней группового развития воинских подразделений на их социально-психологическую устойчивость, он сформулировал *гипотезу* о том, что уровень группового развития в значительной мере определяет характер поведения и взаимодействия военнослужащих.

Для проверки этой гипотезы экспериментатор с помощью специальных методик отобрал в воинской части группы разного уровня развития (низкого, среднего и высокого).

Ход эксперимента. Экспериментальная ситуация создавалась следующим образом: в ходе войсковых учений он (по согласованию

---

[1] *Майерс Д.* Указ. соч. С. 284.

[2] *Караяни А.Г.* Обеспечение социально-психологической устойчивости воинских подразделений: Дис. ... канд. психол. наук. М.: ВУ, 1993.

с руководителем учений) незаметно изъял в каждом из подразделений по одному важному элементу из комплектов палаток (кол, веревочное крепление, металлическая защита для печной трубы). Без отсутствующих деталей установить палатки было сложно.

В процессе развертывания лагерного городка на полигоне, экспериментатор вел *формализованное* (осуществляющееся по заранее определенной схеме) *наблюдение*. В карточке наблюдения он фиксировал реакции членов групп на факт обнаружения палаточного некомплекта (частоту употребления и смысловое значение слов, эмоциональных проявлений, физических контактов).

Результаты эксперимента показали, что в группах низкого уровня развития неформальные лидеры воинских подразделений («деды», «старослужащие»), используя словесную агрессию (нецензурную брань, оскорбления, обвинения, угрозы), побуждали аутсайдеров («молодых») осуществлять противоправные действия — воровать установочные элементы палаток в других подразделениях. Так как время на оборудование полевого лагеря было ограниченно и четко обозначено командиром, к тому же наступал морозный зимний вечер, своевременность установления палаток приобретала особую значимость. Экспериментатору и командирам подразделений приходилось активно гасить попытки проявления физической агрессии.

В результате (на время эксперимента) все элементы палаток были восстановлены незаконным способом, а один из них был украден даже в палатке полкового медицинского пункта (кстати, больных в нем в то время еще не было). Также был отмечен факт, когда формальный лидер (командир отделения), занимавший низкий неформальный статус, был принужден старослужащими военнослужащими к незаконному «поиску» недостающих атрибутов.

Эксперимент показал, что неформальные роли, исполняемые членами социальных групп, могут содержать негласные предписания на совершение безнравственных и даже противоправных действий. Для некоторых людей это может стать причиной совершения ими преступлений.

В рассмотренном эксперименте ситуация межролевого взаимодействия была высоко значима для их участников. А сколь велика «магия роли» социально малозначимой ситуации? В какой мере она влияет на избрание ее участниками форм социального поведения? Чтобы выяснить это, А.Г. Караяни провел *лабораторные эксперименты* в ходе социально-психологического тренинга. В первом эксперименте группы низкого уровня развития решали задачу по восстановлению разрушенного «моста». Экспериментатор нарисовал на листе ватмана контур моста. Затем рисунок был разрезан на 11 сложных по форме частей (элементов). Элементы моста предъявлялись участникам эксперимента в перемешанном виде. Членам экспериментальных

групп ставилась задача собрать мост как можно быстрее, пользуясь контурной схемой его изображения. Соревнование между группами создавало некоторое эмоциональное напряжение, что способствовало снижению сознательного контроля за поведением у участников эксперимента и делало это поведение более естественным.

Второй эксперимент был построен на модернизированном автором варианте известной психотехнической игры «Побег». Подразделения разного уровня развития по условиям игры исполняли роль групп разведчиков, попавших в плен. Считалось, что каждый член группы был заперт в отдельном помещении (изолированность участников эксперимента моделировалась путем закрывания глаз и запрещения устных, мимических и пантомимических контактов). Пленники «обнаруживали», что у них в камере имеется «компьютер», позволяющий посылать плененным сослуживцам цифровую информацию. И цифры, набранные каждым пленником, видны всем. Изучив компьютер, пленники выясняли, что, если они одновременно наберут одну и ту же цифру, двери камер откроются и появится возможность для освобождения. На достижение единомыслия и единодействия отводилось до пяти попыток. Во время пятой неудачной попытки возможны подрыв всех камер и гибель пленников. То есть их спасение зависело от того, насколько скоординированным будет их взаимодействие.

Работа «компьютеров» моделировалась так. По команде экспериментатора участники игры закрывали глаза и задумывали цифру, которую они «наберут» на «клавиатуре компьютера». По команде ведущего военнослужащие понимали вверх руку и на пальцах показывали ту или иную цифру. Затем, по команде, они открывали на мгновение глаза и знакомились с цифрами, предложенными другими членами группы. После этого участникам разрешалось написать записки одному—трем участникам без указания нужной цифры. Глаза участников вновь закрывались. Последующие попытки производились уже с учетом знания предложений всех пленников.

И в первом и во втором экспериментах была выявлена тенденция неформальных лидеров групп низкого уровня развития проявлять выраженные формы агрессии по отношению к исполнителям низкостатусных ролей, которые можно было квалифицировать как правонарушения. В вербальных обращениях (в первом эксперименте) и в письменных обращениях (во втором эксперименте) высказывались оскорбления и угрозы, которые усиливались со временем. При этом носители высокостатусных ролей («деды», «старослужащие») часто были умственно и физически более слабыми, чем исполнители ролей низкостатусных. Нередко именно они вносили деструктивные элементы в совместную деятельность. Единственным основанием их права выражать агрессию, требовать подчинения

сослуживцев являлась неформальная внутригрупповая роль, определяемая сроком воинской службы.

Поведенческий набор ролей, характерных для воинских подразделений, также весьма четко определен в общественном сознании и групповом сознании конкретных воинских подразделений. Именно общественные представления об этом наборе реализуются в реальном поведении военнослужащих. И путь искоренения неуставных взаимоотношений и других противоправных явлений в армии также лежит через изменение общественных стереотипов о ней.

Почему же люди, видя безнравственные поступки, не всегда дают им должную оценку, не оказывают противодействия? Дело в том, что общественное и групповое сознание, являясь источниками наших знаний о мире, побудителями нашего поведения, зачастую искажают реальность, переставляют акценты, выдвигают ложные критерии оценки наших поступков.

Эта тенденция хорошо проявилась в эксперименте Бирта Дункана, изучавшего скрытые формы предрассудков (1976). Белым студентам Калифорнийского университета экспериментатор демонстрировал видеозапись спора между двумя мужчинами, в результате которого один из них несильно толкал другого. В том случае, когда белый толкал чернокожего, лишь 13% испытуемых назвали его поведение «проявлением насилия». 87% участников эксперимента назвали поступок белого «игрой» или «шуткой». Если же чернокожий мужчина толкал белого, то 73% испытуемых квалифицировали его действия как насильственные.

Знанием закономерностей изменения поведения человека активно пользуются преступники. В известном научно-популярном фильме «Человеческое поведение: эксперименты», прошедшем на телевизионном канале «Explorer», красочно показана процедура воплощения «эффекта Люцифера» и «эффекта кролика» в реальном поведении законопослушных людей. Суть сюжет фильма такова. В начале прошлого века неизвестный аферист по телефону давал безнравственные и преступные указания должностным лицам нескольких десятков (от 70 до 100) ресторанов сети быстрого питания «Макдоналдс» в США. Эти указания содержали требования провести незаконный обыск сотрудников этих ресторанов, грубо попирая их права.

Особую огласку получил случай, происшедший в 2004 г. в ресторане «Макдоналдс» в Маунт Вашингтоне штата Кентукки. В один из дней на посту менеджера раздался телефонный звонок. Звонящий представился офицером полиции Смитом и попросил к телефону старшего смены. Подошедшей сотруднице неизвестный сообщил, что в магазине произошла кража и кое-что еще, связанное с наркотиками. Он поставил менеджеру задачу завести в подсобное

помещение сотрудницу А. и обыскать ее. При этом были даны рекомендации раздеть подозреваемую в мнимом правонарушении донага и тщательно проверить «везде».

Менеджер безропотно выполнила указания человека на противоположном конце провода (*ведь требование полисмена нужно выполнять*!). Ни в чем не повинная сотрудница в свою очередь беспрекословно выполнила требования менеджера: разделась донага, занимала позы, удобные для досмотра (*ведь требования менеджера надо выполнять*!). (Как выяснилось, девушка окончила высшую школу, была в десятке лучших выпускников.)

Затем «полицейский» поинтересовался, есть ли у менеджера муж или молодой человек. Получив положительный ответ, он требует, чтобы женщина вызвала своего жениха, оставила его следить за обнаженной молодой женщиной, пока за подозреваемой не приедет наряд полиции. Самой же старшей смены «полицейский» велел продолжить выполнение своих обязанностей по работе. Это требование, несмотря на всю его нелепость, было беспрекословно выполнено (*ведь требование полисмена нужно выполнять! Ведь жениху нужно доверять*!).

Молодой человек, вызванный своей подругой на место событий, не проявляет сопротивления и остается «тет-а-тет» с нагой женщиной. Та, в свою очередь, не сомневается в разумности и правовой обоснованности происходящего (*ведь все, что делается в учреждении должностными лицами, правомочно*!).

«Полицейский» уже через нового «охранника» начинает давать обнаженной арестантке различные команды: бегать, поворачиваться и т.д. Девушка безропотно слушалась и выполняла то, что требовал от нее «охранник», потому что «не хотела неприятностей». После двух с половиной часов «охраны» мужчина сделал невероятное, он подчинился требованию анонимного абонента и приказал несчастной девушке совершить с ним половой акт.

Задержанная девушка безропотно выполнила роль арестантки (*так часто поступают с задержанными девушками в кинофильмах*).

И только появление невесты «охранника» сняло со всех участников драмы гипноз ситуации. Выйдя из разыгрываемых ролей, участники события не смогли объяснить движущие силы своих поступков.

Итак, все рассмотренные эксперименты достаточно убедительно свидетельствуют о том, что люди в своем большинстве склонны починяться требованиям лиц, выполняющих высокостатусные формальные и неформальные роли, согласно сложившимся представлениям о компетенциях и поведенческом наборе этих ролей. К сожалению, такова природа человека. Людей можно судить как сообщников, повышая срок наказания за групповые действия, но это вряд ли кардинально изменит положение. Подавляющее большинство людей, которые, читая эту книгу, верят в то, что они никогда

не подчинятся безнравственному приказу. Попав же в реальную ролевую ситуацию, они могут быть парализованы магией роли. Будь то неоправданно жестокие действия по отношению к мирному населению в боевой обстановке или получение «серой» заработной платы на предприятии. Хотим мы этого или нет, но одна из причин противоправных действий состоит в очень слабой способности человека сопротивляться власти авторитета.

Сотрудники правоохранительных органов, выявляя лиц, совершивших то или иное правонарушение, определяя степень вины правонарушителей, должны постоянно помнить об «эффекте Люцифера» и «эффекте кролика». В противном случае наказания за правонарушения буду нести исключительно исполнители, а не организаторы и заказчики. Экспериментальная юридическая психология учит, что предупреждение правонарушений должно состоять в профилактике ситуаций, вызывающих в человеке самые древние и дикие инстинкты (сохранения жизни, стадности и т.д.).

Практические задания

I. *Вопросы для повторения*

1. Каково соотношение социального статуса и социальной роли?
2. В чем состоит общее и различное в эффектах «Люцифера» и «кролика»?
3. Что такое зависимая и независимая переменная в эксперименте?
4. Какие экспериментальные планы использованы экспериментаторами в описанных выше экспериментах?

II. *Сформулируйте гипотезу* для злополучного «эксперимента» в «Макдоналдсе» Маунт Вашингтона.

III. *Попытайтесь применить выводы* «Стэнфордского тюремного эксперимента» к анализу эффективности стратегии реформирования Министерства внутренних дел России.

При этом следует учитывать, что при реформировании МВД большое внимание уделяется созданию в общественно мнении нового облика ведомства, позволяющего изменить профессиональную идентичность.

IV. *Определите зависимую и независимую переменные* в экспериментах А.Г. Караяни.

V. *Решите практическую ситуационную задачу.*

В местной и центральной газетах опубликованы отрывки из письма, подписанного множеством работниц ткацкой фабрики, находящейся на территории одного из УВД Н-ской области. В нем говорится о том, что

работницы предприятия вследствие халатности и бездействия полиции часто становятся жертвами побоев, унижений и даже тяжких насильственных преступлений со стороны родственников, бывших мужей и соседей по месту жительства. Сообщается о многочисленных скандалах в квартирах и общежитиях, указываются факты насильственных преступлений, совершенных на почве конфликтов, призывается решительно, самыми жестокими мерами покончить с антиобщественными проявлениями в быту.

Вопросы

1. Какие действия сотрудников полиции могут давать основания для обвинений, содержащихся в письме?
2. Систематизируйте психологические явления, которые в наибольшей мере способствуют обострению межличностных отношений и перерастанию их в противоправные насильственные деяния.

1.2. Конформизм как психологический механизм совершения противоправных поступков

В рассмотренных выше экспериментах испытуемые подвергались влиянию людей, облаченных формальной властью или неформальным влиянием. А влияют ли на мысли, решения, поступки людей обычные люди, знакомые и незнакомые, с неявным социальным статусом, если да, то сколь сильно это влияние?

Известный американский психолог *Соломон Аш* (Эш) провел (1951) блестящие эксперименты по выявлению силы влияния группы на поведение личности. В своих исследованиях он мастерски использовал прием подставной группы.

Эксперимент проводился по следующей схеме. В помещении собиралось семь испытуемых. Шестеро из них составляли подставную группу. Испытуемого сажают на шестой по счету стул. Участникам эксперимента объявлялось, что они принимают участие в исследовании процесса восприятия и связанных с ним суждений. Их задача весьма проста. Каждому участнику одновременно выдаются одинаковые карточки, на которых нарисованы три линии разной длины и рядом еще одна, контрольная (стандартная) линия. Испытуемым поэтапно выдаются 18 карточек. Их задача состояла в том, чтобы определить, какая из линий равна по длине стандартной. В обычных условиях эксперимента величина ошибок составляла 0,7%. Но эксперимент был с «подвохом».

Ход эксперимента. Экспериментатор предлагает внимательно рассмотреть оцениваемые линии и сравнить, какая из них по размеру равна контрольной линии.

> ***Конформизм*** — черта личности, проявляющаяся в приспособленчестве, пассивном принятии существующих норм, господствующих мнений.

Соотношение линий очевидно, так как их длина различается существенно. И испытуемый сразу же готов ответить. Он поднимает руку, нетерпеливо ерзает, но экспериментатор опрашивает испытуемых по порядку. Естественно, все участники один за другим дают верные ответы. Также без проблем проходит второй тур эксперимента, в котором вновь сравниваются отрезки разной длины. Вновь испытание проходит без эксцессов.

В ходе третьего, также очевидно легкого испытания первый участник эксперимента (он является членом подставной группы) неожиданно дает совершенно неверный ответ. Он называет равными абсолютно неравные отрезки.

Испытуемый удивлен. Он нервничает, вновь готовится дать правильный ответ. Но экспериментатор предоставляет слово второму участнику. Тот, со словами «да это же очевидно!» подтверждает неверный ответ первого участника. Испытуемый еще раз внимательно всматривается в сравниваемые отрезки. Он видит, что первый отрезок равен контрольному. Но он уже с тревогой ждет ответа третьего участника. То же со словами «да здесь только слепой не увидит, что второй отрезок равен контрольному» подтверждает предыдущие ответы.

Испытуемый в шоке. Он вновь и вновь смотрит на отрезки и на лица других участников, те — уверены и непоколебимы. Когда же четвертый и пятый участники подтверждают неверное мнение, испытуемый практически утрачивает способность управлять процессом восприятия и оценки. Он начинает сомневаться в том, что видит со всей очевидностью.

Результаты эксперимента показали, что около 37% испытуемых под давлением мнений группы давали неверные ответы. Они в большей степени ориентировались не на собственное восприятие, а на позицию других участников эксперимента.

Для того чтобы не вызвать подозрений, Аш сделал две первые пробы и еще четыре пробы в ходе 18 испытаний «нормальными». В этих пробах все участники эксперимента давали правильные ответы.

Аш, манипулируя численностью подставной группы (от 1 до 16 человек), выявил следующую тенденцию. Присутствие одного человека не вызывало конформного поведения. Подставная группа численностью в два человека вызывала конформное поведение в 13% случаев. В присутствии трех «подсадных» эффект конформности

был практически максимальным (33%) и при последующем увеличении численности подставной группы изменялся незначительно.

В экспериментах Аша и более поздних исследованиях, проводимых по его схеме, установлено, что наличие даже одного человека, несогласного с мнением большинства, способно снизить процент конформных ответов до минимума[1].

В.Л. Цветков на практических занятиях с группой курсантов Московского университета МВД России провел следующий эксперимент. Один из добровольцев покинул аудиторию и ждал команду вернуться обратно. Тем временем остальным была поставлена задача попытаться убедить товарища, что на 16 предъявленных фотопортретах размером 80 на 60 сантиметров дедушка (фото 4) и бабушка (фото 11) — это один и тот же человек. Когда наш доброволец вернулся, в ходе широкой дискуссии, продолжавшейся около 20 минут, группа курсантов сумела убедить своего товарища в идентичности «дедушки» и «бабушки». По окончании эксперимента в ходе беседы наш курсант толком не смог объяснить, почему такое произошло.

Если экстраполировать выявленную закономерность на реальную жизнь, то можно вполне понять тех людей, которые, скажем, поступив на работу в учреждение, меняют свой взгляд на вопросы морали, сущность правонарушения, на оценку конкретных событий.

Парадокс ситуации состоит в том, что некоторые из них под влиянием группового давления начинают искренне верить в то, что они приобрели верный взгляд на вещи. В тех же экспериментах Аша отдельные из них доказывали верность своей новой, неверной позиции даже тогда, когда им сообщали о цели эксперимента и наличии подставной группы.

И здесь для сотрудников правоохранительных органов встает вопрос о том, как относиться к свидетелям, изменяющим свои показания под давлением различных групп, судьям, попадающим под гипноз группового давления обвинителей или защиты, присяжных заседателей, меняющих свою позицию.

Практические задания

I. *Вопросы для повторения*

1. В чем состоит прием подставной группы в экспериментальном исследовании?
2. В чем состоит сущность конформизма?
3. Какой по численности размер подставной группы оказывает максимальное давление на своих членов?

[1] *Введение* в социальную психологию. Европейский подход / М. Хьюстн, В. Штребе. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 394—399.

II. *Сформулируйте гипотезу эксперимента С. Аша.*

III. *Определите* экспериментальный план для эксперимента С. Аша.

IV. *Назовите независимую и зависимую переменные* в эксперименте С. Аша.

V. В свободное время *проведите следующий эксперимент.* Находясь на улице города, остановитесь и пристально смотрите в небо. Оцените реакцию прохожих на ваше поведение (сколько человек остановилось понаблюдать вместе с вами?).

VI. *Попросите* двух, затем трех, четырех и т.д. товарищей имитировать наблюдение за небом вместе с вами. В каком случае число остановившихся прохожих было максимально? Проинтерпретируйте результаты эксперимента.

VII. *Оцените* зависимость конформности людей от численности подставной группы. Обсудите результаты полевого эксперимента и сформулируйте выводы.

VIII. *Решите практическую ситуационную задачу.*

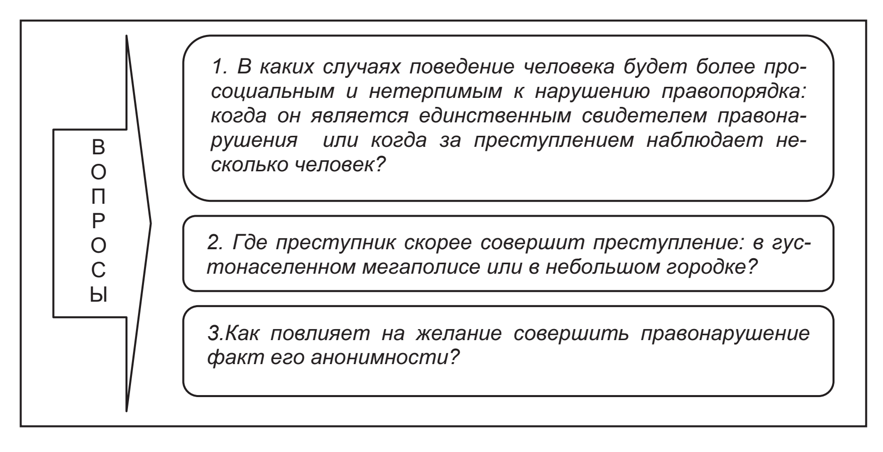
Восемнадцатилетний В. Смирнов, работая стажером-консультантом в магазине, был вовлечен в деятельность преступной группы расхитителей, созданную по инициативе менеджера. Когда Смирнову предложили продать товар без соответствующего оформления документации, он постеснялся отказаться из боязни насмешек со стороны сослуживцев.

Вопрос

Почему и с точки зрения каких социально-психологических явлений эту ситуацию можно объяснить?

1.3. Ситуативная безответственность как предпосылка противоправного поведения

Перед тем как приступить к изучению данного параграфа, попытайтесь ответить на следующие вопросы.

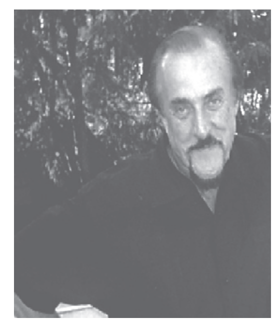
Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к ряду интересных и весьма результативных экспериментов.

Многочисленные экспериментальные исследования причин правонарушений свидетельствуют о том, что среди них важное место принадлежит фактору анонимности.

Физическая анонимность связана с тем, что у человека, скрывающего (маска, капюшон, очки) или изменившего (парик, грим и т.п.), свою внешность, снизившего яркость проявления своей личности (униформа), затерявшегося в массе людей, возникает ощущение снижения страха оценки своего поведения со стороны окружающих и ответственности за свои поступки. Вследствие анонимности может возникать явление деперсонализации — утраты человеком чувства самоидентичности, т.е. ощущения себя как конкретной личности, имеющей фамилию, имя, социальный статус, жизненные цели и принципы. Анонимность ведет к тому, что человек легко трансформирует свое индивидуальное поведение в групповое, осуществляемое по психологическим механизмам поведения толпы. Утрата ответственности за собственные поступки, перекладывание их на других людей (лидеров, вожаков, начальников, общество и т.д.) открывают простор для правонарушений.

Ф. Зимбардо в 1970 г. провел остроумный эксперимент, целью которого ставилось выявление влияния анонимности людей на склонность к совершению преступления.

Исследователь выдвинул *гипотезу*, согласно которой обезличенность в больших городах сама по себе является разновидностью анонимности и предусматривает нормы поведения, разрешающие вандализм.

Ход эксперимента. Две подержанные машины десятилетней давности выпуска были приобретены экспериментатором и поставлены на маршрутах движения людей. Первый автомобиль расположился на многолюдном месте в старом кампусе Нью-Йоркского университета в Бронксе. Второй — в небольшом городке Пало-Альто вблизи кампуса Стэнфордского университета. Оба автомобиля стояли без номерных знаков с поднятыми капотами.

Результаты эксперимента. К нью-йоркскому автомобилю уже через 10 минут подошли «автораздевальщики», которые сняли аккумулятор и радиатор. В течение 3 суток он 23 раза подвергся «раздеванию» и превратился в груду металлолома. Акты вандализма совершали хорошо одетые белые люди.

В Пало-Альто в течение недели к автомобилю подошел один человек. Он закрыл капот, чтобы начавшийся дождь не испортил двигатель[1].

Обсуждение результатов. По все видимости, именно анонимность, характерная для многолюдных мест, послужила причиной столь разного криминального внимания людей к автомобилям.

В 1970 г. Ф. Зимбардо провел еще один, не менее хитроумный эксперимент, *нацеленный* на выявление влияния физической анонимности женщин на их агрессивность.

Ход эксперимента. Участницы эксперимента — женщины из Нью-Йоркского университета были разделены на три экспериментальные группы. Первая группа была одета в одинаковые белые балахоны с капюшонами. Вторая группа надела на лица маски. Участницы третьей группы имели на груди большие таблички с их именами.

По условиям эксперимента участницы должны были наносить некоей женщине удары электрическим током. На самом деле, конечно же, никаких ударов никому не наносилось.

Результаты эксперимента показали следующее. Участницы первой экспериментальной группы (одетые в балахоны с капюшонами) при ударе током в два раза дольше держали пальцы на кнопке электропульта, чем женщины с табличками на груди. Участницы второй экспериментальной группы (одетые в маски) наносили более сильные удары, чем участницы третьей экспериментальной группы[2].

Склонность людей, ощущающих даже относительную анонимность, проявлять большую агрессию по отношению к окружающим и нарушениям правил общественного бытия и правопорядка изучалась в экспериментах «in vivo».

Простой по схеме и вместе с тем интересный эксперимент провели в 1995 г. Патриция Эллисон, Джон Говерн и их коллеги на улицах ряда городов. Они ставили целью проверить, как зависит проявление агрессивности водителей в зависимости от степени их анонимности. Выдвинутая *гипотеза* содержала предположение о

---

[1] *Майерс Д.* Указ. соч. С. 370.
[2] Там же.

том, что водители автомобилей с закрытым верхом в отличие от водителей автомобилей с открытым верхом будут проявлять больше агрессии в случае усложнения дорожной ситуации.

Ход эксперимента. Помощница экспериментаторов передвигалась по улицам города на автомобиле и четко останавливалась перед светофорами на красный свет. После того как загорался зеленый свет, «подсадная утка» в течение 12 секунд не трогалась с места каждый раз, когда за ней оказывался автомобиль с откидным верхом или внедорожник. Она тщательно фиксировала все гудки (умеренно агрессивные действия), которые подавал стоявший за ней водитель.

Результаты эксперимента. Водители внедорожников и других автомобилей с закрытым верхом, которые были относительно анонимны, вели себя менее сдержанно: они начинали сигналить раньше (уже через 4 секунды), подавали в 2 раза больше сигналов, чем водители автомобилей с открытым верхом. Длительность подаваемых анонимными водителями сигналов была в 2 раза дольше.

Обсуждение результатов эксперимента. Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что даже весьма эфемерное ощущение анонимности (ведь по номеру и марке автомобиля легко установить владельца) ведет к повышению агрессивных проявлений в поведении водителей.

Группа исследователей во главе с Эдом Динером в 1976 г. поставила цель выяснить, как влияет на поведение людей относительная анонимность — известность для членов своей группы и неизвестность для окружающих.

Накануне Хеллоуина в Сиэтле они наблюдали за детьми, ходившими группами или поодиночке по домам с традиционными для этого праздника обращениями «угости, а то пожалеешь». В 27 домах, находившихся в разных районах города, детей встречала «подставная утка» — экспериментатор. Он предлагал детям взять «по *одной* конфете» и выходил из комнаты. За дальнейшими действиями детей вели наблюдение незамеченные ими экспериментаторы.

Результаты эксперимента показали, что многие дети (и находившиеся в группе, и одиночки) нарушали запрет и брали более одной конфеты. По существу, речь идет о мелкой краже. Однако дети, посещавшие дома в составе групп, более чем в два раза чаще «одиночек» брали без спроса больше конфет, чем им разрешалось. А среди детей, у которых «хозяин дома» спрашивал имя и адрес, воришек было в два раза меньше, чем среди тех, кто оставался анонимным.

Анонимность — уникальное явление. Она способна парализовать не только совесть, но и волю, ответственность человека за свою собственную жизнь и жизнь окружающих людей. Нередко возникающая под влиянием анонимности безответственность может квалифицироваться как преступление.

В 1968 г. Бибб Латане и Джон М. Дарли провели в Колумбийском университете следующий эксперимент. Они попросили студентов (одних — в одиночестве, а других — в присутствии двух незнакомцев) заполнить опросники. В какой-то момент эксперимента в комнаты через вентиляционные отверстия экспериментаторами подавался дым. С помощью одностороннего зеркала за поведением обследуемых велось скрытое наблюдение.

Результаты эксперимента. Испытуемые, которые заполняли опросники в одиночестве, обнаруживали задымление менее чем через 5 секунд. Они вставали, подходили к вентиляционному отверстию, принюхивались, разгоняли дым руками и через некоторое время сообщали о происшествии экспериментаторам.

Испытуемые, работавшие в присутствии незнакомцев, замечали дым не ранее чем через 20 секунд. Из 8 групп, включавших 24 мужчин, лишь один человек сообщил о дыме в течение первых 4 минут. Даже через 6 минут после начала задымления, когда люди уже практически ничего не видели, кашляли, испытывали резь в глазах, только в 3 группах нашлись забившие тревогу.

Один из повторяющихся образов нашего времени — образ человека, подвергшегося нападению и зовущего на помощь в центре огромного равнодушного города: его крики остаются неуслышанными, очевидцы продолжают заниматься своими делами, не делая ровным счетом ничего, чтобы прийти ему на помощь. Это вопиющее безразличие используется в качестве свидетельства равнодушного и апатичного отношения, которое порождают в большинстве своих обитателей современные большие города.

В подтверждение этой достаточно мрачноватой мысли Г. Айзенк и М. Айзенк приводят пример, связанный с убийством девушки в одном из деловых районов Нью-Йорка, когда она возвращалась с работы домой в 3 часа дня. Несмотря на то что было порядка 38 свидетелей, которые видели и наблюдали за совершением преступления из своих окон, никто из них не вмешался. Только один человек позвонил в полицию, но

даже на этот шаг он пошел только после того, как посоветовался по телефону с другом, жившим в другой части города[1].

Джон Дарли и Бибб Латане предположили: утверждение — чем больше людей является очевидцами происшествия, тем выше вероятность того, что жертве придут на помощь, кажется разумным, но на практике не всегда оказывается верным. Для подтверждения этого предположения был проведен эксперимент, который можно назвать «*распыление ответственности*»: жертва может находиться в более благоприятном положении, когда имеется всего лишь один очевидец, чем когда есть несколько. В такой ситуации ответственность за оказание помощи жертве ложится исключительно на одного человека, а не распыляется среди многих. Другими словами, когда имеется много свидетелей преступления или происшествия, происходит распыление ответственности. Возможная вина за неоказание помощи также распределяется, где каждый несет только небольшую долю вины.

Ученые, ведомые *целью* выяснить причины социальной пассивности свидетелей преступления, поставили серию классических экспериментов, ориентированных на установление взаимосвязи между численностью свидетелей преступления и их поведением. В этих экспериментах участвовало около 6000 обследуемых. Экспериментаторы выдвинули *гипотезу*: численность свидетелей преступления значимо влияет на их готовность оказать помощь жертве и проявить просоциальное поведение, т.е. наличие большого числа свидетелей ведет к «диффузии ответственности» — переложению ее каждым человеком на других участников ситуации.

В одном из экспериментов ученые создали следующую *экспериментальную ситуацию*. Испытуемому дают инструкцию о том, что он и пять других участников важного исследования, находясь в отдельных помещениях, выполняют общую задачу. Экспериментатор хочет получить реальную информацию о проблемах студенчества. Для этого он обеспечивает анонимное общение студентов по телефонам внутренней связи, недоступной внешнему контролю (в том числе экспериментатору). Схема общения устанавливается следующая. Каждый участник эксперимента говорит о своих проблемах в течение двух минут, а затем комментирует то, что скажут другие. Микрофон для высказываний включается по очереди. На самом деле испытуемый только один. Остальных «участников» представляют заранее записанные голоса.

---

[1] *Айзенк Г., Айзенк М.* Исследование человеческой психики. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 12.

Начинается дискуссия. Представьте, что вы — участник этого эксперимента. Вы слышите выступление первого участника. Он рассказывает о том, что ему очень трудно было адаптироваться к университетскому режиму жизнедеятельности. Дело доходит до того, что иногда у него бывают нервные припадки.

После окончания этой речи вы слышите, как остальные участники по порядку высказывают свои проблемы. Наступает ваша очередь высказаться. Затем вновь выступает первый участник. Высказав несколько тезисов, он начинает описывать один из своих припадков: «М-м-м, — я думаю, мне нужен кто-то, кто, м-м-м, бы мне немного помог — потому что, м-м-м, у меня сейчас — есть настоящая проблема — как раз сейчас — если бы кто-нибудь мог бы мне помочь — это было бы хорошо... потому что... потому что у меня опять началось... м-м, и я бы в самом деле воспользовался чьей-нибудь помощью... если бы кто-нибудь мог бы мне помочь... о-о-о-о (задыхающиеся звуки)... я умираю... умираю... помогите... припадок (вдох и затишье)»[1].

На втором этапе эксперимента Латанэ и Дарли несколько изменили экспериментальную ситуацию. Они уменьшили численность взаимодействующих студентов. В одном случае каждому участнику эксперимента говорилось о том, что в процедуре кроме него участвуют еще три студента (жертва и двое других). Во втором случае каждому испытуемому сообщалось, что кроме него в контакте находится всего один человек (жертва).

Результаты эксперимента. Оказание или неоказание помощи нуждающемуся зависит от числа лиц, являющихся свидетелями происшествия. В том случае, когда испытуемые думали, что они являются единственными свидетелями эпилептического припадка собеседника, 85% из них бросались на помощь в течение первой минуты и 100% — в течение двух минут.

В случае когда участникам эксперимента казалось, что кроме него в контакте участвует еще один собеседник, лишь 62% проявили желание оказать помощь в течение первой минуты. Даже через 6 минут (до момента окончания эксперимента) процент желающих помочь никогда не достигал 100%. Тогда же, когда испытуемым казалось, что кроме них в беседе участвуют еще 4 человека, только 31% из них проявили инициативу в оказании помощи в течение первой минуты и лишь 62% — в течение 6 минут.

В 1975 г. Латанэ, Джеймс Даббз и 145 их сотрудников в соответствии с замыслом эксперимента «случайно» роняли карандаши или монеты в 1497 лифтах. Тогда, когда с каждым из экспериментаторов в лифте находился лишь один человек, он получал помощь

---

[1] Цит. по: *Аронсон Э., Уилсон Т, Эйкерт Р.* Указ. соч. С. 66.

(поднимание монеты или карандаша) в 40% случаев. Когда же в лифте было 6 пассажиров, помощь оказывалась лишь в 20% случаев[1].

На основании этих и других подобных экспериментов был сформулирован *эффект очевидцев* — феномен, состоящий в том, что увеличение количества очевидцев несчастного случая снижает вероятность того, что кто-нибудь из них окажет помощь пострадавшим[2].

Действие этого эффекта мы постоянно наблюдаем в повседневной жизни. Так, 21 февраля 2011 г., спустя несколько дней после кровавого террористического акта в аэропорту Домодедово и менее года после двойного теракта в московском метро, одному из авторов этой книги пришлось ехать по каширской линии московского метро. Утром этого дня почти по всем телевизионным каналам передавали сообщение, что органами безопасности в метро был задержан человек со следами гексогена на руках. Машинист во время следования по маршруту трижды обращался к пассажирам с просьбой немедленно сообщить в случае нахождения подозрительных предметов. Когда через 8 остановок из плотно набитого пассажирами отсека вагона вышли несколько человек, на полу обнаружилась большая клетчатая сумка. На вопрос: «Чья сумка?» — последовал ответ: «Ничья. Она давно здесь лежит». На просьбу сообщить машинисту о нахождении подозрительной сумки пассажиры отреагировали недовольным ропотом. Они не хотели, чтобы поезд был остановлен. А ведь на этой ветке метро несколько лет назад уже был совершен террористический акт.

Практические задания

I. *Вопросы для повторения*

1. Какова взаимосвязь между количеством очевидцев преступления (происшествия) и готовностью прийти на помощь жертвам (пострадавшим)?
2. Сформулируйте выводы из изученного параграфа для следственной и судебной практики.

II. *Попытайтесь экстраполировать результаты* эксперимента, проведенного Патрицией Эллисон, Джоном Говерном, на проблему тонирования стекол автомобилей.

III. В конце 1960-х годов в одном из самых перенаселенных городов мира — Нью-Йорке произошел инцидент, который поставил перед психологами задачу по-новому взглянуть на условия, позволяющие преступникам совершать противоправные акты. Молодую женщину по имени Кити Дженовезе зверски убили в густонаселенном районе

---

[1] *Майерс Д.* Указ. соч. С. 601.
[2] *Аронсон Э., Уилсон Т, Эйкерт Р.* Указ. соч. С. 380—381.

Квинс, когда она шла к своему автомобилю. Жестокое убийство длилось в течение 45 минут. Женщина отчаянно кричала и молила о помощи. Она, по-видимому, до последнего мгновения надеялась на спасение, ведь совсем рядом с местом преступления находились жилые дома и люди просто не могли не слышать ее крика. Действительно, позже жители соседних домов признались психологам, что они не только слышали, но и наблюдали разыгрывающуюся драму, но ни один из них не сообщил о преступлении в полицию. Убийство несчастной женщины получило широкую огласку в обществе[1].

Попытайтесь сформулировать гипотезы причин такой невероятной социальной пассивности и, по существу, преступной бездеятельности свидетелей преступления.

Внимательно прочитайте текст параграфа, нет ли в нем материала, облегчающего формулировку гипотез?

IV. В апреле 2011 г. в Подмосковье была избита журналистка Наталья Сейбиль. На нее напал исполняющий обязанности начальника уголовного розыска подмосковного поселка Московский Алексей Климов. На отказ женщины познакомиться с ним, по словам журналистки, мужчина выскочил из машины, схватил ее за волосы и ударил в лицо кулаком.

«Дальше все, как в сериалах: руки на капот, заламывал мне руки, телефон бросал на землю. Я кое-как вызвала полицию. Он угрожал, сдабривая все ненормативной лексикой. Вышел сосед, сказал: «Что же вы делаете, это же женщина». Тогда он достал удостоверение, и оказалось, что он из полиции — майор Алексей Климов, который исполняет обязанности начальника уголовного розыска ОВД поселка Московский», — рассказала потерпевшая.

Соседи журналистки, дворник, работавшая все это время рядом с местом происшествия, и прохожие не оказали помощи женщине, подвергавшейся избиению.

Сравните случаи с Кити Дженовезе и Натальей Сейбиль. В чем их сходство и различия? Какие выводы для правоохранительной практики можно сделать?

1.4. Психическое внушение, заражение и подражание в формировании преступного поведения

Психическое заражение, подражание и внушения являются мощнейшими регуляторами социального поведения людей, хотя чаще всего каждый человек не ощущает воздействия этих регулятивных механизмов.

---

[1] *Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р.* Указ. соч. С. 53.

Внушение — некритическое восприятие объектом информации, позволяющее изменить его поведение в короткий период времени.

Психическое заражение — это бессознательная спонтанная подверженность индивида определенным психическим состояниям. Оно осуществляется только через совместную деятельность, связанную с высоким эмоциональным напряжением. Его эффект зависит от размера группы — чем больше число ее участников, тем больше эффект.

О силе влияния внушения, подражания и психического заражения ярко свидетельствуют события, происшедшие в Джонстауне (местечко в джунглях Гвианы) в 1978 г. Тогда 900 членов секты «Храм народов», возглавлявшейся Джимом Джонсоном одновременно покончили жизнь самоубийством. Они надели на головы пластиковые пакеты и выпили напиток, содержащий цианид.

Факторами, усилившими действие внушения, подражания и психического заражения, явились: наличие у вступивших в секту опыта недавнего переживания личной драмы; харизматичность личности лидера; изолированность членов секты от социума; запугивание сектантов охранниками и продуцирование у них чувства вины; одурманивание людей успокоительными средствами и ритуалами (медитация и песнопения ночь напролет); использование технологии «лавинной любви» (интенсивная демонстрация понимания, расположения и принятия; использование технологии «нога в дверях» — сначала жертву побуждают дать небольшое обещание, сделать незначительный поступок, затем масштабы требований к нему постепенно возрастают) и др.[1]

Путь к такому бессознательному подчинению своей жизни воле другого человека или идее бывает гораздо короче.

Учительница начальной школы Джейн Эллиот в своем уникальном эксперименте попыталась выяснить, насколько быстро и легко сформировать у детей, находящихся в нормальных отношениях друг с другом, взаимную нетерпимость и агрессивное поведение друг к другу. В качестве основания для разделения детей на противоборствующие группы был избран цвет их глаз.

В первый день эксперимента учительница объявила, что отныне для детей с карими глазами устанавливается ряд ограничений. Они

[1] *Кун Д.* Основы психологии. Все тайны поведения человека: Психологическая энциклопедия. СПб.: Еврознак; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. С. 746—748.

должны сидеть только на задних партах; лишаются права пользоваться фонтанчиком для питья; за обедом им не разрешается брать добавку под предлогом, что это «слишком большая роскошь для них». Кареглазые ученики критиковались и недооценивались учительницей.

Голубоглазые дети, напротив, получили ряд преимуществ. Они получили право раньше уходить на перемену и во время обеденного перерыва первыми шли в столовую; они объявлялись более благородными и умными, чем кареглазые.

Первое время, поддерживая искусственно созданную обстановку предубежденности, Эллиот принимала специальные меры, чтобы кареглазые и голубоглазые дети не смешивались друг с другом. Однако уже в первый день эксперимента голубоглазые дети не только присоединились к ней, но и превзошли ее в злобности своих нападок на кареглазых. Голубоглазые дети стали ощущать свое превосходство, а дети с карими глазами чувствовали себя угнетенными. Между разноглазыми детьми возникали ссоры и стычки. Кареглазые дети стали хуже успевать в учебе.

На все перечисленные трансформации хватило менее двух дней. Через два дня роли поменялись, и голубоглазые дети почувствовали на себе, что значит быть отверженным. Таким образом, менее чем за один день без особых усилий дети смогли возненавидеть друг друга только из-за цвета глаз и неравенства статусов.

В социальной психологии хорошо известно, что группа может стать чем-то большим, чем совокупность ее отдельных членов. По-существу, она способна превратиться в организм, поведение которого существенно отличается от индивидуального поведения ее членов. Это происходит в результате установления групповых норм поведения и последующей диффузии ответственности и ощущения потери индивидуальности у членов группы.

Рон Джонс[1] в 1977 г. провел в одной из американских школ двухнедельный эксперимент, преследующий цель дать ученикам почувствовать атмосферу нацистской Германии. Однако этот опыт из простой демонстрации, по существу игры, превратился в социально-психологический эксперимент, вскрывающий феноменологию и механизмы превращения человека в бездумное орудие злой воли.

Эксперимент возник случайно. В соответствии с школьной программой ученики под руководством педагога Р. Джонса изучали нацистскую Германию. В ходе лекции учителю были заданы вопросы: «Как могли жители Германии утверждать, что они не знали о массовых расправах над евреями? Как могли горожане, железнодорожные проводники, учителя, врачи притворяться, что ничего не знают

[1] *Jones, Ron*. Third Wave. Из: Jones, Ron. No Substitute for Madness. A Teacher, His Kids & The Lessons of Real Life. Island Press, Covelo, California, 1977 (San Francisco, Calif.: Zephyros, 1977).

о концентрационных лагерях и истреблении людей? Как могли соседи или даже друзья еврея говорить, что их не было рядом, когда это происходило?»

Джонс предложил ученикам почувствовать на себе, как происходит превращение свободного человека в послушного и безропотного раба. По его мнению, основными факторами, подчиняющими людей в фашистской Германии, были дисциплина, общность, действие, гордость и понимание.

Чтобы испытать на себе силу дисциплины, учитель приказал классу поупражняться сидеть в другой позе. Он рассказал, что правильное положение тела при сидении помогает сосредоточиться, укрепляет волю, и ввел обязательную садку в классе. Надо было поставить ноги так, чтобы обе ступни полностью касались пола, а руки заложить за спину, чтобы выпрямить позвоночник. Ученики многократно тренировались принимать положение «смирно». Правильная посадка стала сам важным аспектом обучения. Педагог распускал класс, а затем резко приказывал им принять положение «смирно». В конце концов ученики научились усаживаться в указанное положение за пятнадцать секунд. В тренировках на концентрацию внимания Джонс заставлял учеников сосредоточиться на том, чтобы ступни были параллельны друг другу и плотно прижаты к полу, лодыжки сомкнуты, колени согнуты под углом девяносто градусов, руки скрещены за спиной, позвоночник выпрямлен, подбородок опущен, голова наклонена вперед. Кроме того, проводились тренировки на бесшумность выполнения всех действий. В результате класс научился за несколько секунд без единого звука заходить из коридора в аудиторию и занимать свои места, приняв положение «смирно».

В конце урока учитель ввел несколько новых правил: когда прозвенит последний звонок, все ученики должны уже сидеть в аудитории в положении «смирно»; все ученики должны приносить карандаши и бумагу для конспектирования; задавая вопрос или отвечая, ученик должен стоять рядом со своей партой; любой вопрос или ответ должен начинаться со слов «мистер Джонс». Ученики, отвечавшие медленно и вяло, получали замечания и должны были повторять свой ответ до тех пор, пока он не превращался в образец точности и уважительного отношения. Четкость и живость ответа стали важнее его содержания. Лучшими ответами считались предложения, состоявшие из двух-трех слов. Ученики получали похвалу, если они проявляли старание, говорили решительно и были внимательны.

Активность учащихся резко изменилась. Теперь в обсуждении принимал участие весь класс. Повысилось качество ответов. Ученики стали слушать с пристальным вниманием. Их ответы становились более подробными, особенно когда ученики, не решавшиеся раньше говорить, получали одобрение.

На второй день эксперимента учитель вошел в класс и, к своему удивлению, обнаружил, что большинство учеников сидят молча, в положении «смирно», смотрят прямо перед собой с сосредоточенным выражением, «мышцы шеи напряжены, никаких признаков улыбок, мыслей и даже вопросов, каждый нерв натянут для важного дела».

Чтобы разрядить напряжение, Джонс подошел к доске и написал крупными буквами «СИЛА В ДИСЦИПЛИНЕ», а ниже — второй закон: «СИЛА В ОБЩНОСТИ». Затем он прочитал лекцию о ценности человеческой общности и предложил «почувствовать силу общности». После этого по приказу учителя дети стали хором повторять вслух: «Сила в дисциплине, сила в общности». Сначала два ученика вставали и произносили этот лозунг. Затем к ним присоединялись еще двое, и так до тех пор, пока весь класс не начал скандировать стоя. Ученики почувствовали силу, которую давала принадлежность к группе. «Каждый ощущал свои способности, и все были равны между собой. Они делали общее дело». При этом они забывали и о том, что надо правильно сидеть, стоять и говорить.

В конце лекции учитель решил создать приветствие для учеников класса. Чтобы отдать салют, надо было поднять изогнутую правую руку к правому плечу. Так как кисть руки напоминала гребень волны, это приветствие было названо «салют «Третьей волны». С этого момента все ученики класса при встрече должны были отдавать друг другу салют. Когда в конце урока преподаватель медленно поднял руку, согнул ее и отдал салют, без всякой команды весь класс отдал ответный салют. На протяжении последующих дней ученики класса без всякого напоминания обменивались этим приветствием в классе, коридоре, библиотеке, буфете и т.д. Такое поведение привлекло внимание учеников других классов, и они изъявляли желание участвовать в эксперименте.

На третий день эксперимента всем ученикам, желающим участвовать в нем, были выданы членские билеты. Ни один ученик не покинул класс. В классе было сорок три человека. Тринадцать учеников ушли с других уроков, чтобы принять участие в эксперименте. На трех членских билетах были поставлены красные крестики. Их получателям давалось специальное задание — сообщать обо всех, кто не подчиняется правилам класса.

Затем преподаватель прочитал ученикам лекцию о значении действия, в которой разъяснил, что дисциплина и общность не имеют смысла, если нет действия.

Чтобы каждый ученик мог непосредственно участвовать в действиях, каждому из них было дано особое задание: «Вы должны разработать проект знамени «Третьей волны»», «Вы отвечаете за то, чтобы ни один ученик, который не является участником «Третьей волны», не вошел в комнату», «Я хочу, чтобы вы запомнили наизусть и завтра повторили вслух имена и адреса всех участников «Третьей волны»; «Перед вами ставится задача обучить нашей позе для сидения, по крайней мере, двадцать детей из ближайшей начальной школы и убедить их в том, что эта поза необходима для того, чтобы лучше учиться»; «Вам надо прочитать эту брошюру и до конца урока успеть подробно рассказать ее содержание всему классу»; «Я хочу, чтобы каждый из вас дал мне имя и адрес одного надежного друга, который, по вашему мнению, хотел бы присоединиться к «Третьей волне»».

Успеваемость класса неуклонно повышалась. Ученики успешно усваивали даже очень сложные темы. Они изъявляли желание «всегда учиться так».

В конце занятия педагог научил учеников процедуре приема новых членов. Теперь, чтобы стать участником, нужно было получить рекомендацию от одного члена организации и членский билет. Получив этот билет, новый член должен был продемонстрировать знание наших правил и поклясться подчиняться им. Закипела лихорадочная деятельность.

Результаты трехдневного экспериментирования с одним классом получили неожиданные последствия. В его процесс постепенно втягивалась вся школа. В школе царила атмосфера оживленного любопытства. Повар спрашивал Джонса, как должно выглядеть печенье «Третьей волны». Директор школы пришел на вечерний педагогический совет и отдал ему салют «Третьей волны». Библиотекарь поблагодарила его за огромное знамя с девизом об учебе, которое она повесила над входом в библиотеку. К концу дня в орден было принято более двухсот учеников.

Джонс был удивлен и несколько напуган. Особенно его беспокоил размах доносительства. Хотя формально «доносителями» были назначены только три ученика, в этот процесс включилось более половины класса.

Несколько родителей забили тревогу. Джонсу домой позвонил раввин одного из родителей. Джонс ответил, что ученики просто изучают немецкий тип личности. Это удовлетворило раввина. Он обещал поговорить с родителями и успокоить их. Если бы только потребовал прекратить эксперимент, наверняка это требование было бы выполнено. Однако этого не произошло, и раввин практически стал участником и защитником эксперимента.

Постепенно грань между ролевой игрой и управляемым поведением стала неразличимой. Многие ученики отнеслись к игре с чрезвычайной серьезностью. Они требовали от других учеников строгого соблюдения правил и запугивали тех, кто не принимал эксперимент всерьез. Другие с головой ушли в деятельность и сами назначали для себя роли. Особенно отличались ученики, которые не могли отличиться знаниями. «Третья волна» давала им возможность заявить о себе. Ни один человек, столкнувшийся с экспериментом, не высказал сомнения и не выступил против нарушения его личных прав и свобод.

Некоторые ученики пропускали уроки, чтобы участвовать в игре. В четвертый день эксперимента в классе сидело семьдесят человек. Джонс прочитал лекцию о гордости. Он сообщил ученикам, что «Третья волна» — это не просто эксперимент, а общенациональная программа. Ее цель — найти учеников, желающих бороться за политические изменения в нашей стране. По всей стране преподаватели набирают и тренируют молодежные отряды, которые с помощью дисциплины, общности, гордости и действий могли бы показать нации, что общество может стать лучше, дать ему новое чувство порядка, общности, гордости и готовности к действию, чувство новой цели. Члены ордена — избранная группа молодых людей, призванная изменить судьбу народа.

Чтобы доказать серьезность своих слов, Джонс обратился к трем ученикам, которые, по-видимому, сомневались в «Третьей волне». Он потребовал, чтобы они вышли из комнаты, и назначил четырех конвоиров, которые должны были отвести девушек в библиотеку и не пускать их в класс в пятницу. Затем он сообщил классу, что в пятницу в полдень состоится экстренный сбор. Это будет сбор только для участников «Третьей волны». На сборе кандидат на пост президента страны объявит о формировании молодежного движения «Третьей волны». Более тысячи молодежных групп из всех частей страны выступят с выражением поддержки этого движения.

В пятницу (последний день эксперимента) в аудитории собралось около двухсот человек. Над ними реяли знамена «Третьей волны».

Среди присутствующих угадывались ученики-спортсмены, популярные в школе личности, лидеры, одиночки, группа ребят, которые всегда рано уходили из школы, байкеры, псевдохиппи, представители группировки дадаистов и некоторые ученики из компании, которая «тусовалась» в прачечной. Однако все они были единым целым. Все сидели абсолютно смирно в абсолютной тишине и смотрели на экран телевизора, установленный в передней части аудитории.

Джонс поприветствовал аудиторию салютом. В ответ взметнулось двести рук. Джонс выкрикнул девиз: «Сила в дисциплине». Зал вторил ему вновь и вновь, все громче и громче.

Затем Джонс выключил свет и включил телевизор. Экран светился пустотой. Шло время. Ожидание аудитории постепенно переходило в беспокойство. Наконец наступило разочарование. Кто-то встал и выкрикнул вопрос: «Так что же, нет никакого вождя?» Все ошеломленно повернулись сначала к потерявшему надежду ученику, а потом обратно к экрану. На всех лицах было выражение недоверия.

В момент наивысшего замешательства Джонс выключил телевизор. Он рассказал ученикам о том, что нет никакого вождя и общенационального молодежного движения под названием «Третья волна». О том, что учеников использовали в эксперименте и что они прошли за пять дней по пути немецкого народа, одурманиваемого фашистами. Затем он включил кинопроектор и запустил фильм о фашизме.

Затем организатор эксперимента произнес заключительную речь: «На опыте прошедшей недели мы все попробовали, каково было жить и совершать поступки в нацистской Германии. Мы узнали, что значит создать дисциплинированную социальную среду, построить особое общество, поклясться в верности этому обществу, заменить разум правилами. Да, из нас всех получились бы хорошие немцы. Мы бы надели форму, отворачивались бы, когда наших друзей и соседей предавали анафеме, а потом преследовали, держали бы двери на запоре, работали бы на «оборонных» заводах, сжигали бы идеи. Да, мы узнали, хотя и не такой дорогой ценой, что значит найти героя, принимать поспешные решения чувствовать себя всесильными хозяевами судьбы. Мы знаем, как страшно быть отвергнутым и как приятно делать что-нибудь правильно и получать за это награды, быть главным, быть правым. Мы видели и, наверное, почувствовали, к чему все это приведет, если дойти до крайности. Каждый из нас за последнюю неделю стал свидетелем некоторых событий. Мы видели, что фашизм — это не то, что делают какие-то другие люди. Нет, он здесь, в этой комнате, в наших собственных привычках и образе жизни. Стоит только чуть-чуть копнуть, и он появится на поверхности. Это что-то сидящее внутри у каждого из нас. Мы носим его в себе как заразную болезнь. Фашизм — это вера в то, что люди по своей природе порочны и поэтому не могут вести себя хорошо по отношению друг к другу. Отсюда следует, что для сохранения социального порядка необходимы сильный вождь и дисциплина. Есть и еще одна вещь — самооправдание».

«Это последний урок, который нам надо усвоить. По-видимому, он имеет самое большое значение. Этот урок связан с вопросом, с

которого началось наше рискованное исследование жизни нацистов. Вы помните этот вопрос? В нем выражалось недоумение по поводу того, как могло население Германии притворяться, что ничего не знает и не участвует в нацистском движении. Если память мне не изменяет, то вопрос звучал примерно так: «Как могли немецкие солдаты, учителя, железнодорожные кондукторы, медицинские сестры, налоговые инспекторы, средние граждане заявлять после краха Третьего рейха, что они ничего не знали о том, что происходило? Как может народ быть частью какого-то процесса, а потом после смены власти притворяться, что никто ни в чем на самом деле не участвовал? Что заставляет людей вычеркивать из памяти собственную историю?» В течение следующих нескольких минут, а может быть, и лет у вас будет возможность ответить на этот вопрос».

«Если нам удалось полностью воспроизвести немецкий менталитет, то ни один из вас никогда не признается, что был на последнем сборе «Третьей волны». Так же как немцам, вам будет трудно признаться самим себе, что вы зашли настолько далеко. Вы не допустите, чтобы ваши друзья и родители узнали, что вы хотели отказаться от личной свободы и воли ради диктата порядка и невидимых вождей. Вы не можете признать, что вами манипулировали, что вы следовали за кем-то, что вы приняли «Третью волну» как образ жизни. Вы не признаетесь, что участвовали в этом безумии. Вы будете хранить этот день и этот сбор в тайне. Это будет и моя тайна — наша общая с вами тайна».

На этом «Третья волна» перестала существовать. Ученики медленно вставали со своих мест и молча тянулись к выходу. Некоторые открыто плакали. Другие сбивались в тесный круг и обнимали друг друга, двигаясь к двери и миру, который лежал за ней[1].

Практические задания

I. *Вопросы для повторения*

1. Дайте определения психическому заражению, внушению и подражанию. Сравните эти понятия. Оцените их роль в детерминации противоправного поведения.
2. Какую роль, на ваш взгляд, сыграли психическое заражение, внушение и подражание в трагедии в Джонстауне в 1978 г.
3. Оцените этическую сторону проведенных Д. Эллиот и Р. Джонсоном экспериментов.

II. *Сформулируйте гипотезу эксперимента,* проведенного Д. Эллиот.

---

[1] Адаптировано из: *Пайнс Э., Маслач К.* Практикум по социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. С. 260—276.

III. *Определите экспериментальный план, зависимую и независимую переменные* в эксперименте Р. Джонсона.

IV. *Попытайтесь экстраполировать* полученные в экспериментах Д. Эллиот и Р. Джонсона *результаты* на правоохранительную практику.

V. *Решите практические ситуационные задачи.*

1. Оперуполномоченному отдела по борьбе с преступлениями в сфере экономики и противодействия экстремизму позвонили неизвестные лица и, угрожая убийством, потребовали передать материалы, которые он добыл оперативным путем (достаточные данные, указывающие на признаки преступления, но еще не зарегистрированные в книге учета преступлений), предупредив, что при обращении к своему руководству или в случае регистрации этих материалов в книге учета преступлений пострадает он сам или его близкие.

Вопросы

1. Какие психологические условия целесообразно использовать (или искусственно создать) для достижения со стороны С. цели и рефлексивного управления ситуацией в данном случае?
2. Какой стиль противоборства следует избрать оперуполномоченному С. в данной ситуации?

2. Сотрудники отдела ДПС Д. и С. выехали в 8.30 утра, имея цель быстрого реагирования на дорожные пробки в районе Садового кольца. На улице Добролюбова их остановили возмущенные граждане, которые сообщили сотрудникам полиции, что, угрожая пистолетами, «бандиты» забрали у них двенадцать миллионов рублей, сели в белую «восьмерку» и уехали в сторону улицы Руставели.

Сотрудники полиции Д. и С., обнаружив белую «восьмерку», решили разыграть обычную проверку документов.

«К обочине!» — скомандовал Д. в громкоговоритель водителю белой «восьмерки». Это сработало. Неизвестный водитель остановился. Далее последовала команда: «Выйти из машины и предъявить документы». Никаких документов неизвестный водитель так и не предъявил, наручники захлопнулись у него на запястьях. С. держал на прицеле двоих неизвестных, оставшихся в «восьмерке» на заднем сиденье до прибытия сотрудников полиции из местного отдела внутренних дел.

Вопросы

1. Какими психологическими условиями должны руководствоваться сотрудники полиции Д. и С. при задержании неизвестных лиц?
2. Какие психологические условия и приемы использовали Д. и С. для достижения законной цели?

3. М. организовал убийство своей жены, подговорив к этому трех человек и пообещав им солидное вознаграждение. В план убийства входила инсценировка разбойного нападения и нанесение телесных повреждений М.

Обстановка на месте происшествия вызвала у следователя подозрение об инсценировке нападения, а в этой связи и о причастности М. к

убийству жены. Через два дня по подозрению в убийстве был задержан ранее судимый В. На допросе он рассказал о том, что случайно познакомился с М., часто бывал у него на квартире и что именно там были оговорены детали и условия совершения преступления. Однако в деталях сговора В. путался. Тогда следователь привез В. на квартиру, где было совершено преступление. Это помогло В. вспомнить, сколько встреч понадобилось ему и М. для окончательного сговора, а также другие детали преступления.

Вопросы

1. Назовите известные вам приемы правомерного психического воздействия на личность.
2. Какой из них был применен следователем в данной ситуации? Назовите разновидности этого приема.

4. Поздней осенью исчезла Л., жительница одной из деревень. Ее розыск никаких результатов не дал. Было высказано предположение, что ее мог убить муж, но прямых доказательств его вины не было.

Весной, в ледоход, колхозники увидели плывущий по реке труп женщины. К месту, куда он был вытащен из воды, сбежались люди, опознавшие в погибшей Л. Сюда же прибежал муж погибшей и старался приоткрыть ей глаза. Муж Л. был задержан, но добыть новых доказательств его вины так и не удалось.

Перед освобождением он был вызван на очередной допрос. От колхозников следователю было известно, что подозреваемый пытался заглянуть в глаза погибшей жены. Он предполагал, что, видимо, тот хотел проверить бытующее в народе поверье, будто в глазах убитого запечатлевается изображение убийцы. Это обстоятельство следователь использовал при допросе, заявив подозреваемому, что в глазах трупа имеется его «фотография».

Вопросы

1. Оцените примененный следователем прием психического воздействия.
2. Каково ваше личное мнение о данном приеме психического воздействия?

5. В своей квартире была обнаружена висящей в петле Аня К. Отчим Ани, проживающий отдельно, представил в прокуратуру полученное по почте ее предсмертное письмо, отправленное в день смерти.

Расследование было проведено поверхностно, и проверялась лишь версия о самоубийстве. Впоследствии уголовное дело было возобновлено, и расследование поручено другому следователю, которому удалось собрать ряд косвенных улик, подтверждающих версию о том, что Аня могла быть убита отчимом и затем в целях инсценирования самоубийства повешена. Письмо и конверт подвергли тщательному исследованию. Почтамт сообщил, что, судя по штампу на конверте, которым погашена марка, письмо опущено в ящик после 15 часов. По заключению же судебно-медицинской экспертизы смерть Ани наступила утром.

Следователь также установил, что отчим после каждого скандала, который он учинял на почве ревности, заставлял Аню писать письма, в

которых она обещала вести себя надлежащим образом. Возникло предположение, не использовал ли отчим одно из таких писем, не принудил ли он Аню в день убийства написать на конверте его адрес.

Отчим был вызван на допрос, который длился довольно долго и в процессе которого следователь не изобличал, а лишь выяснял взаимоотношения между отчимом и Аней. Когда он почувствовал, что настороженность у допрашиваемого прошла и тот решил, что его вызвали «просто так», что никаких доказательств против него нет, следователь неожиданно предъявил конверт, справку почтамта и заключение судебно-медицинского эксперта, из которых с неизбежностью вытекало, что письмо опустить в почтовый ящик Аня не могла. Отчим признался в убийстве.

Вопрос

1. Какие приемы психического воздействия были применены следователем?

1.5. Социальное научение как фактор противоправного формирования поведения

В психологии идет извечный спор между представителями генетического и социально-психологического подхода в трактовке детерминант формирования личности и ее поведения. Попытки выделить «ген преступности» успехом не увенчались. А вот сторонники социально-психологического подхода утверждали, что личность человека формируются исключительно благодаря ее реальному или номинальному социальному взаимодействию, вхождению в различные социальные группы, усвоению и воспроизведению в поведении групповых норм, правил и ценностей.

Данный подход может быть объяснен с позиции концептуальной теории социального научения А. Бандуры, который заметил, что иногда людям с первой попытки удается относительно успешно справиться с какой-либо задачей. Например, когда мы впервые пытаемся играть в футбол или управлять автомобилем, нам не приходится учиться самым элементарным движениям и постепенно выстраивать из них более сложные действия — мы просто совершаем попытку и обычно добиваемся вполне приличных результатов. Это может происходить только в том случае, если еще до первой попытки у нас сложилось мысленное представление об этих действиях.

Такие представления формируются посредством наблюдений за тем, как такие же действия совершают другие люди. Если мы видим, как других людей вознаграждают за совершение определенных действий, то мы в большей степени склонны к повторению этих действий.

Если других людей наказывают за какие-то поступки, то мы стараемся не совершать их.

По мнению Бандуры, люди усваивают навыки агрессивного поведения, не только убеждаясь на собственном опыте, но и наблюдая за другими людьми и присваивая чужие эффективные (поощряемые) модели поведения. В соответствии с теорией социального научения врожденными являются только элементарные рефлексы и границы возможностей человека. Любое поведение человека социально обусловлено, поскольку за ним стоят сложнейшие навыки, требующие специального научения. Так, чтобы сформировалось, например, агрессивное поведение, необходимо выполнение целого ряда условий. Должны присутствовать способы усвоения действия, должна быть провокация, должны быть условия, закрепляющие действия. Иначе говоря, агрессивному поведению учатся, поскольку агрессор должен знать, что причиняет боль, как это сделать и в каких условиях... Влияние психофизиологических, в том числе наследственных, механизмов имеет место, но не играет решающей роли.

> ***Научение*** — приобретение индивидуального опыта. Широкий класс психологических процессов, обеспечивающих формирование новых приспособительных реакций. Виды: привыкание, *запечатление*, образование *рефлексов*, формирование сложных поведенческих реакций, социальное научение и др.

В соответствии с социально-когнитивной теорией реакция человека на стимул опосредована когнитивными процессами. А. Бандура выделил пять основных когнитивных способностей, которые характеризуют человека: символизация (создание символов и образов, выходящих за пределы сенсорного опыта); предвидение (в большинстве случаев люди предвидят последствия своего поведения, ставят цели, а не просто реагируют на окружающую среду); опосредование моделями (люди обучаются преимущественно через наблюдение за другими людьми, а не через непосредственное участие); саморегуляция (наличие внутренних стандартов для оценки и коррекции собственного поведения); самоанализ (рефлексивная оценка своего опыта и мыслительных процессов).

А. Бандура продемонстрировал это в серии экспериментов, известных под названием исследования с куклой Бобо. В конце 50-х — начале 60-х годов XX в. в США пользовались популярностью детские телепередачи, героем которых был клоун Бобо. В частности,

в 1961 г. он провел следующий эксперимент в одном из дошкольных учреждений Стэнфорда[1]. Ребенку предложено порисовать. В другом конце комнаты находится женщина (она — экспериментатор). Рядом с ней — деревянный конструктор, деревянный молоток и большая надувная кукла. После некоторых манипуляций с конструктором женщина поднимается и в течение почти 10 минут бьет надувную куклу молотком, пинает ногами, швыряет, кричит: «Дай ему в нос!.. Врежь ему!.. Пни его!» Затем ребенок, наблюдавший за этой сценой насилия, переходит в другую комнату, где много привлекательных игрушек. Ребенок увлеченно играет. Спустя несколько минут женщина отрывает его от игры, говоря, что это — ее лучшие игрушки, которые она «должна поберечь для других детей».

Фрустрированный ребенок вынужден перейти в третью комнату, где много игрушек для агрессивных и неагрессивных игр. Есть там и кукла Бобо, и деревянный молоток.

Результаты эксперимента. Испытуемые дети, не видевшие агрессивного поведения взрослого, редко играли или разговаривали агрессивно. Хотя они и испытывали фрустрацию, они, как правило, играли спокойно, Дети, видевшие агрессивные проявления экспериментатора, чаще били куклу молотком. При этом они нередко копировали слова и действия экспериментатора.

Интерпретация результатов. Наблюдение за агрессивным поведением взрослого человека научило детей проявлению агрессии.

Росс Парки (1977) и Жак Лайенс (1975)[2] провели эксперименты, в которых изучалось влияние телевидения на агрессивное поведение детей.

Ход эксперимента. Исследователи показывали американским и бельгийским мальчикам, содержавшимся в исправительных учреждениях за совершенные преступления, агрессивные и неагрессивные рекламные ролики.

Результаты эксперимента. Дети, просмотревшие агрессивные ролики, значительно чаще вели себя по отношению к окружающим агрессивно, чем в неделю, предшествую участию в эксперименте.

Интерпретация результатов. Просмотр фильмов со сценами насилия ведет к возрастанию агрессивности зрителя.

Эдуард Доннерстейн провел похожий эксперимент (1980)[3]. 120 мужчин из университета штата Висконсин он разделил на три экспериментальные группы. На первом этапе эксперимента одной из них он показал нейтральный фильм, другой — эротический, а третьей — агрессивно эротический со сценой изнасилования. На втором этапе исследования испытуемые, якобы в рамках нового

---

[1] *Майерс Д.* Указ. соч. С. 521.
[2] Там же. С. 525.
[3] Там же. С. 512.

эксперимента, «обучали» помощника экспериментатора (мужчину или женщину) бессмысленным слогам. За неправильные ответы «учеников» наказывали ударами электрического тока.

Результаты эксперимента. Мужчины, смотревшие фильм со сценой изнасилования, наказывали «учеников» значительно более жестоко. Особенно агрессивными они были, если «жертвой» была женщина.

Результаты лабораторных экспериментов подтверждаются полевыми естественными экспериментами. В них установлено, что зрелище спортивного боя или телевизионного насилия может увеличить склонность к агрессии, а не приводит к сублимации агрессивной энергии. А ведь уже к подростковому возрасту среднестатистический американец успевает просмотреть по телевидению более 100 000 сцен насилия и около 20 000 убийств. Не случайно Л. Эрон проследил жизнь 600 человек на протяжении 22 лет, с детства до зрелого возраста.

Результаты эксперимента позволили ему утверждать: «Одним из лучших показателей того, насколько агрессивен будет молодой человек в возрасте 19 лет, оказался уровень насилия в телевизионных передачах, которые он просмотрел в 8 лет».

Как показывает анализ социально-психологических исследований, проведенный В.Л. Цветковым, особую роль в формировании моделей поведения играют средства массовой информации — печать, телевидение, радио, новые информационные средства коммуникации (Интернет).

Именно они задают те «идеальные» образцы и нормы, которые определяют характер поведения людей. Личностные образцы, модели поведения, транслируемые средствами массовой информации, на основе идентификационных механизмов присваиваются сознанием, определяя ценностные ориентации и реальное поведение.

Практически ежесекундно человек подвергается воздействию разнообразной информации, характер которой меняется от полезного и необходимого до откровенно агрессивного, манипулятивного. Каждая единица информации, каждое слово, знак, текст несет смысловую нагрузку, воздействующую на ценности человека, его привычки, мотивацию. Устное или печатное слово влияет на психику, зачастую подавляя личность, манипулируя ею. А о том, что сегодня наши средства массовой информации пропагандируют, красноречиво говорят результаты проведенного пилотажного исследования, направленного на анализ трансляции сцен насилия и эротики по трем каналам телевидения.

Анализировались трансляции утренних, дневных, вечерних и ночных передач по каналам ОРТ, НТВ и ТВ-Центр. Общий объем экспертных телепросмотров по специально разработанной процедуре составил 119 часов. В результате анализа были выделены 486 сцен насилия и эротики, которые были подвергнуты специальному контент-анализу (схема учитывала частоту появления сцен насилия и эротики на соответствующем телеканале, время трансляции, жанр сообщения, виды агрессии и эротических действий, направленность агрессии и целый ряд других аспектов).

Выделим ряд характерных результатов проведенного исследования. Во-первых, трансляция сцен насилия и эротики достаточно четко соответствует дневному и недельному жизненному циклу, иными словами, эти сцены начинают усваиваться зрителем на подсознательном уровне (особая роль в этом деле рекламы).

Во-вторых, телевизионный эфир сегодня весьма агрессивен, поскольку каждая третья-четвертая сцена на экране заканчивается убийством, а каждая двенадцатая — жестоким избиением, каждая седьмая — откровенной эротикой или половым актом.

В целом можно констатировать, что средства массовой информации сегодня значительно способствуют формированию агрессивного поведения. По сути, можно отметить снятие табу на физическое насилие на телеэкране.

Определенный интерес представляет анализ распределения видов агрессивных и эротических действий по суточному циклу трансляций. Утро отечественного телезрителя начинается с довольно большой доли оскорблений (36,9% всех оскорблений, транслируемых по телеканалам в течение суток). Четверть всех драк приходится на утренние часы, да и каждое шестое «телеубийство» мы видим тоже утром.

Как ни покажется странным, количество убийств возрастает в дневных передачах и половина эротических сцен приходится именно на дневной эфир (43,4%). Взаимоотношения полов преподносятся на чисто физическом уровне — даже когда зрителей хотят убедить в том, что это любовь.

Понятие счастья часто подменяется понятием материального успеха, под которым понимается обладание виллами, машинами и т.д. Бесконечные мыльные оперы, идущие в дневное время, представляют собой искривленное отображение жизни (табл. 1.1). Эти данные вскрывают особую социокультурную технику встраивания агрессивных моделей поведения в суточный и недельный жизненный циклы телезрителя, что обеспечивает эффективное внедрение этих моделей в сознание.

Таблица 1.1. **Распределение видов действий (кинофрагментов) по суточному циклу телевизионных трансляций (в %)**

Виды действий	*Время трансляции*			
	Утро	*День*	*Вечер*	*Ночь*
Оскорбления	36,9	21,7	26,0	15,2
Драки, избиения	24,7	23,7	29,7	21,7
Убийства	17,4	31,6	39,3	11,6
Эротика	14,4	43,4	24,6	17,3
Половой акт	8,3	16,6	0	75,0
Катастрофы и стихийные бедствия	21,6	32,4	40,5	5,4

Помимо анализа телетрансляций, особый интерес представляют новые информационные системы с точки зрения влияния на сознание. В этой связи был проведен предварительный анализ интернет-конференций, направленный на выявление содержащейся в них информации сексуально-эротического характера. Общее число исследуемых конференций — 14 179, из них 766 напрямую связаны с сексуальной проблематикой, что отражено в их названиях. Конференции отобраны по следующим ключевым словам: sex, erotica, fetish, fuck, lesbian, playboy, pedophilia и др. Практически каждая 14-я конференция в системе Интернет имеет явную эротическую окраску.

Кроме конференций существует большое количество сайтов (серверов), полностью отданных под порнографическую продукцию, — так называемых «сайтов для взрослых».

Практические задания

I. *Вопросы для повторения*

1. Какое значение имеет подражание в научении человека деструктивному поведению?
2. Какова связь между фрустрацией и агрессией?

II. *Посмотрите* вечерний выпуск криминальных к новостей
за один день. Посчитайте количество сцен насилия и жестокости в программе. Подсчитайте примерное среднее количество подобных сюжетов, демонстрируемых в одной программе за год, за 10 лет. Сформулируйте выводы для правоохранительной практики.

III. *Решите практические ситуационные задачи.*

1. По делу о развратных действиях П. возникла необходимость допросить в качестве свидетеля девятилетнюю девочку. Ее мать, получившая повестку, пришла к следователю и сказала; «Я прошу вас Таню не вызывать, так как она ничего не помнит и вызов ее бесполезен».

И только после разъяснения следователем важности получения показаний от девочки мать согласилась с тем, что вызов Тани действительно необходим, признавшись, что она не беседовала с дочерью и не знает, помнит ли та что-либо о фактах, интересующих следствие, и сказала так потому лишь, что не хотела, чтобы Таня вспоминала и рассказывала «об этой отвратительной истории».

Вопросы

1. Каким образом следователь должен подготовиться к допросу Тани?
2. Каких специалистов целесообразно было бы привлечь при проведении допроса?
3. Какие приемы психического воздействия на родителей несовершеннолетнего свидетеля могут применяться для преодоления возникшего у него отрицательного отношения к факту вызова на допрос своего ребенка из опасения, что это может травмировать его психику?

2.

А. Получив в свои ворота гол от «Спарты», игроки «Спартака» стали неузнаваемы — куда девались их задор и одержимость!

Б. Во время сдачи вступительного экзамена в университет по обществознанию сильный ученик не может справиться с простеньким вопросом, говорит, что у него какое-то странное состояние: он все забыл.

В. Первокурсник рассказывает, что когда он очень расстроен, то всегда начинает всем говорить грубости. Злоба так его захватывает, что он хочет вылить ее на других. Из-за этого возникают ссоры, стычки с однокурсниками и всякие недоразумения. Позже он жалеет о случившемся и раскаивается.

Г. Добросовестная и прилежная курсант М. была вызвана к доске для ответа на первый вопрос семинара. В это время в аудиторию вошел начальник университета. Девушка растерялась, сразу замолчала. На наводящие вопросы отвечала сбивчиво. Создалось впечатление, что она не знает учебного материала. После того как начальник ушел, она бойко и уверенно ответила по тому материалу, который безуспешно пыталась воспроизвести ранее.

Д. При обучении прыжкам с парашютом некоторые новички не находят в себе силы покинуть борт самолета. Иных только повторным приказом удается заставить сделать шаг за борт самолета. Страх и волнение не оставляют их и тогда, когда шелковый купол парашюта раскрывается над ними, они теряют способность воспринимать происходящее и не могут сделать ни одного разумного действия. Иногда такое состояние не преодолевается и приходится расставаться с мыслью о прыжках.

Е. Отмечалось, что к концу полета космического корабля «Аполлон-7» космонавты все чаще проявляли раздражительность и нетерпение. Они иногда начинали вступать в спор с операторами наземных наблюдательных станций. Дело кончилось тем, что космонавты сняли с себя все биодатчики. Космонавт Эйзел отка-

зался даже обсуждать данный инцидент с руководителями полета и обвинил наземный центр в том, что там наговорили космонавтам «красивые слова» о снаряжении, хотя оно никуда не годится.

Ж. В условиях аварийной ситуации у оператора Ч. наблюдаются учащенное мигание, сухость во рту, усиленная двигательная активность, напряженность голоса, блокирование процесса восприятия: Ч. слушает и не слышит, смотрит и не видит. Объем восприятия узок, показания приборов воспринимаются с ошибками, мыслительная деятельность заметно затруднена. Нарушается инструкция об определенном порядке действий. Наблюдаются сенсорные и двигательные отвлечения: оператор смотрит в окно, переходит с места на место, дает без надобности сигнализацию. Все это приводит к выпадению ряда необходимых операций и прямо к ошибочным действиям

З. В условиях нерешенной задачи у испытуемого чрезмерно повысилась двигательная активность. В течение всего опыта он насвистывал, напевал, постукивал по столу пальцами, тер руки и лицо. Движения, прежде осторожные и точные, стали сильными и размашистыми. Испытуемый стал необычайно говорлив: к звуковому сигналу за ошибку отнесся резко отрицательно. Затруднения высказывал вслух. Работа прерывалась залпами озвученных вздохов. В конце опыта появилась одышка. Но сознательный контроль за ходом выполнения деятельности не был нарушен. Испытуемый использовал логические выкладки при определении допущенных ошибок.

И. В начале задания испытуемый забыл сделать одно из существенных вспомогательных действий, дальше произошла ошибка — выпадение действий. Испытуемый забывал последовательность действий, хорошо освоенную прежде, и часто допускал действия, неадекватные пусковым сигналам. В процессе работы он сидел в скованной позе, низко склонив голову к столу или даже опустив ее к себе на колени. Сознательный контроль нарушался. После опыта долго и бесцельно смотрел в свою записную книжку, не понимая, зачем это делает.

Вопросы

1. К какой категории — настроение, аффект, страсть, стрессовое состояние, фрустрация и т.д. — относится эмоциональное явление, описанное в каждом примере?
2. В данном случае примеры иллюстрируют простые эмоции. Какие именно явления иллюстрируются? Какие условия определяют различия эмоциональных явлений?

3. Рассмотрите следующие ситуации:

- ревнивый муж, застав жену в постели с любовником, хватает пистолет и убивает обоих;
- на вечеринке одна молодая особа выпускает в другую целую обойму язвительных реплик и настолько выводит ее из себя, что та в конце концов выбегает из комнаты в слезах;
- женщина-водитель, перебравшая в придорожном ресторане, вылетает на встречную полосу и врезается в первый же автомобиль, в

результате чего водитель и пассажир погибают. Впоследствии она испытывает сильные угрызения совести по поводу этой трагедии;
- во время боя солдат стреляет из орудия по приближающемуся противнику. Однако у него сбит прицел, и снаряды пролетают поверх голов, не причиняя людям вреда;
- несмотря на то что пациент кричит от боли, стоматолог крепко захватывает больной зуб щипцами и быстро его вырывает;
- эксперт говорит новому сотруднику, что надо действовать более быстро, более профессионально, и указывает конкретные направления желательных изменений.

4. В каком же из вышеперечисленных случаев представлена агрессия?

1.6. Выученная беспомощность как фактор преступности

Безусловно, на состояние преступности влияет не только безнаказанность со стороны правоохранительных органов, но и отсутствие активного сопротивления со стороны граждан. Многие люди привыкли к тому, что их личное достоинство и законные права беззастенчиво попираются. У них постепенно вырабатывается комплекс *выученной беспомощности*.

> ***Выученная беспомощность*** **—** тенденция не сопротивляться негативным событиям вследствие отсутствия веры в возможность их изменить.

Американский психолог Т. Мориарти поставил *цель* выяснить, насколько люди терпимы к нарушению прав собственной личности. С этой целью он провел серию экспериментов в лаборатории Нью-Йоркского университета и в ряде общественных мест. В первом эксперименте двум испытуемым, находившимся в одной комнате, предлагалось за 20 минут выполнить тест, что в отведенное время сделать было невозможно.

Один из студентов работал в роли «подставной утки». Он получил от экспериментатора задание проигрывать на магнитофоне с максимальной громкостью рок-музыку и уменьшить звук лишь после третьей просьбы соседа по комнате (настоящего испытуемого).

Результаты эксперимента. Из 20 испытуемых только один (5%) сразу же потребовал выключить музыку в столь категоричной форме, что нарушитель спокойствия мгновенно отреагировал на просьбу. Трое (15%) испытуемых попросили уменьшить громкость музыки один раз. После того как нарушитель пообещал уменьшить звук после окончания очередной песни (не выполнив это обещание), они просьбу не возобновляли. Оставшиеся 80% испытуемых не решились выступить против нарушителя спокойствия, хотя внешне выражали заметные признаки неудовольствия, дискомфорта, раздражения.

Они терпели безобразие, которое ставило под угрозу выполнение ими задания.

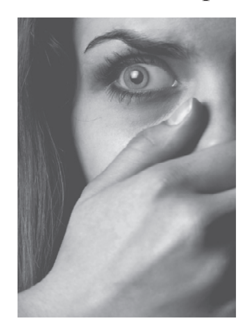
Еще более интересные результаты дал постэкспериментальный опрос испытуемых. Большинство из них, отвечая на вопрос о причине невыполнения теста, не указывали на громкую музыку как на помеху. Они находили способы рационализировать ситуацию.

В других экспериментах, проводимых с использованием подставной группы, Т. Мориарти давал задание «сообщникам» громко разговаривать в библиотеке колледжа или в кинотеатре, как можно более явно мешать окружающим.

Результат эксперимента. Лишь немногим более 25% испытуемых (читатели библиотеки, зрители в кинозале) реагировали на деструктивное поведение — они отсели подальше от шумной компании.

Еще более острая ситуация создавалась в другом эксперименте, где испытуемые подвергались атаке «агрессора». Эксперимент проходил по следующей схеме. «Агрессор» (лицо, действующее по заданию экспериментатора) поджидал, пока какой-либо человек не выходил из телефонной будки после разговора. Тогда он бросался к нему и спрашивал, не видел ли он в будке кольца, которое, как ему кажется, он забыл там. Получив отрицательный ответ, «агрессор» выражал недоверие и продолжал наступать: «А вы уверены? Некоторые берут чужие вещи, сами того не замечая. Если вам не трудно, не могли бы вы вывернуть свои карманы?»

Результаты эксперимента. Резко и однозначно агрессору отказал лишь один человек (5%). Вежливо отказались 3 человека (15%). Подчинились требованиям «агрессора» 16 человек (80%).

В другом эксперименте, проведенном Стэнли Милграмом и Джоном Сабини в 1983 г. склонность людей безропотно отказываться от своих прав была высвечена еще более отчетливо.

В процессе эксперимента студенты по заданию экспериментаторов должны были входить в вагоны метро и просить пассажиров уступить им место. При этом они не должны были как-то аргументировать свою просьбу. Просто обращаться к сидящим пассажирам с просьбой по типу: «Будьте добры, уступите мне место».

Результаты эксперимента не могут не удивлять. 56% пассажиров — взрослых мужчин и женщин — уступали требованиям студентов и освобождали им место. Иногда они делали это с ворчанием, что указывало на то, что они осознают нелепость ситуации.

Уступчивость людей негодяям в ситуациях нарушения личных прав граждан просто фантастична. Создается впечатление, что значительное число людей несут в себе комплекс жертвы и готовы

уступать свои права везде, во всем и каждому. Эта уступчивость способствует формированию у преступников комплекса вседозволенности, собственного превосходства над окружающими. Ощущение вседозволенности, подобно наркотическому состоянию, становится порой мотивом преступной деятельности.

Гарольд Такушьян и Герцель Бодингер в 1982 г. исследовали влияние интерпретации ситуации на поведение свидетелей[1].

Гипотеза исследования состояла в том, что характер интерпретации ситуации определяет поведение человека.

Ход эксперимента. В 18 городах США они имитировали кражи ценных вещей из автомобиля. Используя вешалки для захвата ценных вещей (шуб, телевизоров и т.п.), они вытаскивали их из автомобилей, припаркованных в людных местах.

Исследователи активно манипулировали *экспериментальными переменными.* В одном случае в автомобиль пытался проникнуть четырнадцатилетний юноша в поношенной одежде. В другом случае один и тот же человек на глазах свидетелей вскрывал по очереди две соседние машины. В третьем случае в машину садился другой человек, а не тот, кто ее покинул минуту назад.

Результаты эксперимента. Лишь менее 10% свидетелей поинтересовались у лжеграбителей, что они делают.

Часть свидетелей останавливались и с ухмылкой наблюдали за действиями лжеграбителей.

Некоторые свидетели предлагали помощь в извлечении вещи из автомобиля.

Мы можем дать следующую интерпретацию результатов эксперимента. Часть свидетелей при наблюдении подобной ситуации считают человека, манипулирующего с автомобилем, его владельцем. Часть людей считают, что охрана автомобиля — дело самих владельцев и органов правопорядка. Часть свидетелей считают: все, что «плохо лежит», может быть экспроприировано. Таким образом. Значительная часть свидетелей событий, которые могут быть интерпретированы как противоправные, в силу их неверной интерпретации не считают необходимым вмешаться в них.

Значимость интерпретационной схемы была еще более четко выделена в экспериментах, в которых на глазах свидетелей инсценировалась драка между мужчиной и женщиной. Экспериментаторы Ланс Шотланд и Маргарет Строу в 1976 г. провели эксперименты, содержащие две линии исследований. В рамках одной линии инсценировалась драка между мужчиной и женщиной, которые, по всей видимости, не знают друг друга. Ситуация задавалась посредством выкриков женщины: «Отстань от меня, я тебя не знаю». В рамках второй линии исследований инсценировалась драка между

[1] *Майерс Д.* Указ. соч. С. 604.

супругами. Супружеские отношения обнаруживались в выкриках женщины: «Отстань от меня. Никак не пойму, зачем я вышла за тебя замуж»[1].

Результаты экспериментов. В том случае, когда свидетели наблюдали драку незнакомых мужчины и женщин, 65% из них вмешивались в ситуацию. Тогда же, когда свидетели считали, что дерутся супруги, лишь 19% из них пытались повлиять на ситуацию.

Обсуждение результатов эксперимента. В интерпретационной схеме большинства людей (до 65%) содержится представление о том, что необходимо оказывать помощь женщине в ситуации ее избиения неизвестным человеком. Вместе с тем в ситуации избиения жены мужем в интерпретации подавляющего большинства людей содержится «пункт» о правомочности таких действий.

Практические задания

I. *Вопросы для повторения*

1. Раскройте сущность выученной беспомощности.
2. Сравните проявления выученной беспомощности у человека и животного.

II. В ходе групповой дискуссии *обсудите* факторы социальной пассивности граждан в предупреждении правонарушений с позиций теории выученной беспомощности.

III. *Решите ситуационную задачу.*

Как только старый самолет вылетел из г. Н-ска, на борту началась сильная тряска. Примерно через полчаса полета надежды следователя Иванова поскорее завершить это тряское путешествие были прерваны бортпроводником. «Товарищ следователь, скорее подойдите сюда!» Иванов пробрался к кабине. На переднем месте безжизненно сидел человек с ножом в груди. Возле кресла стоял маленький столик, на котором лежали листки бумаги, исписанные четким почерком.

«Я заполнял декларацию коммерческого груза, — сказал проводник. — Пять минут назад я услышал хрипы, но не подумал ни о чем подозрительном. Минуту назад я обернулся и нашел пассажира в таком состоянии».

Следователь обошел салон. В самолете было только три пассажира: в середине салона спал пожилой мужчина с портфелем на коленях, надвинув на глаза шляпу, вздрагивая и посапывая во сне. Остальные два места были заняты молодой парой. Юноша держал девушку за левую руку выше локтя. Она сидела прямо, с приоткрытым ртом, будто была очень испугана. Иванов посоветовал пилоту вызвать полицию и, когда самолет приземлился, сказал оперуполномоченному: «Арестуйте...».

Вопрос

Кого Иванов приказал арестовать?

---

[1] *Майерс Д.* Указ. соч. С. 604.

Психология показаний свидетелей 2

В процессе расследования преступлений важным источником получения доказательств служат показания свидетелей. В криминалистической и процессуальной литературе, среди практических работников распространено мнение, что взаимодействие с добросовестным участником уголовно-процессуальной деятельности более легко осуществимо, чем с участником недобросовестным.

Не отрицая сложности допроса недобросовестного свидетеля, необходимо отметить, что трудности, с которыми встречаются работники следствия и суда при получении и оценке показаний добросовестных свидетелей, могут быть не меньшими, чем при взаимодействии со свидетелем недобросовестным. Однако трудности здесь несколько иного характера. Человек, который ошибается, является вдвойне незнающим: он не знает точного ответа, и он не знает, что он его не знает. Именно это второе незнание опасно, так как внутренняя уверенность ошибающегося, что он дает правильный ответ, совершенно такова, как и уверенность того, кто знает и не ошибается.

Заблуждение, ошибка добросовестного участника уголовно-процессуальной деятельности могут привести к судебной ошибке так же, как и умышленное искажение фактов участником недобросовестным. Допрашивая недобросовестного участника, следователь или судья могут изменить систему мотивов и установок, определяющих его поведение, и привести тем самым к мысли о необходимости давать правдивые показания.

При допросе добросовестного участника задача убедить его в необходимости давать правдивые показания не стоит. Однако если в процессе формирования его показаний возникла ошибка, о которой само лицо и не подозревает, то сообщенные факты будут объективно мало способствовать установлению истины по делу.

Вместе с тем последствия ошибки добросовестного участника усугубляются тем, что при оценке его показаний именно его добросовестность может склонить чашу весов в пользу признания ошибочного факта истинным. Как справедливо заметил А.Ф. Кони, «своего рода «усушка и утечка» памяти вызывают ее на бессознательное восстановление образующихся пробелов — и таким образом,

мало-помалу, в передачу виденного и слышанного прокрадываются вымысел и самообман. Таким образом, внутри почти каждого свидетельского показания есть своего рода язва, отравляющая понемногу весь организм показания, не только против воли, но и без сознания самого свидетеля».

Устранение или сведение к минимуму возможного отрицательного влияния ошибок в показаниях добросовестного участника процессуальной деятельности можно осуществить путем изучения закономерностей и особенностей процесса формирования показаний.

2.1. Анализ точности и надежности показаний свидетелей

Для правильного понимания психологической природы свидетеля необходимо учитывать не только источник получения им сведений о факте, но и характер происшедшего события и степень осознания его очевидцем.

Некоторые свидетели могут воспринимать событие, не осознавая, что это преступление. Так, при совершении мошеннических действий потерпевший передает преступнику ценности, деньги и т.д., но, как правило, не осознает, что в отношении его совершается преступление. Он считает и свои действия, и действия преступника правомерными или, по крайней мере, не причиняющими ему вреда. Гардеробщик, выдающий пальто по выкраденному номерку, кассир, принимающий фальшивые деньги, продавец, отпускающий товар по поддельному чеку, непосредственно воспринимают событие и видят преступника, но не осознают характера происходящего события, не понимают, что совершается преступление.

Многие авторы, изучавшие закономерности формирования показаний свидетелей, рекомендуют с особой осторожностью относиться к показаниям непосредственно переживших или воспринявших преступление, так как происшедшее обычно оказывает сильное влияние на их эмоциональное состояние, вызывая определенные психические состояния (испуг, страх, боль, негодование, растерянность и т.д.), что оказывает отрицательное влияние на правильность их показаний. Возникновение отрицательных эмоций и соответствующих психических состояний очевидца является следствием осознания значения воспринимаемого события. Именно через осознание события как происшествия и появление вследствие этого осознания отрицательных эмоций могут быть объяснены сильные и слабые стороны такого источника доказательств, как показания свидетелей-очевидцев.

В 1993 г. по приговору суда присяжных была введена смертельная инъекция 26-летнему Рубену Канту. Ему предъявили обвинения в вооруженном ограблении и убийстве. По материалам следствия, обвиняемый вместе с несовершеннолетним приятелем ограбил двух человек, забрав у них часы и деньги, а затем одного из них убил, а второго тяжело ранил. 12 лет спустя одна из газет, проведя собственное расследование, доказала, что был казнен ни в чем не повинный человека. Было установлено, что смертный приговор был вынесен на основании показаний единственного свидетеля, который дважды не сумел опознать обвиняемого и дал показания против подсудимого лишь после того, как полицейские, расследовавшие преступление, практически заставили его это сделать. Спустя десять лет после казни свидетель отказался от своих показаний и признал, что оговорил человека, которого прежде даже не знал.

В Австралии широкий резонанс вызвала казнь Рональда Райана, обвиненного в том, что при попытке побега из тюрьмы он убил охранника. Суд принял решение о виновности обвиняемого на основе чрезвычайно сомнительных улик. Едва ли не вся Австралия протестовала против доводов суда. Баллистическая экспертиза показывала: чтобы выстрел из ружья Райана мог убить охранника, его рост должен был быть под 2,5 м. Однако жюри присяжных, надеясь, что судья не вынесет смертного приговора, поверило свидетелям, которые, путаясь во всех деталях, твердо стояли на том, что охранник упал после выстрела, сделанного Райаном.

Свидетельские показания занимают важнейшее место в системе следствия и судопроизводства. Часто именно они являются решающим фактором формирования обвинительного заключения и судебного решения.

Понимание смысла происходящего — предпосылка более правильного восприятия, более точного и полного сохранения в памяти воспринятого и адекватного воспроизведения событий при допросе. Но эти же обстоятельства могут быть причиной ошибок и искажений в показаниях добросовестного свидетеля, так как осознание ситуации как преступления предопределяет возникновение различных психических состояний, отрицательно сказывающихся на точности и объеме показания.

Преступление как событие, нарушающее нормальный, естественный ход явлений и связанное, как правило, с действиями, затрагивающими общественные или личные интересы людей, сопровождается определенным психическим отношением к происходящему.

Степень полноты и правильности осознания ситуации по принципу обратной связи воздействует как на процесс восприятия, так и на уровень эмоциональных процессов, которые, в свою очередь, оказывают влияние на процесс восприятия и на процесс мышления в данной ситуации. Взаимодействие этих процессов и определяет в

конечном итоге полноту и точность восприятия и последующего воспроизведения показаний очевидцев.

Воспринимая определенное происшествие или подвергаясь его воздействию, очевидец неизбежно пытается осмыслить его, т.е. понять значение определенных действий и всю ситуацию в целом, свое место и степень участия в происшествии, возможный ход развития самого происшествия и его последствий.

В зависимости от степени выраженности признаков происшествия индивидуальные способности свидетеля оценивать их полноту и степень понимания и осознания происходящего могут быть различными. Осознание происходящего как происшествия или преступления особым образом организует и сам процесс восприятия — его механизм. Свидетель, не понимающий смысла происходящего, не выделяющий его из множества других воспринимаемых явлений, все элементы события воспринимает и фиксирует как равнозначные. Такой свидетель распределяет свое внимание между всеми элементами ситуации, не выделяя никакие из них, так как все они для него однопорядковые (здесь мы не касаемся случаев профессионального или иного интереса к событию, который может проявляться в подобных ситуациях).

Для свидетеля, понимающего смысл происходящего, характерно избирательное восприятие обстоятельств происшествия, определенная направленность сознания на отыскание новых или уяснение воспринятых деталей, подтверждающих или опровергающих его предположение относительно характера происшествия. В то же время круг и объем внимания свидетеля-очевидца сужен, ограничен такими элементами происшествия, которые в данной ситуации наиболее значимы для него, — действиями преступника, непосредственно угрожающими очевидцу или другому лицу, их имущественным, физическим или нравственным интересам.

Для свидетеля характерно непосредственное восприятие какого-то факта, являющегося происшествием, т.е. явлением, нарушающим естественный ход событий, нормальный порядок вещей и субъективно осознаваемого им как происшествие.

Весьма часто именно исследование процесса формирования показаний придает им особую значимость или, напротив, сводит на нет те фактические сведения, которые свидетель сообщает в своих показаниях. Например, если в результате проведения следственного эксперимента будет установлена его способность относительно точно определять скорость транспортных средств вообще, то его показания о скорости в конкретном случае будут иметь существенное доказательственное значение. Если же в результате следственного эксперимента будет установлено, что свидетель такой способностью не обладает, то его показания о скорости в момент происшествия

вряд ли будут представлять доказательственную ценность (как и показания свидетеля, которому он рассказывал о происшествии).

Свидетели во многих случаях находятся на месте происшествия, когда приезжают сотрудники полиции. Их допрос позволяет быстро организовать проведение следственно-оперативных мероприятий по установлению и задержанию виновных лиц, обнаружению вещественных доказательств, розыску похищенного и т.д. Для того чтобы оценить точность и достоверность свидетельских показаний, мы должны представлять процесс формирования свидетельских показаний (рис. 2.1).

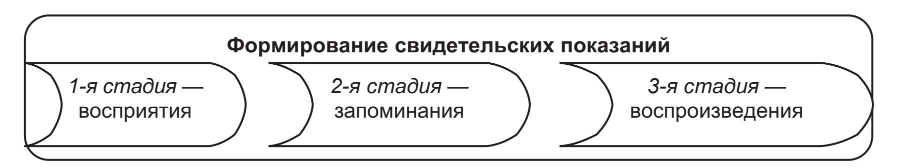

Рис. 2.1. **Стадии процесса формирования свидетельских показаний**

В основе такого деления лежат закономерности протекания психических явлений человека и формы их реализации.

Первый этап формирования показаний свидетеля отличается относительно высоким уровнем мыслительной деятельности по осознанию, уяснению и осмысливанию воспринятого происшествия (рис. 2.2).

Началом всякой мыслительной деятельности на ее любом уровне является потребность что-то понять. С.Л. Рубинштейн писал: «Мышление всегда начинается с проблемы или вопроса, с удивления или недоумения, с противоречия».

Восприятие каких-то элементов происшествия, зачастую фрагментарных, затрагивающих интересы свидетеля, желание по этим отрывочным элементам понять ситуацию в целом заставляют его активизировать свою мыслительную деятельность.

Активизация мыслительной деятельности по осознанию ситуации является, с одной стороны, предпосылкой, а с другой — следствием активизации и других познавательных процессов очевидца — ощущений и восприятий, воображения и памяти. Исключительно важная роль на этом этапе принадлежит вниманию очевидца.

Преступление по-разному может проявляться и обнаруживаться вовне. Его внешнее проявление (динамика и материальные следы) может привлекать внимание своей необычностью, неестественностью поведения и действий в данной ситуации, явно угрожающим характером и т.д. Однако по ряду преступлений действия преступника, наблюдаемые свидетелем в данной конкретной ситуации, по своему внешнему проявлению могут не отличаться от обычных правомерных действий.

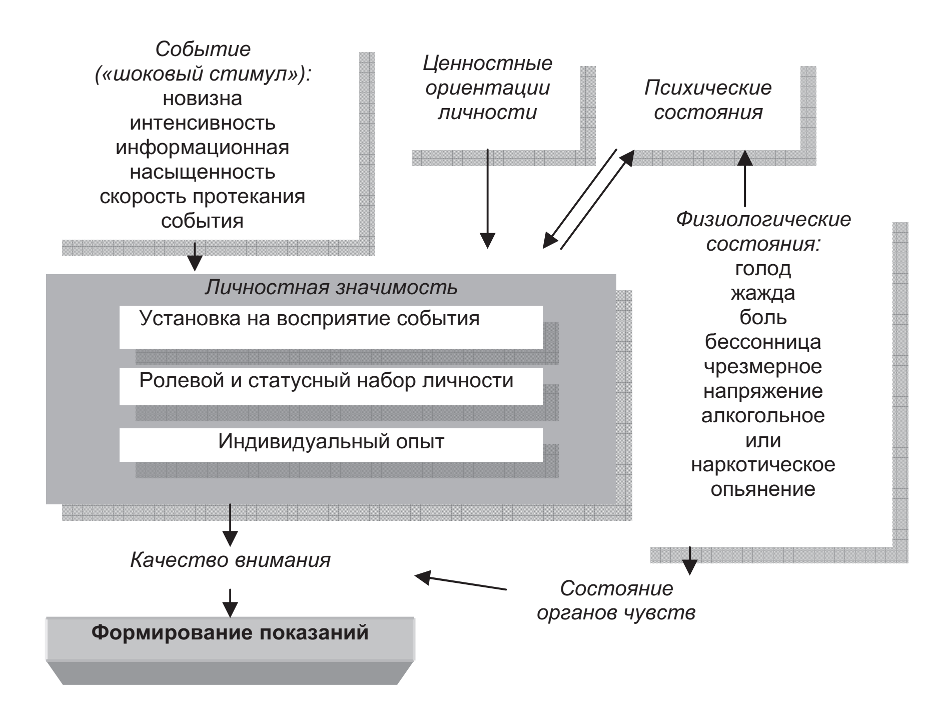

Рис. 2.2. **Психологические и психофизиологические факторы, влияющие на формирование свидетельских показаний на стадии восприятия**

Поэтому в подавляющем большинстве случаев свидетели имеются только по тем преступлениям, в которых их внешнее проявление привлекло к себе внимание окружающих. В подобной ситуации их внимание привлекается непроизвольно.

Вследствие того что во внимании выражается отношение личности к объекту, на который направлено ее сознание, надо полагать, что значимость этого объекта для личности очевидца имеет основное или, по крайней мере, существенное значение.

Привлечение внимания свидетеля к тому или иному происшествию, как правило, связано с внезапностью или интенсивностью его — хлопок, вспышка пламени, крик, скрип тормозов, удар и т.п. Образуемые этими действиями сильные раздражители скорее привлекают к себе внимание, однако не сила и интенсивность раздражителя, а главным образом его относительная значимость для лица, зависящая от интересов свидетеля, и связана с потребностями личности, желаниями, профессиональной деятельностью или увлечениями, а также с целями, которые он ставит перед собой.

Значимость и интерес могут сочетать в себе как эмоциональные (страх, испуг, ненависть, жалость), так и интеллектуальные моменты (любопытство, желание увидеть что-то новое и т.д.).

Сущность непроизвольного внимания, которое свойственно подавляющему большинству очевидцев, именно в том и состоит, что интенсивность или новизна раздражителей, их эмоциональная окрашенность, а также связь с интересами, потребностями и деятельностью приводят к тому, что определенные явления, предметы или лица на какое-то время завладевают их вниманием.

Между тем можно выделить относительно небольшую группу очевидцев, которые наблюдают совершение преступлений, внешне не отличающихся от правомерных в конкретной ситуации действий. В основном эту группу очевидцев образуют оперативные работники полиции, ведущие наблюдение за преступником, которое ими начато задолго до совершения преступления, и задерживающие его с поличным. К этой же категории очевидцев следует отнести и граждан, которые обратили внимание на преступника или его действия (манеру держаться, одежду и т.д.) до того, как он совершил преступление, и продолжали наблюдение за ним в момент совершения преступления.

Обе эти группы очевидцев, воспринимая происшествие, «работают» с целенаправленным вниманием (мы говорим здесь о произвольном восприятии происшествия, а не поведения преступника, которое могло привлечь внимание очевидца задолго до совершения преступления непроизвольно). В первом случае целенаправленное внимание определяется содержанием профессиональной деятельности, во втором — осознанием ситуации, пониманием и осознанием своего общественного, гражданского долга.

На примере этих двух групп очевидцев наиболее ярко выступает отличие очевидцев от иных свидетелей, воспринимавших одно и то же событие. Именно понимание значения и смысла происходящего и возможных последствий действия является одним из моментов, образующих специфику этой группы источников информации.

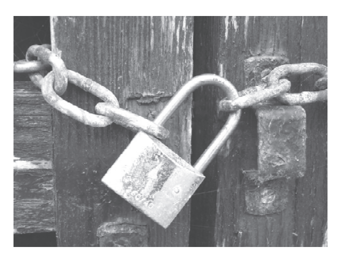
Непроизвольное внимание, вызванное необычной формой проявления преступления, в результате осознания смысла и значения происходящего переходит в целенаправленное, произвольное внимание, качественно улучшая и весь процесс восприятия. Интересы, навыки, профессиональная деятельность позволяют в действиях внешне правомерных увидеть субъективно для очевидца значимые элементы, что вызовет целенаправленное произвольное или послепроизвольное внимание. Произвольное, целенаправленное восприятие, по существу, превращается в наблюдение.

Существует довольно значительная группа очевидцев, получение информации которыми о событии происшествия связано с выполнением ими определенных служебных обязанностей (сотруд-

ники ДПС, полиции и т.д.). Они выполняют свои профессиональные функции с помощью сознательно направленного внимания на определенные обстоятельства, действия, объекты, людей. Эта категория очевидцев, как правило, «работает» (в момент восприятия события происшествия) с произвольным или послепроизвольным вниманием.

Повышение качества восприятия такого очевидца объясняется тем, что он заранее, хотя бы в самых общих чертах, знает особенности, «опознавательные признаки» ситуации, события, предмета, которые ему предстоит воспринять, что делает показания более полными и правильными. Еще до того как стать очевидцем автотранспортного происшествия, инспектор ДПС в своем сознании имеет представление о возможном механизме происшествия — о действиях пешеходов и водителей транспорта, о признаках того или иного вида автопроисшествий, — и поэтому в момент восприятия происшествия он как бы отыскивает определенные признаки, соотнося их с имеющимися в его памяти эталонами аналогичных событий.

В существовании такого предварительного произвольного восприятия и заключено более полное и правильное восприятие очевидцев, являющихся специалистами в определенной области или воспринимающих событие в силу выполнения профессиональных обязанностей.

С.Л. Рубинштейн писал, что восприятие никогда не бывает чисто пассивным, созерцательным актом. «Воспринимает не изолированный глаз, не ухо само по себе, а конкретный человек, и в его восприятии, если взять его во всей его конкретности, всегда сказывается весь человек, его отношение к воспринимаемому, его потребности, интересы, устремления, желания и чувства. Эмоциональное отношение как бы регулирует и расцвечивает воспринимаемое — делает яркими, выпуклыми одни черты, «оставляет другие затушеванными, в тени».

Влияние эмоционального состояния на восприятие очевидца может быть двояким — оно может повышать качество восприятия, его объем и точность, а может снижать, тормозить и искажать его. При страхе, например, эмоциональная ситуация, требующая сначала значительного напряжения сил, приводит затем к их упадку.

При всей сложности и противоречивости механизма действия эмоций на процесс восприятия и формирования показаний очевидцев ряд исследований психологов и практическая деятельность органов следствия и суда дают основание связывать определенные эмоциональные состояния с качеством сопутствующих им психических

процессов. Отрицательные эмоции (чувство опасности, испуг, страх) оказывают существенное отрицательное влияние на объем и качество восприятия.

Эти чувства оказывают влияние на качество показаний и в том случае, когда опасность самому очевидцу не угрожает. Установлено, что испуг угнетающе действует на запоминание воспринятого. В первое время после испуга или волнения круг представлений сужен и сосредоточен на пережитом впечатлении и связанных с ним обстоятельствах. Поэтому после отрицательных эмоций восприятие не получает достаточного количества разнообразных связей, необходимых для качественного запечатления пережитого. При таких эмоциональных состояниях нарушается деятельность внимания.

Исходя из отмеченного своеобразия индивидуального восприятия, показания разных очевидцев, наблюдавших одно и то же событие в одинаково опасной ситуации, могут отличаться друг от друга объемом и качеством зафиксированных деталей и подробностей.

Одной из причин ошибок и неточностей в показаниях добросовестных очевидцев может быть состояние алкогольного опьянения. Под действием алкоголя значительно ухудшается способность правильно оценивать временные и пространственные отношения, понижается мыслительная деятельность, критичность, возможность правильно воспринимать последовательность событий, правильно понимать ситуацию и т.д.

Алкоголь даже в небольших дозах снижает реакцию на внешние воздействия, точность и координацию движений, снижает остроту зрения, слуха, осязания, притупляет ощущение холода, тепла, тактильные ощущения. При опьянении нарушается и цветоощущение, особенно цветов красного спектра. Резко ухудшается и значительно удлиняется время реакции на слуховые, зрительные и обонятельные раздражители в состоянии средней и сильной степени опьянения. Прием 200—300 г сухого вина доводит количество алкоголя в крови на 1 л до 300 мг. В этом состоянии у 15% испытуемых отмечается изменение способности различать отдаленность предметов, ухудшается оценка расстояния до них.

Противоречивое влияние оказывают на процесс восприятия болевые ощущения. Дезорганизуя в целом процесс восприятия и мышления, болевые ощущения могут способствовать и активизации деятельности отдельных анализаторных систем очевидца. Если болевые ощущения, как правило, мешают правильной оценке временных промежутков, предопределяя их переоценку, то в ряде случаев они могут оказывать и положительное воздействие. Так, под воздействием болевых ощущений «повышается чувствительность не только рецепторов пораженной ткани, но и других рецепторов, как бы мобилизующих организм на большую предусмотрительность поведения. Этим объясняется повышение чувствительности зрения,

слуха, обоняния, статических и мышечно-суставных ощущений при болевых раздражениях». Болевые ощущения сокращают время адаптации органов чувств.

Уровень осознания и осмысленности восприятия зависит от уровня развития интеллектуальных способностей очевидца, его позитивных знаний. По мере того как восприятие становится более осознанным, очевидец получает возможность расчленять воспринимаемое событие, выделять в нем интересующие его моменты и связывать их с другими. Чем выше у него будет развита эта способность, тем более точным и полным будет его восприятие.

Характерной ошибкой в восприятии являются так называемые «люки (пробелы, пропуски) восприятия». При «люках восприятия» объем восприятия элементов события меньше того количества, которое имелось в действительности и могло быть воспринято. «Люки восприятия» возникают в связи с быстротечностью явлений действительности, вследствие чего определенные ощущения не успевают фиксироваться сознанием.

Примером «люка восприятия» может служить ситуация, когда раздражение было ниже порога восприятия (например, при неполной адаптации анализатора) и ряд элементов ситуации не воспринимался.

Показания очевидца могут быть искажены и вследствие противоположного явления — восполнения «люков восприятия». Стремясь к созданию логически цельной и убедительной картины описываемого события, очевидцы часто подменяют «действительное обычным», т.е. детали, которых они не заметили или плохо рассмотрели, они подменяют деталями, которые, по их представлению и прошлому опыту, могли быть в данной ситуации.

Это свойство восприятия, порождающее ошибки, встречается в различных модификациях. Весьма часты случаи, когда зрительное восприятие одних особенностей события или предмета влечет за собой зрительное представление других его особенностей, не данных непосредственно в этом акте восприятия. Связывая, как правило, разбойное нападение с применением холодного или огнестрельного оружия, потерпевшие и свидетели-очевидцы часто принимают за оружие различные предметы (расческу, палку, авторучку, ключи — за нож, пачку сигарет или папирос — за пистолет).

Другим случаем подобного рода являются ошибки, вызванные тем, что определенные представления вносят «коррективы» в восприятие. Наделяя одни предметы определенными свойствами, очевидцы склонны переносить их качества на другие предметы, сходные с ними или ошибочно принятые за них. При расследовании автопроисшествия потерпевшая, пожилая женщина, в своих показаниях утверждала, что сбившая ее машина была скорая помощь марки «Волга» светло-серого цвета. В действительности ее сбила

машина специальной медицинской службы марки «Форд» темно-вишневого цвета. Такое несоответствие показаний потерпевшей можно объяснить тем, что воспринятый ею красный крест па стекле автомашины, сбившей ее, вызвал привычное представление об автомашинах скорой помощи, которые бывают чаще всего в легковом варианте марки «Волга» светлых тонов.

При анализе ошибок, возникающих на данной стадии формирования показаний свидетелей, необходимо отметить еще одну важную закономерность. Особенностью восприятия человека, в конечном счете обусловленного общественной практикой, является его тесная связь со словом, благодаря чему восприятие приобретает осмысленный характер. Всякий предмет, всякое событие или явление воспринимают как таковые благодаря тому, что их существенные свойства фиксированы в обозначающем их слове. Но благодаря слову в воспринимаемый предмет или воспринимаемое событие может включаться и содержание, не данное непосредственно, чувственно, в конкретном акте восприятия.

В подавляющем большинстве случаев, воспринимая то или иное событие или происшествие, очевидцы и иные свидетели не ставят себе специальной цели запомнить воспринятое. Случаи, когда свидетель ставил себе такую цель в момент восприятия или непосредственно после него, в следственной практике весьма редки.

Если исходить из идеальных условий формирования свидетельских показаний, то предпочтительным надо признать, конечно, преднамеренное запоминание, как более полное и точное. Однако и непроизвольное запоминание вполне способно обеспечить относительно высокий уровень сохранения информации, необходимой для установления истины в процессе расследования.

Даже если допустить, что очевидцы во всех случаях осознают возможность последующей дачи показаний и ставят себе цель запомнить воспринятое, то и в этом случае они могут отчетливо воспринять и запомнить только часть события, главную или наиболее значимую, с их точки зрения. Второстепенные, по их мнению, детали они все равно вряд ли запомнят. А так как в процессе расследования значимой может оказаться любая деталь события, то и в показаниях, сформировавшихся в условиях целенаправленного, произвольного запоминания, всегда будут элементы, зафиксированные в памяти непроизвольно (рис. 2.3).

Непроизвольное запоминание обеспечивает довольно высокий уровень сохранения и адекватного отражения воспринятого события, а в некоторых случаях оно даже превосходит произвольное.

Существенным условием высокого качества непроизвольного запоминания является активная работа мышления, понимание сути и значения события. Установлено, что в абсолютном большинстве случаев при непроизвольном запоминании фиксируется то, что вызы-

вает вопросы, недоумение, удивление, что представляет препятствие, задержку, указывает на наличие задачи, которую нужно осмыслить, решить. Лучше запоминается все странное, необычное, непонятное, что не укладывается в рамки машинально протекающего восприятия. То, что протекает автоматически, схематично, в плане так называемых «фиксированных установок», воспринимается, запечатлевается и воспроизводится значительно хуже.

Рис. 2.3. **Психологические факторы, влияющие на запоминание обстоятельств происшествия**

Сказанное дает основания для вывода о том, что запечатление элементов и деталей происшествия очевидцами преступления более точное и более полное, чем запечатление любого иного свидетеля, который, воспринимая то же самое событие, не понимал его смысла и значения, или свидетеля, воспринимавшего не само происшествие, а обстоятельство, сопутствующее ему.

Такой вывод мы можем сделать исходя из того, что мыслительная деятельность по осознанию и понятийному оформлению вос-

принятой ситуации, обязательная для любого очевидца, характеризуется активностью и направленностью его сознания. У свидетелей и очевидцев, не осознающих значения происходящего, восприятие носит пассивный характер, что при непроизвольном запоминании дает значительно меньший уровень полноты и точности запечатления.

Однако на запоминание очевидцев в отличие от иных свидетелей определенное отрицательное влияние оказывает эмоциональный характер происшествия.

Сильная степень эмоционального переживания, связанного с восприятием события происшествия или преступления, может отрицательно сказаться на полноте и правильности запоминания. Из воспринятого могут выпасть отдельные элементы, иногда весьма существенные, отсутствие которых при воспроизведении дает неправильную картину всего события в целом. Такие переживания чаще всего отмечаются у потерпевших-очевидцев и являются следствием сильного испуга, вызванного преступлением.

Эмоциональная реакция потерпевшего-очевидца на ситуацию объясняется тем, что преступление всегда связано с причинением ему какого-то вреда, с нарушением его прав, ущемлением интересов. Поэтому восприятие очевидца всегда связано с особой формой психического отношения к происходящему — сознанием сопричастности.

Эмоциональное влияние происшествия на запечатление и сохранение в памяти неоднозначно. Его действие сложно, избирательно. Если иным свидетелем (неочевидцем) воспринятые события могут быть запечатлены с равной степенью вероятности (естественно, с учетом индивидуальных свойств его личности — памяти, интересов, потребностей), то запечатление очевидцем происшествия в силу особого характера его участия и заинтересованности в нем всегда более избирательно, фрагментарно.

Противоречивый характер действия эмоционально насыщенного происшествия на запечатление очевидцев требует особо тщательного подхода к проверке и оценке их показаний.

В качестве общего правила следует признать, что чем меньше промежуток времени между восприятием лицом событий и его допросом, тем полнее и точнее показания. Однако при запоминании обстоятельств происшествия, носившего эмоциональный характер, проявляется закономерность, отличная от процесса запоминания эмоционально-нейтральных событий.

Эта закономерность проявляется в том, что отсроченное воспроизведение события, вызвавшего в момент восприятия сильные эмоции, может быть более полное и точное, чем воспроизведение непосредственное.

> Явление восстановления в памяти временно забытой информации называется ***реминисценцией.***

В практике расследования часто показания очевидцев и главным образом потерпевших-очевидцев при повторном допросе (т.е. при отсроченном воспроизведении) бывают более полными и точными, чем показания, данные непосредственно после события преступления при первом допросе.

Дача показаний при допросе — своеобразная специфическая форма воспроизведения событий прошлого (рис. 2.4).

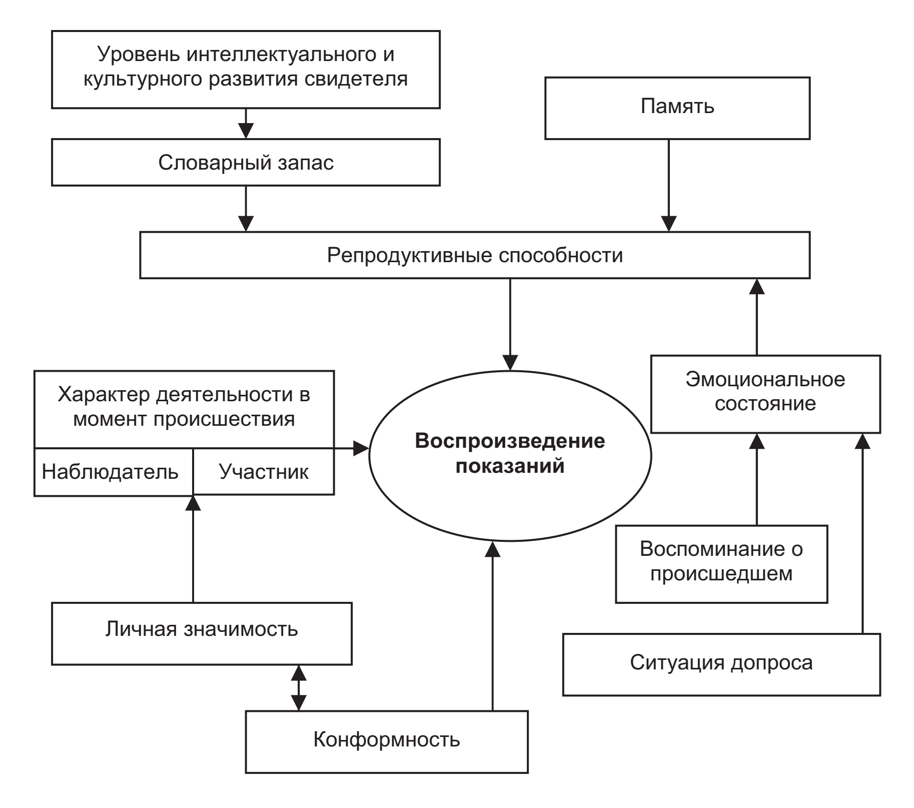

Рис. 2.4. **Психологические факторы, влияющие на воспроизведение события свидетелем**

Одной из особенностей очевидцев, отличающей их от иных свидетелей и потерпевших, является их сопричастность к происшествию. Эта форма психического отношения к происходящему событию, определяющаяся физическим или эмоциональным воздействием на личность очевидца, своеобразно организует протекание мыслительного и иных познавательных процессов и неизбежно отражается и на его показаниях.

Показания очевидцев могут существенно меняться в зависимости от их отношения к происходящему событию, от степени участия в нем. По отношению к происходящему событию очевидцы могут быть разделены на две группы; очевидцы — активные участники и очевидцы-наблюдатели.

К первой группе следует отнести потерпевшего-очевидца, свидетеля-очевидца, который пытался пресечь или предотвратить преступление, задержал или пытался задержать преступника, оказал помощь потерпевшему, сообщил о случившемся в органы полиции, вызвал скорую помощь и т.д.

Вторую группу будут составлять лица, воспринимавшие событие, но не принявшие в нем участия. В пределах этой группы очевидцев следует также провести дифференциацию на очевидцев, которые, наблюдая событие происшествия, имели возможность действовать, но не сделали этого по различным соображениям (из боязни, нежелания вмешиваться, опасаясь мести, под воздействием просьб или уговоров знакомых или родственников и т.д.), и очевидцев, которые не имели объективной возможности действовать (наблюдая происшествие из окна дома, из проходящего транспорта, на большом расстоянии, из-за болезни и т.д.).

Мотивы, побуждающие свидетеля уклоняться от правильного изложения воспринятых событий, а в зависимости от них изменять и характер самого изложения, могут так незаметно меняться и переходить от одного к другому, что сам свидетель зачастую такой грани даже не осознает. Это свойство человеческой психики называется конфабуляцией. Конфабулянт в отличие от лжесвидетеля и недобросовестного свидетеля искренне убежден, что говорит правду.

Воспроизведение в виде дачи показаний при допросе характеризуется особой формой эмоционального состояния любого лица. Волнение, напряжение, беспокойство человека, вызванного в органы следствия или суда для дачи показаний, объясняются осознанием им значимости своих показаний и пониманием их последствий.

> Закономерности внимания, восприятия и запоминания, механизм их действия в процессе формирования показаний сказываются и на акте воспроизведения: то, что в процессе восприятия требовало определенных усилий для осознания, было осмыслено и понято, лучше сохранилось в памяти и воспроизводится с наименьшими потерями и искажениями.

Кроме того, в основе высокого социального статуса свидетельских показаний являются представления о том, что человек, высказывающий утверждения по такому важнейшему вопросу, как правонарушение: 1) не может лгать, 2) обладает действенной памятью, 3) имеет достаточно работоспособные органы чувств (зрение, слух,

обоняние, осязание, вкус), 4) способен правильно изложить свои показания независимо от своего настроения. Так ли это на самом деле? Насколько точны показания свидетелей? В какой мере можно полагаться на них в правоохранительной деятельности?

Роберт Бакхаут в 1976 г. провел эксперимент, чтобы ответить на эти вопросы[1]. *Гипотезой исследования* выступало предположение о том, что свидетельские показания обладают высокой точностью воспроизведения реальных событий.

Ход эксперимента. Перед 141 студентом в лекционном зале Калифорнийского университета было инсценировано покушение на профессора.

В ходе проведенного под присягой первого опроса свидетелей были обнаружены серьезные погрешности. Результаты эксперимента показаны в табл. 2.1.

Таблица 2.1. **Ошибки в воспроизведении свидетелями деталей преступления**

Оцениваемые элементы события	*Степень ошибочности показаний (расхождения с реальными характеристиками)*
Временные характеристики	150%
Вес нападавшего	14%
Возраст нападавшего	2 года
Общие показатели внешности, одежды и действий нападавшего по показаниям среднего свидетеля	25%

Спустя 7 недель свидетелей попросили узнать «преступника» по набору из 6 фотографий.

Результаты эксперимента. 60% очевидцев события не узнали нападавшего, а 25% указали на совершенно невиновного человека.

Интерпретация результатов. Показания свидетелей содержат существенные ошибки, касающиеся временных характеристик преступления, внешности и возраста преступников. Особенно подвержены деформации воспоминания о временных характеристиках совершения преступления.

В эксперименте, проведенном Ляйппе (1978), были созданы еще более благоприятные условия для наблюдения и запоминания элементов совершенного преступления. Его *целью* было выяснить, насколько эффективны свидетельские показания, когда имеются идеальные условия для фиксации временных и пространственных характеристик преступления.

[1] *Майерс Д.* Указ. соч. С. 403.

Ход эксперимента. В процессе эксперимента инсценировалась кража сумки. При этом «вор» находился в непосредственной близости от свидетелей. Даже лица со слабым зрением его могли рассмотреть. Вор уронил украденную сумку, остановился и посмотрел на наблюдавших. Это по замыслу экспериментатора должно было дать для свидетелей достаточно времени, чтобы лучше рассмотреть и запомнить «преступника». Через 20 минут после события свидетели были опрошены о происшествии.

Результаты эксперимента. Через 20 минут после произошедшего события лишь 30% свидетелей наблюдаемого преступления смогли познать «преступника»[1].

Интерпретация результатов эксперимента. Ошибки в свидетельских показаниях возникают даже тогда, когда у свидетелей достаточно пространственно-временных возможностей для наблюдения за событиями, и тогда, когда воспоминания о событиях воспроизводятся практически сразу же после их завершения. Эти ошибки могут достигать 30% в содержании свидетельских показаний.

Итак, случайные свидетели с большими ошибками воспроизводят пространственно-временные характеристики наблюдаемых преступлений. А какова точность показаний лиц, целенаправленно отслеживающих криминальное событие? *Цели* выяснить это был посвящен крупномасштабный эксперимент.

Экспериментальная гипотеза состояла в предположении, что лица, целенаправленно наблюдающие за преступлением, дадут более точные показатели, чем случайные свидетели.

Ход эксперимента. В кинотеатре собрали 500 человек и показали захватывающий детективный фильм. Зрители смотрели фильм с нескрываемым интересом. Половина зрителей (экспериментальная группа 1 (далее — ЭГ1)) предварительно была проинформирована о целях эксперимента — проверка точности и полноты свидетельских показаний. Вторая половина испытуемых (экспериментальная группа 2 (далее — ЭГ2)) была простыми зрителями фильма и простыми свидетелями происходящих в нем событий.

После фильма обе группы были опрошены по вопросам типа: как выглядели те или иные герои (одежда, цвет волос) и их автомобили (марка, цвет, номера). Наряду с этими вопросами были вопросы и «с подвохом». К числу таких вопросов относились такие: опишите палку такого-то героя фильма; костюм высокого человека

---

[1] *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Указ. соч. С. 323.

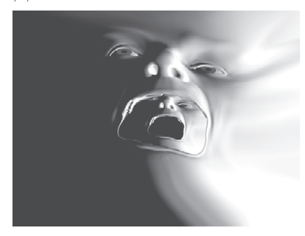
с пистолетом был красным? во время ссоры низкий человек стоял слева или справа от машины?

На самом деле в фильме ни у кого из героев не было палки, мужчина в красном костюме был без пистолета, а автомобиль участников ссоры находился на соседней улице.

Результаты эксперимента. На обычные вопросы представители ЭГ1 отвечали значительно точнее, чем члены ЭГ2.

Однако на вопросы «с подвохом» треть всех опрашиваемых дала неверные ответы. Многие из них достаточно подробно описали несуществующие объекты.

Интерпретация результатов. Эксперимент показал, что даже не желающие лгать и высоко мотивированные на дачу точных показаний свидетели способны быть своеобразными бескорыстными лжесвидетелями. Их лжесвидетельства связаны со свойствами их памяти. Память некоторых людей способна вольно «поправлять» события, добавлять в них элементы из других событий, исключать из них отдельные нюансы.

Доказательством того, что очевидцы даже при большом желании не всегда способны сказать правду, служит любопытный эксперимент, Он был проведен на одном из международных конгрессов психологов.

Мероприятие проходило в зале рядом с рестораном, в котором проводили костюмированный бал-маскарад. Выступлениям ученых мешали громкие крики и музыка. Однако организаторы конгресса оправдывались, что ничего с этим не могут поделать — аренда стоит дорого, и им удалось снять только половину здания. И тут произошло нечто шокирующее. Во время очередного доклада в зал ворвался участник бала в костюме Пьеро. За ним гнался Арлекин с пистолетом в руках. Раздались выстрелы. Пьеро упал. Когда порядок в зале удалось наконец восстановить, председатель попросил всех очевидцев дать свидетельские показания, дабы потребовать неустойку с владельцев здания, обещавших спокойствие и порядок при проведении конгресса.

Более ста психологов дали письменные свидетельские показания. Одни писали, что Арлекин стрелял в спину Пьеро, после чего тот упал. Другие утверждали, что Пьеро упал сам, а его преследователь всего лишь вскочил на него и выстрелил в воздух. Третьи считали, что жертва упала сразу после выстрела, а уже потом Арлекин поставил на нее ногу и бабахнул в воздух. Четвертым вообще показалось, что Арлекин стрелял в упор по Пьеро и до, и после его падения. Существенно отличались показания и в вопросе о количестве выстрелов — одни слышали один хлопок, другие два, третьи — три или даже четыре.

Ясно, что опрошенные психологи вовсе не были заинтересованы в сознательном искажении фактов и всего лишь пытались, пережив легкий шок, объективно описать увиденное. Каждый мог поклясться, что именно его версия истинно верная. Более того, статус психолога обязывал их проявить наблюдательность, хорошие качества памяти и т.д.

На другой день в том же зале разыгрался «второй акт» представления. Как сообщил ученый, доклад которого был прерван вчера, вся сцена с балом в ресторане и драматическим конфликтом между Арлекином и Пьеро были заранее подготовлены с единственной целью — опровергнуть или подтвердить основные положения его научного сообщения.

Реакция психологов была разной. Однако одно было ясно: свидетельским показаниям следует доверять с большой осторожностью.

Практические задания

I. *Вопросы для повторения*

1. Попытайтесь дать определение феномену «эффект свидетеля».
2. Как вы думаете, что на самом деле означает народная поговорка «Врет как свидетель»?

II. *Проведите следующий эксперимент*. По согласованию с преподавателем в ходе практического занятия один обучаемый выходит к классной доске и пишет на ней текст из 4—5 предложений. Затем он стирает текст. Каждого обучаемого просят воспроизвести стертый текст. Результаты сравниваются и обсуждаются.

III. *Проведите известное психотехническое упражнение* «Испорченный телефон». По приглашению ведущего выходят 5—6 добровольцев. Один остается в аудитории, а другие выходят за двери. Оставшемуся обучаемому сообщается следующая информация: «Немало интересных традиций придумано в экзотических племенах на островах Тихого океана. Аборигены Новой Зеландии, когда сильно торопятся куда-либо, заламывают по пути ветки деревьев, так как искренне верят, что это поможет им прибыть в пункт назначения своевременно».

Затем по команде ведущего один из вышедших из помещения обучаемых входит аудиторию. Первый сообщает ему информацию, которую получил. Затем входит третий человек и второй сообщает ему полученную информацию и т.д. В конце последний из получивших информацию сообщает ее аудитории. Это сообщение сравнивается с оригиналом. Результаты обсуждаются в группе. Делаются выводы для правоохранительной практики.

IV. *Решите следующие ситуационные задачи.*

1. Допрошенный в качестве свидетеля М. на первом допросе показал, что поздно вечером из автомашины совершили кражу два человека, которых он опознать не сможет, назвал цвет одежды подозреваемых, но марку и цвет автомашины не помнит.

На втором допросе он вспомнил точное время совершения этого преступления, расстояние от него до преступника, марку и цвет автомашины.

На третий допрос он явился самостоятельно и показал, что одного из подозреваемых видел через два дня после второго допроса около другой автомашины и может опознать по цвету его куртки с капюшоном, росту и походке.

Вопрос

1. Какие психологические приемы можно было использовать для того, чтобы на первом допросе выяснить все эти обстоятельства»?

2. Директор фирменного магазина Т., имеющий высокий авторитет в областном центре, задержан при получении взятки. Одна из его подчиненных, С., дала показание о том, что видела у одного из клиентов пачку денег в банковской упаковке в тот момент, когда он входил в кабинет Т. Потом в конце рабочего дня она видела эти деньги у Т. На допросе Т. отрицал этот факт и объяснял, что С. — подчиненная и неизвестно почему оговаривает его.

Во время очной ставки после того, как подозреваемый и свидетель заявили, что отношения между ними нормальные, С. по предложению следователя первая рассказала об известном ей факте, добавив, что в пачке были купюры по 5000 рублей.

Т., не дожидаясь, пока ему предложат дать показания, закричал, глядя в глаза С., что это ему «вернули долг, а у С. цель посадить меня!»

С. после этих слов растерялась, стала оправдываться, соглашаясь с тем, что это может быть и долг. «Мне очень неприятно, что вы так разволновались», — закончила она тихим голосом.

Осмелев и еще больше повысив голос, Т. обозвал С. потаскухой и заключил, что «из-за таких страдают невинные люди!».

«Невинные?! — переспросила в ответ С. — Да я в таком случае могу назвать десяток из тех, от кого ты берешь взятки и кому даешь!» И после этого стала называть фамилии этих лиц.

Вопросы

1. Что с точки зрения психологии возможного поведения участников данной ситуации не предусмотрел следователь и как это проявилось в первой части очной ставки?
2. Какие факторы способствовали обострению конфликта на данной очной ставке?

3. Варианты вопросов свидетелю по одному и тому же эпизоду:

- вы видели когда-либо этот нож?
- в руках убийцы вы видели этот нож или не видели?
- в руках убийцы вы видели этот нож?
- не правда ли, в руках убийцы вы видели этот нож?

Вопросы

1. На что может рассчитывать следователь, задавая такие вопросы?
2. Какой (какие) из приведенных вопросов является свободным от элементов внушения? Альтернативным? Прямо внушающим?
3. Какой вопрос, по вашему мнению, целесообразнее задать при выяснении данных обстоятельств?

4. «К показаниям свидетелей необходимо относиться очень осторожно, — учил оперуполномоченного следователь, — обязательно что-нибудь напутают или припишут». И в подтверждение своих слов рассказал случай из своей практики.

«Ограбили как-то газетный киоск на моем участке, всю выручку взяли. И главное, произошло это среди бела дня. По прибытии на место преступления я сразу начал опрашивать очевидцев, которые столпились около пострадавшего киоскера. Их было шестеро. Стал уточнять приметы преступника; какого цвета волосы, глаза, какого цвета куртка и обувь. И тут пошел полный разнобой. Посуди сам.

1. Свидетель Л.: «Рыжий, глаза голубые, куртка серая, ботинки черные».

2. Свидетель Е.: «Блондин, глаза черные, куртка синяя, ботинки коричневые».

3. Свидетельница С.: «Рыжий, глаза карие, куртка коричневая, ботинки черные».

4. Свидетель А.: «Брюнет, глаза голубые, куртка скорее не коричневая, а ботинки коричневые».

5. Свидетельница Б.: «Шатен, глаза черные, куртка серая, кроссовки серые».

6. Свидетель В.: «Блондин, глаза карие, куртка синяя, белые кеды».

Вот и найди грабителя после этого. Через день его все-таки поймали, причем взяли на месте преступления, когда еще один киоск решил таким же образом ограбить. На допросе он сознался и в предыдущем ограблении. Я стал анализировать показания моих свидетелей, составив специальную таблицу, и оказалось, что каждый из них трижды ошибся, а каждую из примет назвал точно.

Вопросы

Теперь подумайте и скажите, какие приметы были верными?

№	*Ф.И.О.*	*Приметы*			
		глаза	*волосы*	*куртка*	*обувь*
1	Л.	голубые	рыжий	серая	черная
2	Е.	черные	блондин	синяя	коричневая
3	С.	карие	рыжий	коричневая	черная
4	А.	голубые	брюнет	не коричневая	коричневая
5	Б.	черные	шатен	серая	серая
6	В.	карие	блондин	синяя	белая

5.

А. По делу об убийстве, совершенном обвиняемым К., было допрошено двое свидетелей — очевидцев преступления. Следователь провел проверку показаний на месте происшествия с участием обоих свидетелей одновременно. Они указали, где и с какого места увидели обвиняемого К. с ружьем в руках, продемонстрировали, как и где сидела потерпевшая, где находился обвиняемый и т.д.

Б. По другому уголовному делу двое мужчин обвинялись в изнасиловании четырех девушек, проживавших вместе в отдельном глинобитном доме. На допросе потерпевшие показали, что двое парней, которых они не пускали в дом, сорвали дверь, проникли внутрь, где и совершили преступление. После допроса следователь провел проверку показаний на месте происшествия с четырьмя потерпевшими одновременно.

В. Групповое изнасилование двух женщин было совершено шестью мужчинами. Следователем был проведен осмотр места происшествия с участием обоих потерпевших. Некоторое время спустя с участием этих же потерпевших была проведена проверка показаний на том же месте.

Вопросы

1. Какие психологические особенности свидетелей-очевидцев и потерпевших не были учтены следователем при планировании и проведении проверки показаний на месте?
2. Будут ли иметь результаты проведенных следственных действий доказательственное значение?

6. Один из персонажей говорит: «Помню, в университете был однажды произведен такой опыт: убеленный сединами профессор читает в просторной университетской аудитории лекцию, а в это время в дверях показывается пьяненький студентик, франтовато одетый, с тростью. В воздухе виснет брань. Профессор делает робкую попытку унять дебошира, но тот бросается на него и тростью гонит старика с кафедры. Возмущенная аудитория спешит на помощь профессору, но тот, неожиданно улыбаясь, говорит, что все это спектакль и что студентам предстоит дать отчет о том, что они видели. 200 человек пишут об этом, а на другой день во время разбора этих свидетельских показаний своды университетской аудитории оглашает гомерический хохот — так фантастичны заблуждения некоторых очевидцев.

Находятся такие, у которых профессор чуть ли не пал под ударами трости, другие утверждают, что он лишь мило улыбался и был бледен, третьи не заметили, что студент был пьян, и даже не видели в руках его трости».

Вопрос

1. Объясните психологические причины заблуждения студентов.

2.2. Внушение свидетелям представлений о ситуации происшествия

В предыдущих параграфах мы выяснили, что свидетельские показания являются весьма хрупкими и неточными. Это отмечается в абсолютно идеальных условиях фиксации и воспроизведения событий. А как повлияют на точность свидетельских показаний случайные или целенаправленные подсказки следователей, адвокатов противной стороны, прокуроров, судей?

Элизабет Лофтус совместно с Джоном Палмером в 1974 г. провели ставший знаменитым эксперимент.

Гипотеза исследования состояла в том, что в языке общения со свидетелями могут скрываться лингвистические «закладки», способные влиять на точность воспроизводимых ими показаний.

Ход эксперимента. Экспериментаторы показывали испытуемым (студенты Вашингтонского университета) фильм о дорожно-транспортном происшествии, а затем просили их описать наблюдаемое событие.

У одних наблюдателей они спрашивали, с какой скоростью двигались автомобили, когда они *врезались* друг в друга. Других просили оценить скорость автомобилей, которые *столкнулись.* Через неделю этих же очевидцев опрашивали на предмет, видели ли они битое стекло. На самом деле в фильме битого стекла не было.

Результаты эксперимента. Те очевидцы, которые рассуждали о скорости *врезавшихся* автомобилей, указывали на более высокую скорость их движения, чем те, которым говорилось о *столкнувшихся* автомобилях. Первые также в два раза чаще говорили о том, что видел битое стекло[1].

Интерпретация результатов. Формулировка вопросов, задаваемых свидетелю, может в значительной степени изменять свидетельские показания.

Год спустя Лофтус и Гвидо Занни (1975) провели уточняющий эксперимент, в котором исследовали влияние лингвистических конструкций, используемых следователем, на точность показаний свидетеля.

Ход эксперимента. Двум группам свидетелей они задавали сформулированные различным образом вопросы об одном и том же событии и фиксировали точность их показаний.

Членам ЭГ1 задавались вопросы, содержащие скрытое предположение, по типу: «Не видели ли вы ту разбитую фару?»

---

[1] *Майерс Д.* Указ. соч. С. 127.

Для членов ЭГ2 — вопросы без скрытых предположений, формулированные по типу: «Не видели ли вы, эта фара была разбита?»

Результаты эксперимента. Вопросы со скрытыми предположениями вызывают в два раза больше ложных воспоминаний, чем вопросы без предположений.

Интерпретация результатов. Даже незначительные лингвистические нюансы задаваемых свидетелям происшествий вопросов способны существенно (в два раза!) изменять точность их показаний.

В другом эксперименте Лофтус предъявляла студентам Вашингтонского университета 30 фотографий, последовательно отражающих процесс дорожно-транспортного происшествия. На одной из фотографий красный «Датсун» останавливался либо перед знаком «Стоп» («Движение без остановки запрещено»), либо перед знаком «Уступите дорогу».

Затем половине студентов среди других вопросов задавали вопрос: «Проезжал ли другой автомобиль мимо красного «Датсуна», когда тот останавливался перед знаком «Стоп»»? Второй половине студентов задавали тот же самый вопрос, но про знак «Уступите дорогу». Позже, когда им показывали обе фотографии и спрашивали, какую из них они видели раньше, те, кому перед этим задавали вопрос, соответствующий виденному ими, отвечали правильно в 75% случаев. А те, кому раньше задавали сбивающий с толку вопрос, отвечали правильно лишь в 41% случаев. То есть наблюдатели в большинстве случаев отрицали то, что видели на самом деле, и вспоминали никогда не виденные события[1].

Исследуя далее эффект дезинформации, проявляющийся при воспоминании событий, Лофтус (1979) вывила, что после внушающих дезинформацию вопросов свидетели действительно могут поверить в то, что зеленый свет на самом деле был красным. Они вспоминают знак «Уступи дорогу» как знак «Стоп», молоток — как отвертку, журнал «А.» — как журнал «Б.», доктора Хендерсона — как доктора Дэвидсона, утреннюю кашу — как яйца, а чисто выбритого мужчину — как человека с усами.

Гипотеза: могут ли «невинные» подсказки, содержащиеся в вопросах, оказывать внушающее воздействие и искажать воспоминания свидетелей?

Различными исследователями было проведено множество подобных экспериментов. В ходе одного из них во время лекции по сцене прохаживался мужчина.

Две группы студентов опрашивались по поводу веса наблюдаемого лица. Членам ЭГ1 сообщали, что они должны на взгляд оценить вес водителя грузовика, мужчины. Членов ЭГ2 просили оце-

---

[1] *Майерс Д.* Указ. соц. С. 406.

нить вес прохаживающегося по сцене танцора, молодого человека (табл. 2.2).

Когда Томас Нельсон, Моника Бирнат и Мелвин Манис попросили студентов оценить рост мужчин и женщин по их индивидуальным фотографиям, они, как правило, говорили, что мужчины выше (1990). Это происходило даже тогда, когда мужчины и женщины были одного роста, когда студентов предупреждали о том, что в данной выборке пол и рост никак не связаны, и когда за правильный ответ им полагалось материальное вознаграждение.

Таблица 2.2. **Результаты эксперимента**

Обозначение объекта наблюдения	*Оценка характеристик наблюдаемого членами группы*		*Реальные характеристики наблюдаемого*	
	Вес (*фунтов*)	*Возраст* (*лет*)	*Вес* (*фунтов*)	*Возраст* (*лет*)
Водитель грузовика, мужчина	172	27	140	19
Танцор, молодой человек	159	24	140	19

Американский психолог турецкого происхождения Музафер Шериф в 1935 г. в Колумбийском университете экспериментально изучал влияние группового мнения на восприятие и убеждения личности.

Ход эксперимента. В ходе эксперимента, проводящегося в темной комнате, на стене, на удалении 4,5—5 м, появлялась неподвижная святящаяся точка. Так как в комнате было абсолютно темно и объекты для сравнения, выполняющие роль точек отсчета координат, отсутствовали, возникал автокинетический эффект — наблюдателям казалось, что точка беспорядочно движется.

Шериф проводил эксперимент как с одиночными испытуемыми, так и с группами по 2—3 человека. Половина испытуемых (ЭГ1) первые 100 суждений выносила в одиночестве. Каждый испытуемый должен был ответить на вопрос, на какое расстояние она сместилась. Так как никакой точки отсчета в темной комнате выбрать невозможно, испытуемый пытается угадать: 15, 25, 20? В конце концов, среднее расстояние движения точки определяется в 20 см.

В последующие три экспериментальных дня они участвовали в трех испытаниях в составе групп. ЭГ2 действовала по прямо противоположной схеме. Сначала члены этой группы работали в трех групповых сериях в подгруппах по 2—3 человека, а затем действовали самостоятельно.

Результаты эксперимента. Испытуемые ЭГ1 быстро вырабатывали индивидуальные нормы (представления о пути перемещения точки) и в дальнейшем их придерживались. Эти нормы были довольно устойчивыми, хотя и различались у разных испытуемых.

Когда же испытуемые ЭГ1 собирались в группы по 2—3 человека, их суждения сводились к более или менее общей групповой норме. Первый из испытуемых, исходя из полученного накануне опыта, определяет путь точки в 2,5 см, второй — в 5 см. Под их влиянием третий участник сокращает путь точки с 20 см (вчера) до 15 см (сегодня). Постепенно суждения участников группового эксперимента все более усреднялись. Вырабатывалась групповая норма представлений о движении точки. Эти изменения в индивидуальных показаниях особенно велики, если учесть, что световая точка вообще не двигалась. Следовательно, групповая норма была ошибочной.

В ЭГ2 групповая норма вырабатывалась сначала и сохранялась в дальнейших экспериментальных пробах.

Повторный эксперимент был проведен через год отдельно с каждым с участником испытаний. В своих суждениях они придерживались выработанной год назад нормы.

Интерпретация результатов. При столкновении с неструктурированным и многозначным стимулом люди способны вырабатывать устойчивую внутреннюю систему отсчета, в соответствии с которой выносят свои суждения. Однако, столкнувшись с чужими мнениями, они отказываются от своих суждений и приспосабливаются к суждениям партнеров. Общая система отсчета, сформированная во взаимодействии с другими людьми, продолжает влиять на индивидуальные суждения даже в их отсутствие[1].

Из данного эксперимента можно сделать и более широкий социальный вывод: если общество не предлагает человеку четкой системы координат (идеологических, духовных, правовых, нравственных), его система ориентиров может спонтанно подстраиваться под чужие системы.

---

[1] *Введение* в социальную психологию. Европейский подход. С. 392—393; *Майерс Д.* Указ. соч. С. 271—273; *Саугстад П.* История психологии. Самара: Бахрах-М, 2008. С. 437—438.

Практические задания

I. *Вопросы для повторения*

1. Какое социально-психологическое явление изучалось Элизабет Лофтус совместно с Джоном Палмером в ходе проведенного ими в 1974 г. эксперимента?
2. Сравните феномены внушения и конформизма.

II. В ходе мозгового штурма *составьте список* слов, используемых следователем (судьей) и способных изменить мнения свидетеля о скоростных, силовых, количественных, возрастных и других характеристиках субъектов и объектов правонарушений.

III. *Решите практические ситуационные задачи.*

1. Две женщины были очевидицами столкновения автомашины с трамваем, в результате которого погибли три человека, в том числе их коллега по работе. Свидетели были сразу же доставлены в прокуратуру, но, потрясенные случившимся, в течение трех часов не были способны говорить на эту тему.

Тем не менее следователь не отпускал их до тех пор, пока не получил от них показаний. Как выяснилось, в рассказе свидетельниц были упущены некоторые существенные обстоятельства. Только через два дня женщины могли дать полные и правильные показания.

Вопросы

1. Чем руководствовался следователь при выборе тактики проведения первоначальных следственных действий? Насколько это было целесообразно?
2. Какие особенности психического состояния необходимо было учесть при выборе тактики проведения допроса свидетелей? Дайте психологическую характеристику свидетелей.

2. По делу о краже товаров из продовольственной палатки несовершеннолетними О., В. и Р., проживающими в доме, рядом с которым расположена палатка, был вызван на допрос вместе с отцом десятилетний М., проживающий в том же доме и бывший свидетелем происшествия. Отец, с которым следователь предварительно не беседовал, не только не помог получить правдивые и полные показания от сына, но и значительно затруднил проведение допроса, так как в присутствии М. сказал следователю: «Мой сын ничего не знает об этой краже, и я прошу вас не впутывать его в эту историю».

Такое отношение отца к событиям, по поводу которых М. должен был давать показания, мальчик воспринял как приказ ничего не рассказывать следователю и на все вопросы отвечал, что ничего не знает, отрицая даже свое знакомство с подростками, совершившими кражу. И только после беседы следователя с отцом М., проведенной перед повторным допросом, и последующего разговора отца с М. мальчик начал давать показания.

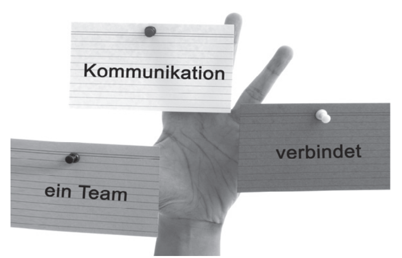
Вопросы

1. Какую тактическую ошибку совершил следователь?

2.3. Влияние на показания свидетелей схем коммуникации с участниками следственного и судебного процессов

Могут ли показания свидетеля зависеть от того, известно ли ему, какая сторона его вызвала?

Канадские психологи из университета Западного Онтарио Блэр Шеппард и Нейл Видмар (Blair Sheppard & Nevil Vidmar, 1980) провели эксперимент, в котором назначили несколько студентов свидетелями драки, а также адвокатами и присяжными. Если свидетели беседовали сначала с адвокатами ответчика, они позднее, на суде, давали показания более благоприятные для стороны защиты.

Позже ученые этого же университета Нейл Видмар и Нэнси Лэйер (Vidmar & Lair, 1983) усложнили экспериментальную схему. Они показывали студентам фильм о драке в баре, в ходе которой один из участников получил удар бутылкой по голове. Затем этим «свидетелям» выдали повестки с требованием явиться для дачи показаний либо от имени истца, либо от имени обвиняемого, либо от имени суда. Каждого испытуемого приглашали в отдельный «зал суда», где он давал присягу и подвергался опросу судей о событиях в баре.

Студенты, выполнявшие роли судей, и группа независимых оценщиков, ознакомленных с видеозаписями судебного процесса, не знали, какую повестку получил конкретный «свидетель».

Результаты эксперимента представлены в табл. 2.3.

Таблица 2.3. **Зависимость позиции свидетелей от инициатора их вызова в суд**

№ п/п	*Группы студентов, вызванных по инициативе*	*Уровень ориентации свидетельских показаний на виновность обвиняемого*
1	Обвинением	Высокий
2	Судом	Средний
3	Защитой	Низкий

Интерпретация результатов.

1. Если свидетели, вызываемые судом, дают более или менее объективные показания, то свидетели состязающихся сторон, не сознавая того, дают пристрастные, тенденциозные и благоприятные для вызвавшей их стороны показания.

2. Судьи улавливают эту малозаметную необъективность.

При этом Н. Видмар и Н. Лэйр установили, что свидетели в своих повествованиях не опускали каких-либо важных фактов и деталей. Они неосознанно изменяли тон голоса и подбор слов в зависимости от того, чьими ответчиками они выступали (защиты или обвинения). Этого достаточно, чтобы у присяжных сложилось вполне определенное впечатление[1].

Одни и те же показания могут в одинаковой степени быть как доказательством вины, так и доказательством невиновности.

Исследователи (Kassin and al., 1990) изучили влияние тенденциозно ориентированных видеозаписей допросов лиц, подозреваемых в совершении преступления, на аудиторию.

Участникам эксперимента предоставлялись письменные материалы настоящего дела об убийстве. После этого они смотрели запись допроса женщины, обвинявшейся в этом преступлении. Обвиняемая упорно, но не всегда правоподобно отрицала свою виновность. Некоторые ее показания были двусмысленны.

Экспериментальная гипотеза состояла в предположении: как будут интерпретированы двусмысленные показания обвиняемой?

Для проверки гипотезы были созданы две экспериментальные группы.

Независимой переменной являлся источник предоставления информации (адвокаты защиты или обвинения).

Членам ЭГ1 запись представлял адвокат защиты, утверждавший, что, несмотря на сильное давление, оказанное на обвиняемую, ее показания последовательны. После этого просматривалась запись. Затем выступал адвокат обвинения, указывающий на серьезные упущении в показаниях допрашиваемой.

В ЭГ2 все происходило наоборот: сначала адвокат обвинения указывал на «выдуманные» моменты в показаниях обвиняемой как на доказательства вины, затем просматривалась запись допроса, а после этого выступал адвокат защиты.

Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что отношение к обвиняемой в существенной мере зависело от того, какая сторона давала первую информацию о преступлении и подсудимой. При этом наблюдатели с высокой когнитивной потребностью в подавляющем большинстве ориентировались на первичную информацию (эффект первичности), а лица с низкой когнитивной потребностью, напротив, подчинялись эффекту свежести — реагировали на информацию, представляемую последней.

Известен социально-психологический закон — эффект первичности: из двух сообщений противоположного содержания убеж-

---

[1] *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Указ. соч. С. 320; *Майерс Д.* Указ. соч. С. 408.

дающее воздействие оказывает то из них, которое предоставляется первым.

На суде первое и последнее слово предоставляется обвинению.

Норман Миллер и Дональд Кэмпбелл изучали проявление эффекта первичности в судопроизводстве (1959). Они знакомили студентов университета Северо-Запада с сокращенной стенограммой реального судебного процесса по гражданскому делу. При этом всю информацию, предоставленную обвинением, они собрали в один блок, а информацию, предоставленную защитой, — в другой. Студенты могли начинать знакомство с делом с любого блока.

Когда через неделю им нужно было высказать свое мнение, большинство принимали ту сторону, с чьей информации они начали знакомство с делом[1].

Практические задания

I. *Вопросы для повторения*

1. Раскройте сущность психологического закона «первичности восприятия».
2. В чем состоит известный коммуникативный феномен «вторичности восприятия»?

II. *Проведите следующий эксперимент.* Разбейте группу на две подгруппы. Каждой подгруппе выдайте психологическую характеристику, состоящую из 10 слов, на коллегу «Сергея» (например, активный, упорный, целеустремленный, собранный, самодостаточный, творческий, сухой, нелюдимый, эгоистичный). Термины списках у обеих групп одинаковы, а их расположение разное. В одной группе вначале идут положительные качества, а во второй — наоборот.

Затем попросите группу дать общую характеристику «Сергея» тремя словами. Полученные результаты обсудите. Сформулируйте выводы для правоохранительной практики.

II. *Решите практическую задачу.*

Существуют определенные и, кажется, универсальные модели общения людей. Рассмотрим четыре типа поведения, к которым прибегают люди, чувствуя угрозу отвержения. Реагируя на эту угрозу, человек, который не хочет обнаружить собственную слабость, пытается как-то скрыть ее. Он может:

1) заискивать, чтобы другой человек не сердился;
2) обвинять, чтобы другой человек считал его сильным;
3) рассчитать все так, чтобы избежать угрозы;

---

[1] *Майерс Д.* Указ. соц. С. 409.

4) отстраниться настолько, чтобы игнорировать угрозу, вести себя так, будто ее нет.

Эти типы реагирования способствуют заниженной самооценке, ощущению собственного ничтожества. Эти типы поведения усиливаются, если в семье даются следующие установки:

«Не ввязывайся: это эгоизм — просить что-то для себя» (совет способствует тому, что человек начинает заискивать);

«Не давай никому себя подавить, не будь трусом» (усиливает позицию обвинителя);

«Не делай глупостей, ты слишком умен, чтобы делать ошибки» (усиливает расчетливость);

«Не будь слишком серьезным. Какая разница! Живи как придется!» (усиливает отстраненность от жизненных ситуаций).

Неужели эти четыре типа поведения — все, что у нас есть? Конечно, нет. Какие типы реагирования вы могли еще назвать? Приведите примеры родительских суждений.

2.4. Влияние на показания свидетелей схем опознания

О том, как влияют на поведение свидетелей различные схемы проведения опознания, свидетельствуют результаты интересного эксперимента, проведенного 1981 г. Malpass и Devine.

Исследователи на глазах свидетелей инсценировали акт вандализма. Затем из числа свидетелей были созданы две экспериментальные группы. Членам ЭГ1 давалась тенденциозная инструкция по типу: «Хулиган находится среди пятерых человек, представленных для опознания». Членам ЭГ2 инструкция формулировалась в нетенденциозном ключе: «Хулиган может находиться среди лиц, представленных для опознания». На самом деле хулигана в обоих случаях не было среди опознаваемых.

Результаты эксперимента. 78% свидетелей, получивших тенденциозную инструкцию, опознали хулигана в совершенно невиновных людях. Из лиц, получивших нетенденциозную инструкцию, на невиновных указали 33%. Исследователи указывают на необходимость включения в число ответов на опознании и таких вариантов: «Никто из присутствующих» и «Не могу сказать с полной уверенностью»[1].

---

[1] *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Указ. соч. С. 327

Практические задания

I. Обсудите в группе следующее дело. В 1981 г. американец Алан Кротзер был осужден по обвинению в том, что он вместе с двумя подельниками ограбил семью в городе Тампа. Они же якобы похитили женщину с 12-летней дочерью и обеих изнасиловали. Это обвинение основывалось на показаниях одной из потерпевших. Она выбрала фото Кротзера из представленных ей фотографий. На этом основании, несмотря на свидетельства остальных подсудимых о невиновности Кротзера, его все равно осудили на 130 лет. 24 года спустя благодаря деятельности нью-йоркской клиники «Проект Невиновность», осуществившей генетическую экспертизу спермы насильников, выяснилось, что Кротзер невиновен.

Повторный суд под давлением новых доказательств полностью оправдал Кротзера, который тут же вышел на свободу.

Сформулируйте психологические требования к опознанию подозреваемого.

II. *Решите практические ситуационные задачи.*

1. У гражданки Львовой пропал гранатовый браслет работы французского мастера XIX в. Готье. Как она заявила, единственный человек, знавший о браслете, — это близкий друг ее покойного мужа — художник Демин.

Расследовавшему пропажу браслета следователю Демин сказал: «Во-первых, я ничего не знал о том, что у Львовых имеется такая ценная вещь. Во-вторых, у меня дома действительно хранится какой-то браслет, но это семейная реликвия — его приобрел в сороковые годы мой дед — большой любитель ювелирных безделушек». Порывшись в старых бумагах, Демин предъявил в доказательство пожелтевшее от времени письмо:

«...Дорогой сын! Будучи проездом в Калининграде, я приобрел неплохой браслет. Это подарок твоей невесте.

Твой отец. 26 декабря 1944 г.»

Прочитав письмо, Громов заметил: «Это подделка, Демин! Я арестую вас по подозрению в краже браслета!»

Вопрос

1. Что позволило следователю принять такое решение?

2. К сотруднику полиции подбежал взволнованный подросток и попросил задержать идущего по тротуару мужчину: мальчонка шел за ним по пятам, но не решался сам остановить его — понимал, что силы были неравными. Паренек коротко объяснил, что по походке узнал в этом мужчине вора, «изъявшего» недавно деньги и драгоценности из соседней квартиры. Это было средь бела дня, и многие — не один этот мальчик — видели выходящего из подъезда незнакомца с легким чемоданчиком в руке. Видели, но не придали этому значения. А когда кража обнаружилась, вора и след простыл. И вот паренек встретил его в толпе.

Мужчину задержали. Он, конечно, возмущался, даже грозил привлечь к ответственности «за насилие и оскорбление».

Дело осложнялось тем, что ни тот паренек, ни другие, видевшие мужчину с чемоданчиком, не запомнили черты его лица. И теперь, приведенные в отдел внутренних дел на процедуру опознания, они не решались дать точный ответ. «Может быть, тот, — говорили они, — а может, и нет. Кто его знает... Тот вроде и одет был иначе. Темный костюм... Зеленая шляпа... А этот — в тенниске, без шляпы...»

Тогда сделали так. Нашли десять мужчин того же роста и телосложения, что задержанный. Обрядили их всех в темные костюмы и зеленые шляпы. Переодели и возмущавшегося дядю. И повезли их всех туда, где была совершена кража.

Из злополучного подъезда поочередно выходили (чемоданчик в руках) одиннадцать неизвестных, а свидетели тоже поочередно становились на исходную позицию — туда, где они стояли «в тот самый день» и откуда невозможно разглядеть человека в лицо.

Результаты этого своеобразного «голосования» оказались поразительными: все его участники единодушно опознали задержанного, опознали, не колеблясь. И категорически. Каждый порознь объяснил следователю, что преступника выдала походка.

Вопрос

1. Какую психологическую подоплеку содержит рекомендация о целесообразности производства предъявления для опознания человека по походке в том месте, в котором происходило восприятие допрошенным лицом данного человека, и в сходных условиях восприятия?

Психологические аспекты влияния свидетелей на принятие решений присяжными заседателями

3

3.1. Влияние очевидности показаний свидетелей на принятие решений присяжными заседателями

Что оказывает большее влияние на принятие судебного решения: факты или свидетельские показания? Это извечный вопрос, который может быть решен только посредством строгой экспериментальной проверки.

Элизабет Лофтус с сотрудниками провела следующий эксперимент. Участники — студенты Вашингтонского университета, распределенные в три экспериментальные группы «присяжных заседателей»[1].

Цель эксперимента — установить степень влияния свидетельских показаний на принятие решения присяжными заседателями.

Независимая переменная — наличие и очевидность свидетельских показаний очевидца преступления. *Зависимая переменная* — признание подозреваемого в преступлении виновным.

Ход эксперимента. Участники эксперимента знакомились с тремя разными описаниями одного и того же гипотетического случая разбоя.

Члены первой группы получали информацию, в которой вина подозреваемого подтверждалось неопровержимыми уликами, но свидетелей совершения преступления не было. Испытуемые второй группы получили ту же информацию и дополнительно показания одного очевидца. Члены третьей знакомились с уликами и свидетельскими показаниями очевидца. Но показания свидетеля дискредитировались адвокатом подсудимого, который доказал, что очевидец имеет очень слабое зрение и был без очков.

Результаты эксперимента отражены в табл. 3.1.

---

[1] См.: *Майерс Д.* Указ. соч. С. 401.

Таблица 3.1. **Зависимость признания присяжными лица, подозреваемого в преступлении, виновным от наличия и очевидности свидетельских показаний**

Экспериментальная группа	*Свидетельские показания*	*Процент присяжных, признавших подозреваемого виновным*
ЭГ1	Нет	18%
ЭГ2	Есть	72%
ЭГ3	Есть, но сомнительны	68%

Интерпретация результатов эксперимента. Показания свидетелей преступления, даже дискредитированные с помощью очевидных фактов, воспринимаются как более доказательные, чем неопровержимые улики, не подтвержденные показаниями очевидцев.

Практические задания

I. *Вопросы для повторения*

1. Чему в большей мере склонны верить судьи и присяжные заседатели: фактам или показаниям очевидцев?
2. Какие психологические явления проявляются в готовности присяжных заседателей верить свидетелям больше, чем фактам? Оцените веру в свидетельские показания с методологических позиций экспериментов, проведенных С. Ашем, М. Шерифом.

II. *Проведите следующий эксперимент.* Разбейте группу на две подгруппы: 1) судьи и 2) присяжные заседатели. Организуйте демонстрацию видеофильма «Час суда» (или подобного ему). Предъявляйте фильм по частям, останавливаясь после: а) предъявления фактов прокурором; б) после выступления каждого свидетеля; в) после реплик адвокатов. Перед вынесением решения судьей заслушайте выступления каждой подгруппы о возможном исходе дела. Затем заслушайте решение. Обсудите результаты. Сформулируйте выводы для правоохранительной практики.

3.2. Влияние точности и детализации показаний на их оценку присяжными

Что в сообщениях и поведении свидетелей в большей мере убеждает присяжных заседателей и судей? Могут ли показания одного и того же свидетеля, изложенные различным образом, иметь различное влияние на тех, кто выносит судьбоносные вердикты?

Гэри Уэллс, Р.К. Линдсей с коллегами осуществили следующее экспериментальное исследование[1].

Участники — студенты университета Альберты, распределенные в две экспериментальные группы: ЭГ1 — свидетели и ЭГ2 — присяжные заседатели.

Цель эксперимента — выявить влияние точности показаний очевидцев на доверие им со стороны присяжных.

Независимая переменная — точность показаний очевидцев.

Зависимая переменная — уровень доверия показаниям свидетелей.

Ход эксперимента. В присутствии сотен свидетелей осуществлялась «кража» калькулятора.

После этого одним свидетелям (ЭГ1) предлагалось идентифицировать подозреваемого по предлагаемым экспериментаторами фотографиям. Другие испытуемые (ЭГ2) в качестве присяжных наблюдали опрос очевидцев, а затем оценивали их показания.

Результаты эксперимента отражены в табл. 3.2.

Таблица 3.2. **Влияние точности показаний свидетелей на доверие к ним со стороны присяжных**

Экспериментальная группа	*Точные показания свидетелей*	*Неточные показания свидетелей*	*Разница*
Уровень доверия показаниям свидетелей членами ЭГ2 (присяжные)	80%	80%	0%

Обсуждение результатов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что наблюдатели не способны выделить свидетелей, ложно опознающих преступника в подозреваемом.

Практическое задание

I. *Проведите следующий эксперимент.* Два специально назначенных человека на занятии последовательно расскажут об одном и том же автопроисшествии. Тексты их выступлений заранее подготовлены втайне от группы. Они существенно отличаются содержанием. Один выступающий винит в аварии «зеленую девятку», другой — «серую хонду». Один из выступающих (кстати, назначенный случайным образом) оперирует такими деталями, как часть номера автомобиля, детали внешнего вида водителей, паттерны поведения сотрудника автоинспекции и т.д.

[1] См.: *Майерс Д.* Указ. соч. С. 401—402.

Пусть группа проголосует за то, кому она больше доверят. Затем раскройте секрет и обсудите полученные результаты. Сформулируйте выводы для правоохранительной практики.

3.3. Влияние уверенности свидетелей на присяжных

Исследователи в двухэтапном эксперименте изучали влияние уверенности свидетеля в зале суда на уровень доверия его показаниям со стороны присяжных (Wells and al., 1979; Leippe an al., 1990).

В одном случае по их заданию свидетель вел себя уверенно, в другом — демонстрировал сомнения.

Результаты эксперимента. Показания свидетелей, которые вели себя более уверенно, воспринимались присяжными как более надежные[1].

Линдсей, Уэллс и Кэролин Рампел (Lindsay, Wells, Carolin Rumpel, 1981) провели следующий эксперимент[2].

Обследуемые были распределены в три экспериментальные группы.

Члены ЭГ1 (надежные свидетели) имели возможность долгое время и отчетливо наблюдать за преступником. Члены ЭГ2 (ненадежные свидетели) не имели возможности отчетливо наблюдать за событиями преступления. ЭГ3 — присяжные.

Ход эксперимента. Экспериментаторами инсценировалась кража. Затем перед присяжными шел опрос свидетелей — представителей обеих групп. Даже когда условия для наблюдения за преступлением квалифицировались как крайне плохие и две трети очевидцев ошибочно указывали на невиновного человека, 62% присяжных сохраняли веру в показания свидетелей.

Уэллс и Майкл Лип в своем эксперименте изучали то, насколько зависит восприятие присяжными достоверности показаний свидетелей от степени их уверенности[3].

Испытуемые были разделены на три экспериментальные группы: ЭГ1 — свидетели, хорошо помнящие мелкие детали преступления, ЭГ2 — свидетели, плохо помнящие мелкие детали преступления, ЭГ3 — присяжные.

Переменные: независимая — степень детализации образов преступления у очевидцев, зависимая — уровень доверия к показаниям свидетелей.

---

[1] См.: *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Указ. соч. С. 341.
[2] См.: *Майерс Д.* Указ. соч.С. 402—403.
[3] См.: *Майерс Д.* Указ. соч. С. 402—403; *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Указ. соч. С. 323.

Результат эксперимента. Присяжные больше доверяли тем свидетелям, которые могли вспомнить мелкие детали преступления.

Интерпретация. Несмотря на то что люди, запоминающие мелкие детали событий, имеют меньше шансов запомнить существенные элементы преступления, присяжные считают их более способными к созданию точного образа событий.

Белл и Лофтус (1989) провели эксперимент, в котором исследовали влияние детализации показаний на степень их убедительности для присяжных.

В одном случае свидетельница ограбления магазина сообщала о том, что другой очевидец преступления сделал несколько покупок, а во втором случае она же сообщала о том, что он купил молочные ириски и бутылку диетической кока-колы.

Результаты эксперимента показали, что во втором случае, когда детализация показаний была выше, они воспринимались присяжными как в большей степени взывающие доверие[1].

Верховный суд США в 1972 г. включил уверенность свидетеля в себе при даче показаний в число признаков, которыми должны руководствоваться присяжные при оценке свидетельских показаний. Насколько это оправданно?

Стэнли Сью, Рональд Смит и Кэти Колдуэлл (1973) знакомили студентов Вашингтонского университета с описанием разбоя с убийством, совершенного в магазине. Им также были предоставлены материалы обвинения и защиты. Пока доводы обвинения были слабы, никто не признавал обвиняемого виновным. Когда же к этим обвинениям была добавлена запись уличающего телефонного звонка подсудимого, его признали виновным около трети присяжных. И это несмотря на тот факт, что судья постановил не считать эту запись законным доказательством и потребовал от присяжных не учитывать ее при вынесении решения (по типу: «Сказанное не должно иметь значения при рассмотрении вами дела. Вы обязаны отбросить эти показания»)[2].

Шарон Вулф и Дэвид Монтгомери выявили, что эта тенденция проявляется в судебной практике еще более ярко. Они считают, что подобные заявления судьи способны вызывать реактивное сопротивление. Внимание присяжных фиксируется на тех показаниях, которые учитывать запрещено[3]. Это очень похоже на известную игру, когда кого-либо просят ни в коем случае не думать о зеленой обезьяне. Сознание вновь и вновь непроизвольно возвращается к этому запрету.

---

[1] *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Указ. соч. С. 340.
[2] См.: *Майерс Д.* Указ. соч. С. 416.
[3] Там же. С. 417.

Практическое задание

I. *Обсудите в группе следующую информацию.*

В 1949 г. в Лондоне был арестован Тимоти Джон Эванс, после того как он признался в убийстве собственной жены. Жена и годовалая дочь Эванса действительно исчезли, и вскоре их тела были обнаружены. Объяснение причин преступления, способа его совершения, места укрытия трупов вызывали серьезное сомнение у следователей. Эванс также ничего не говорил о дочери. Однако полицейские решили, что материала достаточно для того, чтобы с ним разбирался суд.

Главным свидетелем обвинения был сосед Эванса Джон Кристи, утверждавший, что подозреваемый убил жену и дочь в припадке злобы. Эванс выступил на суде с новой версией происшедшего. По его словам, Джон Кристи попытался тайно сделать аборт жене Эванса, а когда та умерла, пообещал Эвансу позаботиться и о теле жены, и об оставшейся дочери. Эванс же должен был бежать, чтобы не навлечь на себя подозрения. Решение все же отправиться в полицию и сделать признание в убийстве подозреваемый объяснил чувством вины. Его показания на суде были путанными и несвязными. Он произвел неблагоприятное впечатление на жюри присяжных. Всего 40 минут хватило присяжным, чтобы вынести вердикт о виновности Эванса. Он был казнен.

Однако через три года в доме, принадлежавшем главному свидетелю, были обнаружены трупы трех женщин, в том числе и жены самого Кристи. Джон Кристи оказался серийным убийцей и сексуальным маньяком, что было неопровержимо доказано на суде. Он был казнен по решению суда.

Сделайте выводы из материала данного дела для правоохранительной практики.

3.4. Влияние привлекательности свидетелей на отношение присяжных

Можно ли считать, что убедительность показаний свидетелей зависит от факторов, не имеющих никакого отношения к рассматриваемому делу, и что исходно некоторые свидетели обладают большим потенциалом воздействия на судей и присяжных, чем другие?

Майкл Эфран (1974) из университета Торонто исследовал влияние физической привлекательности подсудимого (ответчика) на строгость наказания, выносимого судьей[1].

На первом этапе исследования он опросил ряд студентов по вопросу: «Влияет ли привлекательность на строгость наказания?» Большинство опрашиваемых ответило «Нет».

---

[1] *Майерс Д.* Указ. соч. С. 414.

На втором этапе исследования Эфран предъявил студентам описание судебного дела и фотографии привлекательного и непривлекательного подозреваемых.

Результат: большинство испытуемых считали симпатичных подозреваемых менее виновными и предлагали для них меньшее наказание.

Крис Даунс и Филлип Лайонз (1991) провели двухэтапный эксперимент[1].

На первом этапе они попросили полицейских конвоиров оценить физическую привлекательность 1742 обвиняемых, проходящих по 40 делам о правонарушениях.

На втором этапе исследования экспериментаторы изучили величину сумм залогов и штрафов, назначенных судьями за проступки.

Результаты эксперимента. Судьи в подавляющем большинстве случаев назначали малопривлекательным в физическом отношении обвиняемым более суровые наказания.

Практическое задание

I. *Проведите следующий эксперимент.* Возьмите любую историю из телепередачи «Адвокатские истории». Зачитайте группе фабулу дела. Затем изложите выступления свидетелей, демонстрируя «их» фотографии. При этом лица на фотографиях одной из сторон (обвинения или защиты) должны быть явно более симпатичными.

Предложите группе спрогнозировать развитие дела. Затем сообщите реальное его завершение. Обсудите результаты. Сформулируйте выводы для правоохранительной практики.

3.5. Влияние коммуникативных паттернов судей на принятие решений присяжными

Blanc с коллегами в 1985 г. провели исследование характера влияния позиции судьи на принятие решения присяжными заседателями. В ходе исследования осуществлялась видеозапись поведения судей в ходе процессов в муниципальных судах.

> ***Паттерн*** (от англ. pattern — модель, образец) — объединение сенсорных стимулов как принадлежащих одному классу объектов.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что:

1) судьи, имея исходную точку зрения по рассматриваемому вопросу, активно выражают его с помощью:

- тона отдаваемых указаний;
- времени и характера кивания головой;

[1] См.: *Майерс Д.* Указ. соч. С. 415.

• мимики (улыбки и нахмуривания бровей);

2) невербальное поведение судей оказывает влияние на принятие решения присяжными.

В связи с этим Вики Смит (1991) обосновала необходимость проведения с судьями досудебной тренировочной сессии, нацеленной на обучение их приемам предупреждения их непреднамеренного влияния на исход дела.

Практические задания

I. Используя инструкцию и схему наблюдения за дискуссией присяжных наблюдателей, предложенных О.В. Соловьевой, проанализируйте взаимодействие судьи и присяжных заседателей на примере известного кинофильма С. Михалкова «12». Оцените степень подверженности участников судебного процесса манипулятивным технологиям воздействия.

Инструкция социальному психологу — наблюдателю судебного процесса[1]

1. **Основная цель наблюдения** — эмпирически установить, (*а*) в какой мере и (б) с помощью каких коммуникативных средств судья и стороны осуществляют работу с присяжными заседателями в ходе судебного процесса.

2. Задачи наблюдения:

а) зафиксировать конкретные (вербальные и невербальные) коммуникативные акты судьи и сторон, направленные на присяжных заседателей; б) зафиксировать невербальные способы реагирования присяжных на характер вербальных обращений к ним и невербальный фон обращения с ними; в) определить распределение обращений к присяжным во времени (по типам, общему количеству обращений, а также их источнику — судья и стороны); г) сопоставить направленную на присяжных вербальную активность судьи и сторон в целом и на разных этапах процесса в частности.

3. Объект наблюдения — участники судебного процесса (председательствующий судья, стороны обвинения и защиты, присяжные заседатели).

4. Предмет наблюдения — коммуникация между участниками судебного заседания.

5. Способ наблюдения — невключенное, открытое, полевое, систематическое, выборочное; по характеру фиксации — смешанное (констатирующее и оценивающее).

---

[1] *Соловьева О.В.* Наблюдение // Социальная психология: Практикум. М.: Аспект-Пресс, 2006. С. 44—49

6. Схема наблюдения

Вербальные коммуникативные акты:

а) характер обращений к присяжным судьи и сторон:

? — вопросы: нв — наводящие, к — выходящие за пределы компетенции присяжных, нк — некорректные (уточнить), р — риторические, д — другое (раскрыть);

Р — разъяснения: п — прав, о — обязанностей, ф — фактической стороны дела, ю — юридических моментов, р — своих решений (судьей) и своей позиции (сторонами) (в том числе по вопросу о допустимости доказательств), с — ситуации, сложившейся в судебном заседании, д — другое (раскрыть);

Л — «лозунги» (призывы): с — к справедливости, м — к милосердию, н — к строгому наказанию во имя борьбы с преступностью, з — к здравому смыслу, о — апелляция к личному опыту присяжных, л — апелляция к личному опыту сторон, в — вовлечение (включение в «мы»), д — другое (раскрыть);

В — привлечение внимания присяжных: о — к обстоятельствам дела, лп (о, с) — к личности потерпевшего (обвиняемого, свидетеля), сп (о, с) — к состоянию потерпевшего (обвиняемого, свидетеля), вп (о, с) — к взаимодействиям потерпевшего (обвиняемого, свидетеля), пр — к противоречиям в показаниях, п — повторы, д — другое (раскрыть);

Д — давление: а — авторитетом профессионалов (юристов), о — угрозой осуждением общественности, п — неблагоприятными последствиями для присяжных, д — другое (раскрыть);

Э — апелляция к эмоциям: г — гневу, с — страху, ее — состраданию, д — другое (раскрыть);

М — манипуляции разного рода (высказывания, содержащие скрытые цели, «нечестная игра» со стороны профессионалов) (уточнить характер);

Др — другие (какие именно);

б) количество обращений разного рода (подсчитывается на основании протокола наблюдения по его окончании).

Невербальные коммуникативные акты:

а) судьи и сторон, направленные на установление и поддержание психологического контакта с присяжными:

П — поза: в — наклон вперед, п — напряженная прямая, нк — откинувшись назад, комфортная, не — откинувшись назад, руки или ноги скрещены, д — другое (раскрыть);

Г — направление взгляда, контакт глаз: б — бегающий взгляд, г — на говорящего, с — в сторону, о — отсутствующий («в себя»), м — мимолетный, ч — чтение, д — другое (раскрыть): С, О, З, П — направленность взгляда на судью, обвинение, защиту, присяжных (для говорящих);

М — мимика (выражение лица при обращении к присяжным): д — спокойно-доброжелательное, н — нейтральное, о — отстраненно-замкнутое, р — недовольно-раздраженное;

Ж — жесты (положение и движения рук, письмо) — описать словами;

ЭПЛ — экстра- и паралингвистические характеристики: г — достаточная громкость речи, р — разборчивость речи, и — интонационный рисунок (немонотонность речи), ч — чистота речи (отсутствие засоряющих речь вкраплений);

Др — другие (какие именно);

б) присяжных заседателей (как показатель их включенности в происходящее и динамики внимания в ходе судебного процесса):

П — поза: в — наклон вперед, п — напряженная прямая, нк — откинувшись назад, комфортная, не — откинувшись назад, руки или ноги скрещены, д — другое (раскрыть);

Г — направление взгляда, контакт глаз: б — бегающий взгляд, г — на говорящего, с — в сторону, о — отсутствующий («в себя»), м — мимолетный, ч — чтение, д — другое (раскрыть);

М — мимика (выражение лица): с — спокойно-доброжелательное, з — отстраненно-замкнутое, н — нейтральное, р — недовольно-раздраженное, нв — напряженно-внимательное, дв — доброжелательно-внимательное, у — недоуменно-удивленное, д — другое (раскрыть);

Ж — жесты (положение и движения рук, письмо) — описать словами;

Др — другие (какие именно).

Пространственно-временная организация общения:

а) взаимное расположение участников судебного процесса в зале заседания (зарисовать схематически, где находятся судья, стороны, присяжные, подсудимый, потерпевший, публика);

б) структурирование судьей времени судебного заседания:

ОР — предварительное ознакомление присяжных с регламентом заседания (частотой и длительностью перерывов, временем обеда, предполагаемым временем окончания заседания);

СР — соблюдение регламента (отметить нарушения, указав, были ли и каким образом они прокомментированы судьей и как отнеслись к нарушениям и комментарию присяжные);

ВЗ — «выстраивание заседания» (обеспечивает ли принятый судьей порядок заседания адекватность и осмысленность восприятия присяжными происходящего в заседании, делает ли судья по ходу заседания перестановки с учетом сложившейся психологической ситуации).

7. Способы фиксации — протокол в виде таблицы с колонками *для фиксации*: 1) говорящего в данный момент; 2) вербального коммуникативного поведения объекта наблюдения; 3) невербального коммуникативного поведения объекта наблюдения; 4) примечаний и комментариев. Невербальное поведение коллегии присяжных фиксировать в виде «общей картины» (по проявлениям большинства присяжных), а также отмечать в протоколе отдельные яркие или нетипичные проявления.

8. Способы обработки — сплошной подсчет количества фиксаций категорий и подкатегорий высказываний для каждого из юристов — судьи, обвинителя и защитника(ков). Выделение ведущих категорий высказываний для каждого юриста и построение коммуникативных профилей.

Схема наблюдения за дискуссией присяжных заседателей[1]

Поскольку схема наблюдения должна быть подчинена целям исследования, необходимо определить эти цели.

1. *Выявление структуры группы в процессе групповой дискуссии*: разбиение на фракции, взаимодействие между фракциями, изменение

---

[1] *Соловьева О.В.* Указ. соч. С. 44—49.

фракций (критерии разбиения на фракции — местоположение каждого из членов, социодемографические характеристики, содержание аргументов).

Эмпирические индикаторы. У каждого из участников дискуссии присяжных есть номер (он приколот к одежде). Необходимо фиксировать, к кому обращается («к») каждый из членов группы («от»), когда говорит (к отдельному человеку или к нескольким людям):

- поворот головы и/или туловища («от» «к») — **Пг Пт**;
- вербальное обращение («от» «к») или указание («на») — **Во**;
- негативное прерывание («кого» «кем»), например, «замолчите», «давайте скорее», «на себя посмотрите» и т.п. — **Пн**;
- содержание аргумента противоречит реплике предыдущего выступающего («от» «к») — **Апр**;
- содержание аргумента подтверждает реплику предыдущего («от» «к») — **Апод**;
- содержание аргумента выступающего не относится к реплике предыдущего («от» «к») — **Ано**.

Интерпретация. Наличие фракции характеризуется относительно большим количеством интеракций (вербальное или невербальное обращение) между ее членами, чем между членами двух разных фракций. Между членами разных фракций может вообще не быть интеракций, их количество может быть минимальным или приближаться к показателю интеракций между членами одной фракции.

Стиль взаимодействия между фракциями характеризуется количеством «негативных прерываний». Если количество негативных взаимодействий между фракциями превышает количество негативных взаимодействий между членами одной фракции, то это можно считать следствием принадлежности обсуждающих к разным подгруппам. Если «негативных прерываний» не отмечено, то стиль взаимодействия между фракциями можно считать позитивным.

Объединение во фракции людей одинакового пола и близкого возраста, имеющих общую точку зрения на проблему или сидящих близко друг к другу, свидетельствует о наличии корреляционной связи соответственно между социодемографическими характеристиками, содержанием аргументов или местоположением участников дискуссии и объединением их во фракции. (Причинно-следственную зависимость можно установить только в эксперименте.)

2. *Определение стиля(ей) руководства старшины*: авторитарный или демократический, а также того, является ли старшина лидером-организатором или лидером мнения.

Эмпирические индикаторы:

- прерывание других — **Пре**;
- предложение высказаться — **Вые**;
- высказывание, не подлежащее сомнению, — **Вне**;
- высказывание в виде предложения — **Вп**;
- неприветливый тон — **Тн**;
- товарищеский тон — **Тт**;
- установление порядка дискуссии (для всех участников дискуссии) — **Пор**;

- реплика о рассматриваемом деле (для всех участников дискуссии) — **Дел**.

Интерпретация. Наличие большого числа категорий «Прерывание других», «Высказывание, не подлежащее сомнению» и «Неприветливый тон» будет свидетельствовать об авторитарном стиле руководства. Тогда как категории «Предложение высказаться», «Высказывание в виде предложения» и «Товарищеский тон» будут указывать на демократический стиль. Большое количество реплик категории «Установление порядка дискуссии» будет говорить о том, что старшина — лидер-организатор. В то же время большое количество реплик, относящихся к рассматриваемому делу, будет указывать на то, что старшина — лидер мнения.

Сравните количество реплик каждого вида у разных участников дискуссии и старшины.

3. *Выявление лидеров в коллегии присяжных*. Самостоятельно найдите эмпирические индикаторы позиции лидера в групповой дискуссии присяжных. Совпадают ли в наблюдаемой дискуссии присяжных позиции руководителя (старшины) и лидера?

Примечания. Не удивляйтесь, если одна и та же реплика может быть охарактеризована с помощью нескольких категорий. Это связано с тем, что данное наблюдение имеет три цели.

Запоминайте или записывайте проблемы, которые возникли у вас при отнесении поведения к одной из категорий. Это очень важно и необходимо для анализа методики наблюдения.

II. *Решите практические ситуационные задачи*.

1. На открытом судебном процессе оратор широко использует приемы контактирования для улучшения эффекта общения и воздействия на аудиторию.

«Ваша честь! Какие только люди не проходят перед вами! Какие только конфликты вам не приходится разрешать! Ведь каждый человек, стоящий перед судом, будь он подсудимым или ответчиком по гражданскому делу, приходит в суд своим особым и, как правило, неповторимым путем, обусловленным сложнейшим переплетением самых разнообразных обстоятельств в его личной жизни и в его отношениях с окружающими его людьми. И кем, как не подлинным инженером человеческих душ, надо вам быть, чтобы в течение непродолжительного общения со стоящими перед вами людьми суметь проникнуть в души этих людей, разглядеть и постигнуть их истинный характер, моральный облик и вынести свое безошибочное суждение»

Вопрос

1. Определите, какие элементы контактирования (прямое обращение, местоименно-глагольные конструкции т.п.) использованы в данном отрывке из судебной публичной речи.

2. Как известно, неправильно построенная модель публичной судебной речи порождает несовпадение смыслового фокуса сообщения и его интерпретации, т.е. возникает «эффект смысловых ножниц». Одной из наиболее распространенных причин этого отрицательного психолингвистического эффекта является использование в речи судебного оратора таких языковых средств, которые не соответствуют языковым ресурсам судебной аудитории.

«...Российское уголовное право учитывает все те условия, которые ограничивают меру осознания и свободу волеизъявления при совершении преступления, расценивая их как смягчающие обстоятельства. К таким обстоятельствам относится состояние выраженного эмоционального напряжения, и в первую очередь физиологический аффект. Квалифицирующие признаки физиологического аффекта не прослеживаются в данном случае, но есть все основания говорить о состоянии фрустрации, что в некоторых случаях может быть расценено как смягчающее обстоятельство».

Вопрос

Проанализируйте отрывок из речи адвоката на открытом судебном процессе. Выявите случаи, в которых возможно появление «эффекта смысловых ножниц», определите, какие языковые элементы затрудняют восприятие данной судебной публичной речи. Отредактируйте текст.

3.6. Влияние на решение присяжных предварительного обсуждения материалов дела в СМИ

Джефри Крамер в широкомасштабном эксперименте (с привлечением более 800 участников) показал, что на принятие решения присяжными влияют не только указания судьи, но и досудебное обсуждение в СМИ.

Крамер знакомил присяжных (большинство которых состояло в реестре присяжных) с обвиняющими сообщениями в средствах массовой информации о прошлых судимостях человека, подозреваемого в ограблении супермаркета. Они смотрели повтор процесса в видеозаписи.

После этого испытуемые делились на две экспериментальные группы. Члены ЭГ1 выслушивали наставления судьи о необходимости игнорирования досудебного обсуждения дела в СМИ. Членам ЭГ2 такого наставления не давалось.

Результаты эксперимента состоят в следующем: эффект от наставления судьи практически отсутствует[1].

Декстер и др. (Dexter & others, 1992) экспериментально доказали, что даже обещание условных присяжных не учитывать информацию, содержащуюся в обвиняющих сообщениях и обеспечить личную беспристрастность не снимало эффекта внушающего воздействия досудебной огласки[2].

---

[1] *Майерс Д.* Указ. соч. С. 417.

[2] Там же.

Библиографический список

1. *Аверченко Л.К.* Управление общением: Учеб. пособие. М: ИНФРА, 2001.
2. *Аминов И.И.* Занимательная психология для юристов. М., 2001.
3. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 2007.
4. *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступления и наказания. М.: ПЕНАТЕС-ПЕНАТЫ, 2000.
5. *Анцупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология. М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
6. *Анцупов А.Я., Ковалев В.В.* Социально-психологическая оценка персонала. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006.
7. *Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р.* Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2004.
8. *Бачинин В.А.* Психология: Энцикл. словарь. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2005.
9. *Васильев В.Л.* Юридическая психология. СПб.:Питер, 2001.
10. Введение в социальную психологию. Европейский подход / М. Хьюстн, В. Штребе. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
11. *Гамезо М.В., Домашенко И.А.* Атлас по психологии. М.: Педагогическое общество России, 2003.
12. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб.: Речь, 2003.
13. *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. М., 1996.
14. *Еникеев М.И.* Психологический энциклопедический словарь. М.: Проспект, 2006.
15. *Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А.* Социальная психология. М.: ФОРУМ-ИНФРА-М, 2006.
16. *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Социальное влияние. СПб.: Питер, 2000.
17. *Илларионов В.П.* Переговоры с преступниками, М., 1993.
18. *Кречмер Э.* Телосложение и характер. М., 1995.
19. *Крижанская Ю.С., Третьяков В.П.* Грамматика общения. М.: Смысл, 2005.
20. *Караяни А.Г.* Обеспечение социально-психологической устойчивости воинских подразделений: Дис. ... канд. психол. наук. М.: ВУ, 1993.

21. *Караяни А.Г., Сыромятников И.В.* Прикладная военная психология. СПб.: Питер, 2006.
22. *Каряни А.Г., Цветков В.Л.* Психология общения и переговоров в экстремальных условиях. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
23. *Крысько В.Г.* Психология и педагогика в схемах и таблицах. М., 2000.
24. *Крысько В.Г.* Социальная психология: Схемы и комментарии. М., 2001.
25. *Кун Д.* Все тайны поведения человека. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005.
26. *Лебедев И.Б., Цветков В.Л.* Психология в правоохранительной деятельности: Учеб. пособие. М.: Щит М, 2003.
27. *Лебедев И.Б., Родин В.Ф., Цветков В.Л.* Основы психологии для сотрудника правоохранительных органов: Учеб. пособие. М.: Щит-М, 2004.
28. *Лебедев И.Б., Родин В.Ф., Цветков В.Л., Эриашвили Н.Д.* Юридическая психология: Учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
29. *Лефрансуа Г.* Формирование поведения человека. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
30. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 1999.
31. *Малашкина М.М.* Популярная история психологии. М.: Вече, 2002.
32. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2006.
33. *Организация* психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел. М., 2002.
34. *Пайнс Э., Маслач К.* Практикум по социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. С. 260—276.
35. *Пиз А., Пиз Б.* Новый язык телодвижений. М.: Эксмо, 2005.
36. *Пирожков В.Ф.* Криминальная психология. М.: Ось-89, 1998.
37. *Прикладная* юридическая психология: Учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2001.
38. *Психология*: Словарь / Под ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990.
39. *Психология* и педагогика: Учеб. пособие / Под ред. В.М. Николаенко. М., 2001.
40. *Психология* человека от рождения до смерти / Под ред. А.А. Реана. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.
41. *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М., 2002.
42. *Реан А.А.* Психология личности. Социализация, поведение, общение. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004.
43. *Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А.* Психология адаптация личности. СПб.: Медицинская пресса, 2002.
44. *Романов В.В.* Юридическая психология. М.: ЮРИСТЪ, 2002.
45. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер. 2001.
46. *Саугстад П.* История психологии. Самара: Бахрах-М, 2008.
47. *Свенцицкий А.Л.* Краткий психологический словарь. М.: Проспект, 2008.

48. *Свирская И.Б., Андреев Н.В.* Переговоры: психологическая характеристика и методы отбора инструкторов по переговорной деятельности. М.: Академия МВД России, 1995.
49. *Сластенин В.А., Каширин В.Л.* Психология и педагогика: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2001.
50. *Соколова Е.Е.* Тринадцать диалогов о психологии. М.: Смысл, 2003.
51. *Соловьева О.В.* Наблюдение // Социальная психология: Практикум. М.: Аспект-Пресс, 2006.
52. *Социальная* психология / Под ред. А.М. Столяренко. М., 2001.
53. *Столяренко А.М.* Психологические приемы в работе юриста: Практ. пособие. М., 2000.
54. *Стюарт-Гамильтон Я.* Что такое психология. СПб.: Питер, 2002.
55. *Филатов Ф.Р.* Общая психология. Ростов н/Д: «Феникс», 2003.
56. *Цветков В.Л.* Конфликтология: Учеб. пособие. М.: Щит-М., 2004.
57. *Цветков В.Л.* Юридическая психология: Учеб. пособие в схемах и комментариях. М.: Щит-М., 2006.
58. *Цветков В.Л.* Юридическая психология: Учеб. пособие в схемах и комментариях. М.: Щит-М, 2011.
59. *Цветков В.Л., Соловьева А.В.* Этнопсихология. М.: Щит-М, 2009.
60. *Цветков В.Л., Шевченко В.М., Шанава Е.Н.* Психология оперативно-розыскной деятельности. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
61. *Чалдини Р.* Психология влияния. СПб.: Питер, 2006.
62. *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология. М., 1998.
63. *Юридическая* психология: Хрестоматия / Сост. В.В. Романов, Е.В. Романова. М., 2000.

Оглавление